

Журнал зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации (свидетельство о регистрации выдано 14.12.2016 г.)

Периодический научный журнал. Выходит ежегодно

Редакционный совет научного журнала

Бувевич Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, ректор Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Ермекебай Жарас Акишев, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Астана, Казахстан);

Криштапович Лев Ефстафьевич, доктор философских наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, Белоруссия);

Мехтиева Нисбет Джанмамед кызы, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории тюркских народов Бакинского государственного университета (Баку, Азербайджан);

Садалова Тамара Михайловна, доктор филологических наук, ответственный секретарь Алтайского отделения Российской комиссии по делам ЮНЕСКО, директор Республиканского центра народного творчества (Горно-Алтайск, Россия);

Синецкий Сергей Борисович, доктор культурологии, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия);

Тагиров Энгель Ризакович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Казанского государственного института культуры, ректор Института культуры мира (ЮНЕСКО) (Казань, Россия);

Турдугулов Али Турдугулович, доктор филологических наук, профессор, директор Института фундаментальных и социально-гуманитарных исследований при госкомитете по науке и новым технологиям при Кыргызской Республике (Бишкек, Кыргызстан);

Цыремпилова Ирина Семёновна, доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ, Россия);

Шелегина Ольга Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия);

Шишин Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета по научной работе (Барнаул, Россия);

Шунков Александр Викторович, доктор филологических наук, доцент, ректор Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Эрдэнэцэцэг Шайнен, Ph.D., доцент, заведующий научно-исследовательского института Монгольского государственного университета искусств и культуры (Улан-Батор, Монголия);

Яфальян Алла Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории исполнительского искусства Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского (Екатеринбург, Россия).

Редакционная коллегия:

Полякова Елена Александровна, главный редактор: доктор исторических наук, доцент, проректор по научной работе и международным связям Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Матис Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Оленина Галина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Серёгин Николай Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Трофимова Раиса Афанасьевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента информационных ресурсов Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);

Ултургашева Надежда Доржуевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия);

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия).

Заместители главного редактора: Фролова Анна Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры музеологии и документоведения, аналитик отдела организации научно-исследовательской работы Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия);
Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного института культуры (Кемерово, Россия).

Ответственные за выпуск: Фролова Анна Сергеевна, Егле Людмила Юрьевна.

Учредитель журнала: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный институт культуры».

Издающие организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный институт культуры», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры».

Адрес редакционной коллегии: ул. Юрина, 277, Барнаул, Алтайский край, Россия 656055.

Тел.: 8 (3852) 54-73-67; **адрес электронной почты:** oonir.agik@mail.ru.

© Алтайский государственный институт культуры, 2017

© Кемеровский государственный институт культуры, 2017

© Авторы статей, 2017

Scientific Journal registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation (certificate of registration issued on December 14, 2016)
Annual Periodical Scientific Journal

Editorial Council

Buevich Galina Alexandrovna, Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor, Head of the Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ermekbai Zharas Akishevich, Dr. of History, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan);

Krishtapovich Lev Efstafievich, Dr. of Philosophy, Professor, Head of Scientific Research Department, Byelorussian State University of Culture and Arts (Minsk, Belorussia);

Mekhtieva Nisbet Dzhannamed kyzy, Dr. of History, Professor, Department of the History of Turkic Peoples, Baku State University (Baku, Azerbaijan);

Sadalova Tamara Mikhailovna, Dr. of Philology, Executive Secretary of the Altai Branch of the Russian Commission for UNESCO, Head of the Altai Republic Folk Art Centre (Gorno-Altai, Russia);

Sinetzky Sergei Borisovich, Dr. of Cultural Sciences, Associate Professor, Vice-Chief for Scientific Research and Innovation Work, Chelyabinsk State Institute of Culture (Chelyabinsk, Russia);

Tagirov Engel Rizakovich, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Kazan State Institute of Culture, Head of the Institute of World Culture (UNESCO) (Kazan, Russia);

Turdugulov Ali Turdugulovich, Dr. of Philology, Professor, Head of the Institute of Fundamental and Social and Humanitarian Studies under the State Committee for Science and New Technologies in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan);

Tsyrempilova Irina Semyonovna, Dr. of History, Associate Professor, Vice-Chief for Scientific Research, East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia);

Shelegina Olga Nikolaevna, Dr. of History, Senior Researcher, Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);

Shishin Mikhail Yurievich, Dr. of Philosophy, Professor, Vice-Chief for Research, Institute of Architecture and Design, Altai State Technical University (Barnaul, Russia);

Shunkov Aleksandr Viktorovich, Dr. of Philology, Associate Professor, Head of the Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Erdenetsetseg Shainen, Ph. D., Associate Professor, Head of Research Institute, Mongolian State University of Culture and Arts (Ulaanbaatar, Mongolia);

Yafalian Alla Fyodorovna, D. Ed., Professor, Department of History and Theory of Performing Arts, Mussorgsky Ural State Conservatory (Ekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Polyakova Elena Aleksandrovna, Chairman: Dr. of History, Associate Professor, Vice-Head for Scientific Work and International Relations, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ponomaryov Valerii Dmitrievich, D. Ed., Associate Professor, Vice-Chief for Scientific and Creative Work, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Gendina Natalia Ivanovna, D. Ed., Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Research Institute of Information Technologies of Social Sphere, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Kimeeva Tatyana Ivanovna, Ph. D. in Cultural Sciences, Associate Professor, Department of Museology, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Markov Viktor Ivanovich, Dr. in Cultural Sciences, Professor, Department of Cultural Science, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Matis Vladimir Ivanovich, D. Ed., Professor, Department of Social and Cultural Activities, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Olenina Galina Vladimirovna, D. Ed., Professor, Department of Social and Cultural Activities, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Seryogin Nikolai Vasilievich, D. Ed., Professor, Head of Department of Folk Instruments and Orchestral Conducting, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Trofimova Raisa Afanasievna, Dr. of Sociology, Professor, Department of Management of Informational Resources, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia);

Ulturgasheva Nadezhda Dhorzhuevna, Dr. of Cultural Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Folk Artistic Culture, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Yudina Anna Ivanovna, D. Ed., Associate Professor, Head of the Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia);

Vice Chairman: Frolova Anna Sergeevna, Ph. D. in Pedagogics, the Senior Lecturer of the Department of Museology and Documentation, Analyst of the Research Organization Department, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia); **Yegle Lyudmila Yurievna**, Ph. D. in Cultural Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Administration, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Copy Editors: Frolova Anna Sergeevna, Yegle Lyudmila Yurievna.

Scientific Journal Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Institute of Culture".

Issuing organizations: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Institute of Culture And Arts", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State Institute of Culture".

Editorial Board Address: st. Yurina, 277, Barnaul, Altai Territory, Russia 656055.

Phone number: 8 (3852) 54-73-67;

E-mail: oonir.agik@mail.ru.

© Altai State Institute of Culture, 2017

© Kemerovo State Institute of Culture, 2017

© Authors of articles, 2017

Содержание

Евразийство в социально-философском и историческом контексте		The Eurasianism in the social and philosophical, and historical context	
Аязбекова С. Ш. Евразийская культура: становление и основные этапы развития.....	5	Ayazbekova S. S. The Eurasian culture: formation and key stages of development.....	5
Бабаскин С. А. Формально-логический анализ феномена «евразийство».....	10	Babaskin S. A. The formal logical analysis of the “Eurasianism” phenomenon.....	10
Матис В. И. Цель и задачи поликультурного образования в условиях евразийского сотрудничества.....	14	Matis V. I. Goal and objectives of multicultural education in the Eurasian cooperation.....	14
Московкина Е. А. Социальные архетипы в культурном дискурсе исторического романа В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю».....	22	Moskovkina E. A. Social archetypes in cultural discourse of “ <i>I Came to Give Freedom to You</i> ”, Vassily Shukshin's historical novel.....	22
Насонов А. А. Региональные формы буддизма в Южной Сибири: проблемы распространения и адаптации.....	27	Nasonov A. A. Buddhism regional forms in South Siberia: problems of dissemination and adaptation.....	27
Обухова Л. А. Поточное копирование мировых шедевров живописи как возможное будущее искусства.....	30	Obukhova L. A. Multiple copy reproduction of pictorial art masterpieces as a potential future of art.....	30
Первушина О. В. «Мир природы» и «мир человека» в ракурсе культурологического подхода (евразийский аспект).....	34	Pervushina O. V. “The world of nature” and “the world of a man” from a point of view of the cul-turological approach (the Eurasian aspect).....	34
Тагиров Э. Р. Евразия – символ исторической надежды человечества.....	42	Tagirov E. R. Eurasia – the symbol of the man-kind’s historical hope.....	42
Тюреноква Л. М. Евразийство как культурно-историческая эпоха.....	46	Tyurenkova L. M. Eurasianism as a cultural and historical epoch.....	46
Изучение и сохранение историко-культурного и природного наследия в евразийском пространстве		Research and preservation of historical, cultural and natural heritage in the Eurasian space	
Ананин Д. П. Становление традиций научно-исследовательской деятельности в странах Большого Алтая.....	51	Ananin D. P. Formation of research activity traditions in the Great Altai countries.....	51
Драгайкина Т. А. Особенности культуры Колывано-Воскресенского горного округа (по материалам книжного собрания Колывано-Воскресенских горных заводов).....	57	Dragaikina T. A. The peculiarities of the culture of Kolyvan-Voskresensk mining district (based on materials from the book collection of the Kolyvan-Voskresensk mining plants).....	57
Жигунова М. А. Матримониальные установки и межэтнические браки: евразийский контекст.....	62	Zhigunova M. A. Matrimonial expectations and inter-ethnic marriages: Eurasian context.....	62
Криштапович Л. Е. Русский мир как основа белорусского и украинского самосознания.....	66	Krishtapovich L. E. The “ <i>Russkiy Mir</i> ” as the basis of the Belarussians’ and the Ukrainians’ self-consciousness.....	66
Мартынов А. И., Каплунов В. А. Музеи и музеефикация материального историко-культурного наследия сельских территорий Сибири.....	74	Martynov A. I., Kaplunov V. A. Problems of museumification of the historical and cultural heritage of Siberian rural territories.....	74
Мастеница Е. Н. Нематериальное наследие как объект музеефикации: теоретико-методологические основания.....	79	Mastenitsa E. N. Intangible heritage as an object of museumification: theoretical and methodological bases.....	79
Рындина О. М. Традиция и инновация: ретроспекция культуры российских немцев Нарымского края.....	85	Ryndina O. M. Tradition and innovation: retrospection of Russian Germans’ culture in Narym Krai.....	85
Турдугулов А. Т. Мифологические парадигмы фольклора тюркоязычных народов.....	90	Turdugulov A. T. The mythological paradigms of the Turkic-speaking peoples folklore.....	90
Цыремпилова И. С. Евразийские культурные ценности: опыт изучения и сохранения в вузе культуры.....	94	Tsyrempilova I. S. Eurasian cultural values: the experience of research and conservation in an organization of higher education of culture.....	94

Социокультурная и информационная деятельность в евразийском регионе

Вихрева Г. М. Основы государственной культурной политики и формирование ценностной концепции российской библиотеки...	99
Григорьева Е. И. Об особенностях российской народной традиционной культуры и её использовании в культуроохранных технологиях социально-культурной деятельности..	102
Полякова Е. А. Исторические аналогии в музейно-стратегической перспективе XXI столетия.....	106
Сергеева О. Л. Методологическая организация исследования декоративно-прикладного творчества и искусства.....	110
Харламов С. В. Особенности интеграции археологических объектов внутриконтинентального региона в сферу туризма (на примере Алтайского края).....	113
Шелегина О. Н., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н. Проектная деятельность сектора «Музей СО РАН» по освоению историко-культурного наследия Евразии.....	119
Юлдашева М. Б. Пути совершенствования деятельности учреждений культуры Узбекистана на современном этапе.....	124

Social and cultural, and informational activity in the Eurasian region

Vikhreva G. M. The basics of the Russian state cultural policy and the formation of a Russian library values conception.....	99
Grigoreva E. I. About the peculiarities of the Russian people's traditional culture and its using incultural protection technologies of social and cultural activitiy.....	102
Polyakova E. A. Historical analogies in the strategy of museum sector development in 20 th century.....	106
Sergeyeva O. L. Methodological organization of research in decorative and applied arts sphere.....	110
Kharlamov S. V. Features of the integration of intracontinental archaeological objects in the tourism sphere (on the example of the Altai territory).....	113
Shelegina O. N., Zaporozhchenko G. M., Pokrovsky N. N. Project activities of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences museum for the acquaintance with the historical and cultural heritage of the Eurasia.....	119
Yuldasheva M. B. Ways of improving the Uzbekistan culture institutions activities at the present day.....	124

ЕВРАЗИЙСТВО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 130.2(4/5)

С. Ш. Аязбекова, доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Казахстанский филиал (Астана, Казахстан)
ayazbekova@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Доклад посвящён теоретическим и историческим проблемам становления и развития евразийской культуры. Обосновываются континентальные границы евразийской культуры, а её зарождение соотносится с эпохой палеолита.

Ключевые слова: *евразийская культура, культуры Евразии, палеолит, неолит, античность, средневековье, Новое и Новейшее время.*

Основы концепции евразийства были заложены в первые десятилетия XX века в Софии, где был издан первый сборник евразийцев «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» со статьями русских мигрантов – П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого. Их идеи о евразийской культуре, не сводимой ни к европейской, ни к азиатской, а представляющей собой синтез русского и туранского начал и соотносимой с российской и советской государственностью, являются основополагающими и по сей день.

Во второй половине XX века Львом Гумилёвым, исследовавшим Евразию на основе данных таких наук, как история, этнология, этнография, биология, география, геология и демография, были выделены два подхода: широкий, рассматривающий Евразию как материк, и узкий – как одно из месторазвитий Евразийского континента, его внутренний, центральный район [1–4]. Объединение этих двух подходов позволило нам подойти к теоретическим вопросам исследования евразийской культуры.

Исходя из территориального (географического) понимания евразийского пространства, было предложено теоретическое разграничение понятий «культура Евразии» и «евразийская культура». Так, в самом общем виде «культура Евразии» понимается как совокупность локальных культур Евразии, тогда как термин «евразийская культура» – как бикультура, понимаемая как особая типологическая общность, в основе которой – взаимодействие и сосуществование в рамках формирования и функционирования единой культурной системы двух

генетически, типологически и территориально различных культур: европейской – с одной стороны, и азиатской – с другой.

Продолжая осмысление евразийской культуры с точки зрения географического подхода, нами были выделены три основных уровня рассмотрения: континентальный, региональный и локальный (государственно-страновой) [5–7].

На основе континентального уровня рассмотрения проанализируем основные этапы становления и развития евразийской культуры. При этом мы исходим из того, что Евразия как континент состоит из двух основных частей – Европы и Азии. Согласно классификации ООН, Азия делится на несколько физико-географических районов, в числе которых – Восточная Азия (Корейский полуостров, Японские острова, восточная часть Китая); Западная Азия (Южный Кавказ и Переднеазиатские нагорья); Северная Азия (Сибирь и северо-восток Евразии); Средняя Азия (Памир, Тянь-Шань, Туранская низменность); Юго-Восточная Азия (полуостров Индокитай и Малайский архипелаг); Юго-Западная Азия (Аравийский полуостров и Левант); Южная Азия (полуостров Индостан и остров Шри-Ланка (архипелаг Мальдивы) [8]. Поэтому евразийский тип культуры может проявляться не только в целостном взаимодействии культур Европы и Азии, но и в процессе контактов отдельных локальных культур, связанных с тем или иным историко-географическим районированием.

Становление евразийской культуры в период палеолита

Можно гипотетически предположить, что становление евразийской культуры произошло 45 тыс.

лет назад, когда в результате миграций со Средней Азии и с Ближнего Востока *Homo sapiens* со своими более развитыми технологиями, языком и культурой появился в Европе [20, 21], постепенно ассимилировав и вытеснив обитавших здесь неандертальцев на Пиренейский полуостров. Стало быть, именно к этому времени можно отнести первый контакт культур Азии и Европы, что может быть подтверждено и результатами расшифровки генома неандертальцев, которые подтвердили версию о скрещивании *Homo sapiens* и неандертальцев [9].

При этом важно понимать, что, наряду с версиями о множественности источников о происхождении сапиенсов, версия о происхождении их в Африке, а затем миграции в Азию на сегодняшний день является доминирующей. Если это действительно так, то нельзя исключать африканскую составляющую в становлении евразийской культуры.

Евразийская культура в период неолита

В истории Евразии неолитический период отмечен возникновением первых локальных цивилизаций. Важно заметить, что этот первый макроцивилизационный ареал был связан исключительно с азиатской частью. Именно здесь возникли шумеро-аккадская, эламская, минойская, хараппская, шаньиньская и тюркская локальные цивилизации.

К. Ясперс, анализируя идентичность, одновременность и родственность духовных центров в Древней Греции, Китае, Индии, Персии и Палестине, вводит понятие «осевого времени», когда впервые «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности» [10, с. 33].

А. Вебер причину такой одновременности духовного взлета видит во вторжении кочевых народов Центральной Азии. «Вторжение кочевых народов из Центральной Азии, достигших Китая, Индии и стран Запада (у них великие культуры древности заимствовали использование лошади), имело, как уже было сказано, аналогичные последствия во всех трех областях: имея лошадей, эти кочевые народы познали даль мира. Они завоевали государства великих культур древности. Опасные предприятия и катастрофы помогли им понять хрупкость бытия; в качестве господствующей расы они привнесли в мир героическое и трагическое сознание, которое нашло свое отражение в эпосе... Ис-

тория превращается в борьбу между этими двумя силами – культурой матриархата, древней, стабильной, связанной, непробудившейся, и новой динамичной, освобождающей, осознанной в своих тенденциях культурой кочевых народов» [цит. по: 10, с. 46].

В эпоху осевого времени кочевники Центральной Азии придали импульс цивилизационного развития не только Древней Греции, Китаю, Индии, Персии и Палестине, способствуя их взаимодействию, но и на рубеже неолита и античности включили в макроцивилизационную орбиту европейскую часть Евразии, подготовив тем самым зарождение греко-римской цивилизации.

В период неолита активизируются процессы взаимодействия культур Азии и Европы. Наиболее ярко это проявилось в становлении древнетюркской цивилизации, объединившей Европу и Азию, номадизм и оседлость.

Из этого следует, что евразийская культура в период неолита приобретает новый виток своего развития, вновь задавая движение, аналогичное периоду палеолита, в ее векторе «из Азии – в Европу».

Евразийская культура в античный период

Античная мировая цивилизация представляет собой следующий этап развития мировой цивилизации, когда в Азии возникают мировые империи, включающие несколько смежных локальных цивилизаций: Ассирийская, Персидская, империя Маурьев в Индии, Цинь и Хань в Китае [11]. Индийская, китайская и японская цивилизации развиваются в русле южно-азиатской и восточноазиатской макроцивилизационных систем [12]. Что касается тюркской цивилизации, то она получает дальнейшее распространение путем создания империй как в Азии, так и в Европе, что позволило тюркам стать правящей верхушкой или расширить ареал распространения тюркской цивилизации на обширной территории: от бассейна Лены, через Южную Сибирь, Центральную и Малую Азию, Среднее Поволжье, Урал, Кавказ, Крым и доходящей до границ Тихого океана, Бенгальского залива и Центральной Европы.

В этот же период возникает цивилизация, которая с достаточной полнотой объединила в себе культуры Европы и Азии – греко-римская цивилизация.

Греко-римская цивилизация воспринимается в научной и культурной традиции как основополагающий этап цивилизационного развития Европы. Однако известно, что греко-римская цивилизация, оформившись как целостность в рамках Римской империи, включает в себя два основных субцивилизационных региона – Западно-средиземноморский и Восточно-средиземноморский. Исторически Западно-средиземноморский регион опирался на латинский язык и аккумулировал в себе европей-

ские традиции, тогда как в Восточно-средиземноморском регионе, воплощающем в себе в большей мере азиатские и афро-азиатские культурные традиции, распространение получили «общий язык» греков – койне, арамейский, служивший в период расцвета греко-римской цивилизации официальным языком, и персидский язык.

Факторы, объединившие греко-римскую цивилизацию в единое целое, также имеют характер синтеза культурных традиций Европы и Азии. К ним относятся завоевательные походы Александра Македонского, объединившие в единое целое территорию от Египта до Индии, Великий Шелковый путь, простирающийся от Китая до Европы и пролегающий, в основном, через территорию Средней и Юго-Восточной Азии. В результате выработался и особый тип культурной ментальности, характеризующийся доминированием космополитизма.

Важным фактором формирования самобытности греко-римской цивилизации стали традиции предшествующей ей эгейской цивилизации, которая связана общими культурными традициями с другими «дворцовыми» городами-государствами Западной Азии.

Одним из многочисленных и крайне важных примеров принятия Европой культурных традиций Азии в рамках единой греко-римской культуры является и особое отношение к Космосу как основополагающей части картины мира. Так, к примеру, о привнесённом характере пифагорейской концепции Земного монохорда и музыки сфер от жрецов Азии свидетельствуют исследования Мэнли П. Холла и Флудда [13], а работы Ф. Шлегеля, А. Дюпперона, Т. Кольбука, Б. Сен-Илера и Х. Лассена обнаруживают воздействие учений Упанишад и Санхьи на философию пифагорейцев, гностиков, неоплатоников, Плотина и позже – Канта и А.Шопенгауэра [14].

Тем самым очевидно, что в греко-римской цивилизации такие признаки цивилизации, как государственность, язык, территория, общность культуры восходят как к культурам Европы, так и к культурам Азии, что свидетельствует о формировании единого типа культуры – евразийской бикультуры.

Евразийская культура в средневековый период

Средневековые подарило миру три уникальные локальные цивилизации: мусульманскую, византийско-восточно-христианскую и западно-христианскую.

Связи и взаимодействия всех трех цивилизаций в этот период представляют оба вектора – как с территории Азии в Европу, так и, наоборот, из Европы – в Азию. Эти взаимодействия получили достаточно широкое освещение в научной литературе [15–19], что свидетельствует об активизации межкультурной коммуникации и дальнейшем развитии

евразийской культуры. И всё же ярким образцом евразийского типа культуры в этот период выступает византийская локальная цивилизация, которая является прямой наследницей эллинистического мира, в ней в единое целое были объединены греко-римские и азиатские культуры тюркского мира, Сирии, Ирана и Малой Азии. Её географическое положение на территории и Европы, и Азии, также как и её власть в отдельных областях Африки привели к сосредоточению в её культуре и европейских, и азиатских традиций, с поочередным их преобладанием в разные исторические эпохи. Не случайно поэтому исследователи называют её перекрёстком западной и восточной культур, мостом между Востоком и Западом. И если тюркская цивилизация явилась сухопутным мостом между Европой и Азией, то византийская – морским.

Формированию в средние века евразийства византийской культуры способствовало и то, что её население отличалось этническим многообразием. Греки, сирийцы, турки, славяне, копты, сербы, болгары, армяне, грузины и другие этносы внесли свою лепту в формирование евразийского типа культуры Византии.

Если говорить о влиянии двух разных культур на византийскую цивилизацию, то особенно ярко это проявилось в организации государственной власти по типу Сасанидского Ирана и Арабского халифата, несмотря на устойчивость традиций поздней Римской империи. Созданная ими в процессе такого взаимодействия концепция верховной власти, а также радикальные еретические движения были восприняты в странах Западной, Юго-Восточной и Восточной Европы, в частности, и на Руси. Аналогичная ситуация складывается и в искусстве, в особой мере первых столетий её существования, по мере масштабного воздействия египетских, тюркских, сирийских и иранских традиций.

Широкую экспансию византийской бикультуры ощутили на себе многие народы Европы и Азии, где утвердилось православие. Они стремились познать тайну искусства византийских художников и архитекторов, музыкантов и ювелиров. Аристократизм византийского искусства был воспринят на Руси, княжествами Армении и Грузии, придворной знатью и высшим духовенством Южной Италии и Сицилии, Рима и Венеции, Адриатики, Сербии и Болгарии.

Традиции византийской цивилизации, объединившей культуры Европы и Азии, продолжились и в культуре завоевателей – турков-османов.

Показательна в этом смысле история переименования византийской столицы: Константинополь (330 г.) – Царьград – Новый Рим – Византия – Стамбул, что свидетельствует о поочерёдном доминировании разных векторов развития: Европы и Азии. Интересна и судьба многих архитектурных

сооружений, к примеру, Храма св. Софии, который за свою историю несколько раз менял свою идентичность.

Евразийская культура в Новое время

Начиная с периода Нового времени маятник истории сдвинулся в обратную сторону, когда воздействие европейской культуры на культуру народов Азии приобретает доминирующий и полномасштабный характер. Центром евразийского типа культуры в этот период становится Россия.

Следует заметить, что Русь – Россия, также как и тюркская, и византийская цивилизации, занимая срединное положение между Азией и Европой, на протяжении всей своей истории была включена в зону азиатских и европейских культурных контактов. Об этом свидетельствует изначальный ее генезис в рамках тюрко-славянского симбиоза, воздействие культуры индоевропейских кочевников, византийство начального этапа государственности.

Начиная с XVII в., с периода петровских реформ, Русь активно включает в свою культуру достижения европейской культуры. Освоив стилистические тенденции, жанры и формы европейской культуры, Русь начинает формировать такие субкультуры, которые воспроизводят культурные модели Европы в чистых формах и в формах взаимодействия европейской и русской культур. Одновременно с этим продолжается дальнейшее развитие традиционного фольклорного пласта русской культуры. В результате русская культура в своей структуре наиболее полно воплотила модель евразийского типа культуры.

Что касается азиатских народов, включённых в состав сначала Российской империи, а затем и Советского Союза, то русская культура послужила для них неким медиатором, способствующим становлению в их культуре нового типа бикультуры. Так, практически одновременно на территориях Западной и Центральной Азии – в Азербайджане, Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане широкое распространение получила европейская культура. Тем самым у азиатских народов в период их вхождения в состав Российской империи была изменена структура культуры, в состав которой впервые был включен европейский компонент.

Евразийская культура в Новейшее время

Мировая индустриальная, а затем и постиндустриальная цивилизации, охватившие практически все континенты, привели к формированию бикультуры практически во всех локальных цивилизациях Азии, где европейский компонент, наряду с традиционным и компонентом взаимодействия определил особенности евразийского типа бикультуры в этот период.

Кроме того, в Евразии, включенной в этот период в орбиту многообразных глобализационных

процессов, начинает приобретать широкое распространение афроамериканская культура, что значительно расширяет рамки собственно евразийской культуры.

Из сказанного можно сделать выводы, что векторы распространения культурных ценностей «из Азии – в Европу», «из Европы – в Азию», возникающие в истории Евразии периодически, сформировали особый тип культуры – евразийскую бикультуру.

Таким образом, история свидетельствует, что на территории Азии возникли первые цивилизации, здесь зарождалось «осевое время», давшее импульс к формированию и развитию мировых религий, величайших достижений общемировой культуры. Новое и Новейшее время – это смена двух исторических парадигм, когда вектор маятника, направленного из Азии – в Европу, качнулся в обратную сторону. А сегодня мы становимся свидетелями и того, как маятник исторической динамики развития мировой культуры вновь меняет вектор направленности восприятия культур. Сегодня Европа всё более и более вслушивается, всматривается и воспринимает новую культуру Азии – сохранившей и развившей свои уникальные национальные традиции в мире глобального диалога и глобального взаимодействия.

Литература

1. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. Москва, 2007. 528 с.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва, 2004. 556 с.
3. Гумилёв Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва, 2004. 379 с.
4. Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. Москва, 2004. 317 с.
5. Аязбекова С. Ш. «Культура Евразии» и «евразийская культура» // Казахстан и евразийская идея в новом мире. Т. 1. Астана, 2012. С. 216–220.
6. Аязбекова С. Ш. К вопросу об осмыслении феномена евразийского культурного пространства // Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция. Астана, 2012. С. 364–368. URL: <http://istina.imec.msu.ru/publications/article/1346258.5.2.2017>.
7. Аязбекова С. Ш. Евразийская культура. Москва ; Астана, 2015. 88 с.
8. Азия // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Азия> (18.04.2017).
9. Наймарк Е. Геном неандертальцев прочтен: неандертальцы оставили след в генах современных людей // Элементы. URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/431316. (15.06.2017).
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории ; пер. с нем. 2-е изд. Москва, 1994. 527 с.
11. Кузык Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / вступ. ст. А. Д. Некипелова. Москва. Т. V: Цивилизации: прошлое и будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец ; авт. слова к читателю В. М. Филиппов. Москва, 2008. 576 с.
12. Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Философский анализ. Киев, 2002. 706 с.

13. Флудд Р. Земной монохорд // Энциклопедическое изложение Массонской, Герметической, Каббалистской и Розенкрейцерской символической философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен Мэнли П. Холла. Санкт-Петербург, 1994. С. 288–293.

14. Шохин В. К. Становление и развитие сравнительной философии как научной дисциплины: индийский вектор // Сравнительная философия. Москва, 2000. С. 8–60.

15. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Москва, 1987. 384 с.

16. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания / пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. Санкт-Петербург, 2007. 332 с. (Становление Европы).

17. Аджи М. Тюрки и мир. Сокровенная история. Москва, 2015. 638 с.

18. Лебон Г. Цивилизация арабов. Поразительное действие арабов на другие народы. URL: http://arabism.ru/other_influence.html. (18.05.2017).

19. Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). Санкт-Петербург, 2003. 544 с. (Orientalia).

20. Currat M., Excoffier L. (Dec 2004). Modern Humans Did Not Admix With Neanderthals During Their Range Expansion Into Europe // PLoS Biology. 2004. No. 2 (12), vol. 421. DOI:10.1371/journal.pbio.0020421.

21. Maca-Meyer N., González A. M., Larruga J. M., Flores C., Cabrera V. M. Major Genomic Mitochondrial Lineages Delineate Early Human Expansions // BMC Genetics. 2001. No. 2, vol. 13. DOI:10.1186/1471-2156-2-13.

S. S. Ayazbekova, Dr. of Philosophical Sciences, Professor
Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch (Astana, Kazakhstan)
ayazbekova@mail.ru

THE EURASIAN CULTURE: FORMATION AND KEY STAGES OF DEVELOPMENT

The author traces the origin and development of “Eurasianism” concept. The theoretical and historical studies written by famous philosophers and historians of the 20th century are considered in the article. The author identifies three levels of the Eurasian culture relying on geographical approach: continental, regional and local (state/country scale).

The continental borders of the Eurasian culture are substantiated. Its origin correlates with the Paleolithic age. The Eurasian culture of the Neolithic period, Antiquity and the Middle Ages, Modern Era and the Newest Time are considered.

The author’s conclusion is: the first civilizations emerged on the Asian territories; the “Axial Age” was born here, which gave impetus to the formation and development of world religions, and to the greatest achievements of the world culture.

According to the author, the modern time is a time of changing of two historical paradigms, when the pendulum directed from Asia to Europe swung in the opposite direction. At present, the pendulum of the historical dynamics of the world culture development is changing again the way of the cultures perception. Today, Europe is listening more intently, looking and perceiving a new culture of Asia, which managed to preserve and develop its unique national traditions in a world of global dialogue and global interaction.

Keywords: *Eurasian culture, culture of Eurasia, Paleolithic, Neolithic, Antiquity, Middle Ages, contemporary times.*

References

1. Gumilyov L. N. Ritmy Evrazii: epohi i civilizatsii [The Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, 2007. 528 p. [In Russ.].

2. Gumilyov L. N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. Moscow, 2004. 556 p. [In Russ.].

3. Gumilyov L. N. Tysyacheletie vokrug Kaspiya [The Millennium around the Caspian Sea]. Moscow, 2004. 379 p. [In Russ.].

4. Gumilyov L. N. Ot Rusi do Rossii: ocherki etnicheskoy istorii [From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow, 2004. 317 p. [In Russ.].

5. Ayazbekova S. Sh. «Kul'tura Evrazii» i «evraziyskaya kul'tura» [“Culture of Eurasia” and “Eurasian Culture”] // Kazakhstan i evraziyskaya ideya v novom mire [Kazakhstan and the Eurasian Idea in the New World]. Vol. 1. Astana, 2012. Pp. 216–220. [In Russ.].

6. Ayazbekova S. Sh. K voprosu ob osmyslenii fenomena evraziyskogo kul'turnogo prostranstva [On the Question of Understanding the Eurasian Cultural Space Phenomenon] // Nasledie L. N. Gumileva i sovremennaya evraziyskaya integratsia [L. N. Gumilev's Heritage and Today's Eurasian Integration]. Astana, 2012. Pp. 364–368. URL: <http://istina.imec.msu.ru/publications/article/1346258>. [In Russ.].

7. Ayazbekova S. Sh. Evraziyskaya kul'tura [Eurasian Culture]. Moscow ; Astana, 2015. 88 p. [In Russ.].

8. Aziya [Asia] // Wikipedia [Wikipedia]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Aziya>. [In Russ.].

9. Naymark E. Genom neandertal'cev prochten: neandertal'cy ostavili sled v genah sovremennykh lyudey [The genome of Neanderthals was read: Neanderthals Left a Trace in the Genes of Modern People] // Elementy [Elements]. URL: http://elementy.ru/novosti_nauki/431316. (15.06.2017). [In Russ.].

10. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Goal of History]. Moscow, 1994. 527 p. [In Russ.].

11. Kuzyk B. N., Yakovlev Yu. V. Civilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee [Civilizations: Theory, History, Dialogue, Future]. Moscow. Vol. V: Civilizatsii: proshloe i budushchee: Uchebnik [Civilizations: the Past and the Future]. Moscow, 2008. 576 p. [In Russ.].

12. Pavlenko Yu. V. Istoriya mirovoy civilizatsii. Filosofskiy analiz [History of World Civilization. Philosophical Analysis]. Kiev, 2002. 706 p. [In Russ.]
13. Fludd R. Zemnoy monohord [Monochordium Mundi symphonicum] // Enciklopedicheskoe izlozhenie Masonskoy, Germeticheskoy, Kabbalistkoy i Rozenkreycerovskoy simvolicheskoy filosofii. Interpretatsiya Sekretnykh ucheniy, skrytykh za ritualami, allegoriyami i misteriyami vseh vremen Menli P. Holla [Encyclopedic exposition of the Masonic, Hermetic, Kabbalist and Rosicrucian symbolic philosophy. Interpretation of the Secret Teachings hidden behind rituals, allegories and mysteries of all time by Manly P. Hall]. Saint Petersburg, 1994. Pp. 288–293. [In Russ.]
14. Shohin V. K. Stanovlenie i razvitiye sravnitel'noy filosofii kak nauchnoy discipliny: indiytskiy vektor [Genesis and Development of Comparative Philosophy as a Scientific Discipline: Indian Trajectory] // Sravnitel'naya filosofiya [Comparative Philosophy]. Moscow, 2000. Pp. 8–60. [In Russ.]
15. Kardini F. Istoki srednevekovogo rycarsva [Roots of Today's Chivalry]. Moscow, 1987. 384 p. [In Russ.]
16. Kardini F. Evropa i islam. Istoriya neponimaniya [Europe and Islam. The History of Misunderstanding]. – St. Petersburg, 2007. 332 p. [In Russ.]
17. Adzhi M. Tyurki i mir. Sokrovennaya istoriya [The Turks and The World]. Moscow, 2015. 638 p. [In Russ.]
18. Lebon G. Civilizatsiya arabov. Porazitel'noe deystvie arabov na drugie narody [The Arabian Civilization. The Striking Influence of the Arabs on other ethnic groups]. URL: http://arabism.ru/other_influence.html. [In Russ.]
19. Fishman O.L. Kitay v Evrope: mif i real'nost' (XIII–XVIII vv.) [China in Europe: a Myth and a Reality (from the 13th to the 18th centuries)]. St. Petersburg, 2003. 544 p. (Orientalia). [In Russ.]
20. Currat M., Excoffier L. (Dec 2004). Modern humans did not admix with Neanderthals during their range expansion into Europe // PLoS Biology. 2004. No. 2 (12), vol. 421. DOI:10.1371/journal.pbio.0020421. [In Eng.]
21. Maca-Meyer N., González A.M., Larruga J.M., Flores C., Cabrera V.M. Major genomic mitochondrial lineages delineate early human expansions // BMC Genetics. 2001. No. 2, vol. 13. DOI:10.1186/1471-2156-2-13. [In Eng.]

УДК 130.2(4/6)_164

С. А. Бабаскин,
кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
babaskin7a@gmail.com

ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ЕВРАЗИЙСТВО»

В статье даётся анализ идейного направления «евразийство» и степени его соответствия требованиям научной теории. «Евразийство» рассматривается в его классической трактовке начала двадцатого столетия. Следуя методу критического рационализма, устанавливаются основные познавательные средства, используемые сторонниками «евразийства» и приводится критическая точка зрения на абстрактные постулаты анализируемого направления.

Ключевые слова: «срединный материк», географический детерминизм, «евразийское пространство», «месторазвития», натурализм.

Определенная сложность анализа такого идейного явления как «евразийство» связана с множественностью и разнообразием его трактовок и характеристик. В литературе мы находим такие его определения как истриософское мышление, культурно-историческая концепция, геополитическая доктрина, мировоззрение, идеология, комплекс идей и т. д. Трудно сказать, какая из перечисленных мысленных конструкций наиболее адекватно характеризует феномен «евразийства». Возможно, все они в какой-то мере отражают его определённые формальные и содержательные аспекты.

Наш интерес к идее «евразийства» связан с возможностью рассматривать её как выстроенную теоретическую конструкцию, отвечающую определённым формально-логическим требованиям. В этой связи нам следует, прежде всего, установить надлежащие признаки теории как таковой, а также оформление идеи «евразийства» в соответствии с этими признаками. По возможности мы будем да-

вать некоторые содержательные характеристики основным положениям «евразийства».

Следуя логике формального анализа, выскажем несколько общих, но необходимых суждений относительно теории вообще и её конструкции. Известно, что в научном сообществе теорию рассматривают как средство организации и придания смысла нашему знанию. Её можно рассматривать как систему логически связанных положений, которые охватывают более или менее значительное число наблюдаемых фактов и образуют сеть обобщений (законов), из которых можно вывести объяснения для некоторого числа явлений. Откликаясь на практику, теория формулирует проблему, исходя из которой она разрабатывает свод гипотез, составляющих базу для теоретизирования. Исследователь, руководствуясь теорией, формулирует некоторые гипотезы, определяет и уточняет понятия.

Главное требование к теории – это её адекватность, т. е. осознание её способности отражать

реальность и решать те проблемы, для решения которых она предназначалась. Иногда бывает, что неадекватные теории могут быть вполне логичными, но объясняют они совсем иной фрагмент изучаемой действительности, а не тот, который первоначально предполагался. В этом случае требуется уточнить предмет изучения и очертить его границы. Поэтому большое значение в момент создания теории имеет её концептуальный аспект, т. е. разъяснение ключевых терминов для ясности понимания, на котором основывается теоретическая правильность. Концептуализация помогает организовать мысль в систему значимых понятий, с которыми можно обращаться строгим и однозначным способом. Продуктивность любой теории снижается, если она оперирует широкими двусмысленными понятиями.

В свете сказанного, обратимся непосредственно к феномену «евразийства» в его классической трактовке с целью обнаружить в нём признаки теоретической конструкции. Для этого приведём высказывание одного из основателей «евразийства», известного русского географа и экономиста П. Савицкого, который писал: «Евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским, или «евразийским». Имя их «географического» происхождения. Дело в том, что... они стали различать третий, срединный материк «Евразию» и от последнего обозначения получили свое имя. Россия как некоторый третий самостоятельный материк имеет не только географическое значение. Обозначение «Евразия» приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики. Оно указывает, что в культурное бытие России вошли элементы различнейших культур» [1, с. 187–188].

Из приведённой цитаты можно заключить, что для характеристики культурно-исторического своеобразия России автор вводит географическое понятие «Евразия» или «срединный материк». И как следует из понятия «срединный материк», в культуру России входят элементы европейской и азиатских культур. С формальной точки зрения можно констатировать, что П. Савицкий вводит понятие «Евразия», которое одновременно означает и уникальность географического положения России, и её культурно-историческую характеристику. Это расширяет границы данного понятия, но делает его менее определённым. Тем не менее, категория «Евразия» образует концептуальный аппарат и указывает на признак теоретической конструкции.

С содержательной точки зрения, определять культурное своеобразие России через географическое, пространственное, т. е. натуралистическое понятие, каковым является понятие «Евразия», по

меньшей мере, иррационально и малопродуктивно. П. Савицкий не стремится, по-видимому, противопоставить культурно-историческое бытие природе, хотя, по логике вещей, культура и природа противоположные понятия. В этом нас убеждает и то, что П. Савицкий является автором такой категории как «месторазвития», которая, как и понятие «Евразия», определяют концептуальный подход «евразийцев» к анализу культурно-исторической среды. Под «месторазвитием» «евразийцы» понимают определённую географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на жизнь людей, развивающихся в этой среде. Исторический и географический факторы взаимовлияют друг на друга и образуют единое целое. Исходя из этого, считают «евразийцы», история развития Русского государства есть процесс приспособления русского народа к своему «месторазвитию», т. е. к «Евразии».

Сомнительно и малопродуктивно объяснять развитие Русского государства, а значит, и его культуры, используя термин «приспособление» вместо «преобразование». Не люди, посредством своей активности, преобразуют и культурно осваивают географическую среду, а она их «преобразует». В этих рассуждениях проявляется геополитическая доктрина «евразийцев», которая входит в их культурно-историческую концепцию.

Если подойти к рассуждениям «евразийцев» с точки зрения рациональности как одного из критериев оценки культуры, то они не выдерживают критики. Культурное бытие они характеризуют такими понятиями как «русское пространство», «срединный материк», «месторазвития» и т. п. Все эти понятия натуралистического толка, а значит, имеют безличный, бессознательный характер и оттесняют на второй план личное и духовное начало, мысль человека. «Географический» детерминизм как метод исследования культурных явлений является неплодотворным и неэвристичным.

Если гипотетически представить, что Россия как Евразия протянулась не с запада на восток, а с севера на юг, и тем самым ее территория оказалась бы в разных географических и природно-климатических условиях, то изменился бы радикально ее культурный облик? Скорее всего, нет, поскольку культура имеет историческую духовную основу. Для нации жить и творить вместе не означает занимать одно и то же географическое пространство или подчиняться одним и тем же внешним природным условиям. Жить вместе – означает быть объединенными общей участью как люди, а не как животные, т. е. через свободное самоопределение, общие страдания, общие задачи. Такое единение людей определяется их причастностью к реализации общих позитивных целей, таких, например, как забота о жизненных стандартах всех

и каждого, общем благосостоянии, гражданском мире и т. п.

Рассуждения классических «евразийцев», т. е. представителей идейного движения русской эмиграции 20–30-х гг. XX в. можно интерпретировать в русле так называемого цивилизационного подхода к истории, видными представителями которого были Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби. Цивилизационный подход соответствует такому уровню теоретического обобщения, который мы можем назвать «философией истории» или «историософией». Для этого подхода характерны обобщения предельного философского порядка, которые связаны с абстрактной метафизической проблемой поиска «смысла» истории и ее результата. В отличие от этого подхода эмпирическая историческая наука избегает истолковывать историю как имеющую некий «смысл» и опирается на конкретный исторический материал.

Говоря об идейных истоках «евразийства», П. Савицкий писал: «Определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы выступают как осознатели русского культурного своеобразия. В этом отношении они имеют предшественников... Таковыми в данном случае нужно признать всех мыслителей славянофильского направления, в том числе Гоголя и Достоевского. Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления» [1, с. 190].

Действительно, «евразийцы» в достаточно отвлеченных абстрактных категориях обсуждают культурное своеобразие России. Они пытаются обосновать культурную идентичность России. Однако, их обоснование уникальности России как «евразийской» цивилизации более всего похоже на постулирование, поскольку для обоснования своеобразия русской культуры как «евразийской» требуется привлечение большого объема эмпирического материала из многих областей культуры. Такого рода материал создаёт доказательную базу для проверки общих понятий и положений. Мы не находим у «евразийцев» подобного рода данных. Здесь мы видим не научный исследовательский подход, а, как сказал П. Савицкий, «традиции русского философского и историософского мышления».

Для того чтобы характеризовать «евразийство» как теорию, следует обнаружить в размышлениях «евразийцев» какую-либо объясняющую формулу, либо в виде универсального закона, либо общей гипотезы, из которых при помощи логической дедукции можно вывести определённые практические выводы или рекомендации. На наш взгляд, в качестве таковой можно взять тезис о синтетической природе русской культуры. «Историческое своеобразие России, — подчеркивает

П. Савицкий, — не может определяться ее принадлежностью к «славянскому миру». Формула «евразийства» констатирует присутствие в русской культуре «европейских» и «азиатских» элементов, она устанавливает связь русской культуры с широким творческим миром культур «азиатских». И эту связь выставляет как одну из сильных сторон русской культуры» [1, с. 191–192].

Что нам может объяснить положение о синтетической природе русской культуры? Повидимому, то, что, с точки зрения «евразийцев», плодотворность русской культуры поддерживается ее связью с миром культур «азиатских». Логичен вопрос, чем мы должны руководствоваться в практическом плане? Что нам следует предпринять? По логике объясняющей формулы: нам не следует прерывать связи с «азиатскими» культурами, а, наоборот, развивать и укреплять эти связи. Этот вывод можно назвать тривиальным, не требующим глубокого обоснования, и его эвристичность не высокого уровня. Тем не менее, наличие в рассуждениях «евразийцев» объясняющих положений, а также следующих из них определённых выводов позволяет рассматривать «евразийство» как некоторую теоретическую конструкцию.

Следуя формальным признакам теории, можем ли мы подтвердить или опровергнуть выводы из объясняющей формулы «евразийства»? Наверное, можем, при условии сопоставления этого вывода с фактическими данными, подтверждающими или опровергающими такую связь, либо при условии сравнения данного вывода с выводами из других аналогичных теорий. Например, если кто-либо привлечёт фактические, статистические или иные данные, свидетельствующие о более интенсивных и продуктивных культурных связях России с Европой, то точка зрения «евразийства» может быть опровергнута, т. е. фальсифицируема, а значит, иметь признаки теории.

Логично задать ещё один вопрос. Помогает ли теория «евразийства» изменить существующее положение вещей во многих областях нашей жизни, т. е. решать конкретные практические вопросы повседневной жизни? Ясного ответа мы не находим, но, видимо, потому, что целью теории «евразийства» являются в значительной мере анализ и констатация культурно-исторического своеобразия России и в меньшей мере изменение положения дел. Главной причиной этого, на наш взгляд, является направленность теории «евразийства» не на модернизацию существующего положения вещей, а более всего на возрождение и укрепление традиций прошлого. Мы полагаем, что такая позиция «евразийцев» свидетельствует о её определённой неадекватности в плане отклика на запросы практики.

В своём подходе к анализу культурных явлений основатели «евразийства» придерживались

неконструктивного метода «этического позитивизма» или релятивизма. Так, П. Савицкий, исходя из общей концепции культуры «евразийцев», подчеркивал: «Евразийцами был выставлен тезис отрицания «абсолютности» новейшей «европейской» культуры, её качества быть «завершением» всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира. Этому утверждению евразийцы противопоставили признание относительности многих, и в особенности идеологических и нравственных достижений и установок «европейского» сознания... Если можно объективно показать превосходство новейшей науки и техники в некоторых ее отраслях над всеми этого рода достижениями, существовавшими на протяжении обозримой мировой истории, то в вопросах идеологии и нравственности такое доказательство существенно невозможно» [1, с. 193].

Здесь, по логике «этического позитивизма», «евразийцы» считают, что нельзя оценивать ту или иную культуру по своему уровню развития, исходя из присущих данной культуре идеологии и нравственности. Одним словом, у каждой культуры собственная идеология и мораль, и речь не может идти о каком-либо их сравнении или превосходстве. Такая позиция сродни известному двусмысленному абстрактному положению Гегеля – «все действительно разумно», т. е. всё что есть, есть благо, поскольку не может быть никаких других стандартов морали, кроме уже сложившихся и существующих. Получается, что если какая-либо культура создала идеологию национального превосходства и расистскую мораль, то с этим ничего не поделаешь, ибо это своеобразие данной культуры. Методологическим оправданием этому служит то, что моральные категории и идеологии, согласно позиции «евразийцев», зависят от исторических и географических условий, в которых развивается та или иная культура. Тем самым устраняется возможность рациональной оценки культурных феноменов, а значит, и их сравнения. Если нельзя сравнивать, значит, невозможно критиковать всё уста-

ревшее и отжившее, мешающее культуре двигаться вперёд. Однако известно, что критическая интерпретация какой-либо теории, метода, позиции и т. п. ведёт нас к рациональной реконструкции и прояснению наших собственных и критикуемых точек зрения.

Завершая краткий анализ, можно сказать, что «евразийство», конечно же, не научная эмпирическая теория. Это синтетическая теория философского уровня. «Евразийство» можно характеризовать и как истриософское учение, и как идеологическую доктрину, и как утопический проект. Оно состоит, по большей части, из логических соотношений этических и идеологических постулатов и достаточно мало говорит нам о реальном мире на уровне образа жизни конкретных людей. Исходя из теории «евразийства», мы не можем предсказать тот или иной вариант нашего поведения. Это связано с тем, что в теории «евразийства» действуют не рациональные индивиды со своими интересами и ценностями, а такие феномены как «география», «история», «пространство», которые не могут решить за нас, какую цель нам следует выбрать. «Евразийцы» забывают, что именно люди привносят цель и смысл в историю и природу. В теории «евразийства» все перелagается на пространство, ландшафт, т. е. на действия внешних, по отношению к человеку, непредсказуемых сил, а наши действия обосновываются скрытыми проявлениями этих сил. Тем самым, теория «евразийства» рассматривает конкретных людей как идущих за природными, безличными силами. Не человек делает свой выбор, а эти силы ведут его за собой, что опровергается всей предшествующей исторической практикой и современной деятельностью человека.

Литература

1. Савицкий П. Н. Евразийство // Избранное. Москва, 2010. 776 с.
2. Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва, 1997. 464 с.

S. A. Babaskin,
Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
babaskin7a@gmail.com

THE FORMAL LOGICAL ANALYSIS OF THE “EURASIANISM” PHENOMENON

The purpose of this study is to find out to what extent “Eurasianism” as a set of ideas inherent characteristics of scientific theoretical design. Otherwise, this goal can be formulated as a solution to the problem of demarcation, the delineation of metaphysical and scientific theoretical systems. To achieve this, we will use

the critical rationalism method which proceeds from the recognition of the unity of mankind on the basis of reason as the source of knowledge, communication and mutual understanding. The constructiveness of this method lies in the fact that it is based on the process of argumentation, which involves mutual criticism of the

parties and the ability to speak the common language of the mind, using rational arguments.

The main aim of the study involves a formal logical analysis of the “Eurasianism” phenomenon as an ideological phenomenon claiming the status of a scientific theory. Solving this problem makes it possible to characterize “Eurasianism” either as a scientific system or as a metaphysical construction.

In the scientific community, theory is viewed as a means of organizing and giving meaning to our knowledge. It can be regarded as a system of logically related provisions that cover a more or less significant number of observed facts and form a network of generalizations (laws) from which explanations can be derived for a number of phenomena. Responding to practice, the theory formulates a problem, from which it develops a set of hypotheses that make up the basis for theorizing.

A brief analysis of “Eurasianism” shows that this is not a scientific empirical theory, but a synthetic theory of a philosophical level. “Eurasianism” can be

characterized both as a historiosophic teaching, as an ideological doctrine, and as a utopian project. It consists, for the most part, of the logical relationships of ethical and ideological postulates and little enough tells us about the real world at the level of the lifestyle of specific people. Proceeding from the theory of “Eurasianism”, we cannot predict this or that variant of our behavior. This is due to the fact that in the theory of “Eurasianism” there are not rational individuals with their own interests and values acting, but such phenomena as “geography”, “history”, “space” that cannot decide for us what purpose we should choose.

Keywords: “middle continent”, geographical determinism, “Eurasian space”, “topogenesis”, materialism.

References

1. Savitsky P. N. Evraziystvo [Eurasianism] // Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 2010. 776 p. [In Russ.].
2. Savitsky P. N. Kontinent Evraziya [The Eurasian Continent]. Moscow, 1997. 464 p. [In Russ.].

УДК 37.035.6:327.323(4/5)

В. И. Матис, доктор педагогических наук, профессор
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
vmatis@rambler.ru

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье на основе анализа различных точек зрения отечественных и зарубежных авторов определяется цель и задачи поликультурного образования в условиях поликультурного сообщества, каким, безусловно, является и евразийское пространство. Анализируется формирование поликультурной личности на основе принципов ценностного воспитания.

Ключевые слова: поликультурное образование, социализация, интеграция, межкультурное пространство, формирование поликультурной личности, принципы ценностного воспитания.

В современных условиях развития межкультурных связей и миграционной мобильности во всем мире важным становится воспитание молодёжи, готовой к социализации и интеграции в межкультурное пространство, формирование поликультурной личности на основе принципов ценностного воспитания, толерантности, эмпатии и других качеств необходимых для общения в многонациональном, многоконфессиональном – поликультурном сообществе.

Реализация такой цели возможна через призму развития поликультурного (глобального) образования. Практическое обоснование необходимости такого подхода в начале третьего тысячелетия объясняется объективными процессами, происходящими в мировом сообществе, о которых много говорят и в средствах массовой информации и в научных публикациях и в образовательной и культурной практике: реально весь мир идет к единству

– все люди, все человечество на планете в результате усложняющихся взаимосвязей и взаимозависимостей объединяются в социосферу, как целостную, единую социальную оболочку планеты, главной частью которой становится сфера разума – ноосфера и т. д.

В связи с этим формирование поликультурной личности, способной принимать взвешенные решения, предвидеть их возможные последствия, чувствовать ответственность за настоящее и будущее мира – становится целью поликультурного (глобального) образования.

Такая направленность образования реализует выполнение задачи формирования в личности современной этнокартины мира, становления национального самосознания, что, в общем, и является фундаментом, на котором основывается мировоззренческая зрелость.

Интерес к идее международного сотрудничества, обусловлен расширением связей, усилением миграционных процессов в мировом масштабе, а также обострением борьбы этнических и расовых меньшинств за свои права в государствах с полиэтническим составом населения.

Все это приводит к определенным трудностям в языковом и межкультурном общении людей, представляющих различные культурные системы, которые включают не только исторические, но и языковые и конфессиональные особенности.

Усугубляют и обостряют современные процессы в многонациональных обществах противоречия, возникающие в поликультурной среде в разных вариациях. Они могут проявляться между потребностями общества в формировании личности, способной интегрироваться (а не ассимилироваться) в поликультурное пространство и недостаточными для этого усвоенными знаниями, приобретенными умениями, получаемыми навыками и сформированными компетенциями в стенах современных учебных заведений; между требованиями общества к подготовке выпускников школ способных (и готовых) к интеграции в межкультурное образовательное пространство на мезо-, макро- и мега-уровне и недостаточной готовностью молодежи к этому процессу на практике (недостаточные знания этнокультурных, этнопсихологических и этнопедагогических особенностей народов, включенных в процессы коммуникации коллектива, региона, страны, а также умений и навыков использования этих особенностей в повседневной практике общения, взаимодействия и сотрудничества); между требованиями современного производства в высококвалифицированных работниках, способных осуществлять свою профессиональную деятельность в поликультурном окружении (совместные фирмы, партнерские связи, образовательная мобильность и т. д.) и реальным уровнем этнокультурной подготовки личности осуществлять свою профессиональную, учебную деятельность в противоречивом и многогранном социокультурном мире; между культурными, образовательными и жизненными ориентациями молодежи этнокультурных групп (желание делать упор на сохранение и развитие этноспецифических особенностей материнского этноса) и реальными возможностями, предоставляемыми обществом в получении полноценного поликультурного образования и воспитания.

В связи с возникающими противоречиями остро встает вопрос о поиске эффективных механизмов устранения накопившихся проблем во взаимоотношениях людей разных культур, национальностей, конфессий. В этих условиях образование как институт, обеспечивающий передачу подрастающим поколениям знаний, ценностных ориентаций и социального опыта, стало рассматриваться многи-

ми учёными, политическими и общественными деятелями в качестве одного из наиболее эффективных средств формирования у личности основ межкультурного общения [1, с. 78].

При определении цели поликультурного образования у авторов пока нет единства, но все они предлагают акцентировать внимание на определенных направлениях.

И. С. Бессарабова, например, несколько абстрактно, но вполне понятно отмечает, что «российские учёные акцентируют разные аспекты, но едины во мнении, что поликультурное образование призвано отвечать различным потребностям всех членов поликультурного общества независимо от их этнической, культурной, социальной и религиозной принадлежности» [2]. Более конкретны в этом смысле В. В. Макаев, З. А. Малькова и Л. Л. Супрунова, которые определяют главную цель поликультурного образования как формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас и верований [3, с. 6].

Еще одну точку зрения высказывает А. Н. Джуринский считая, что поликультурное образование преследует «три группы целей, обозначаемые понятиями «плюрализм», «равенство», «объединение». В первом случае, по мнению автора, речь идет об уважении и сохранении культурного многообразия; во втором – о поддержке равных прав на образование и воспитание; в третьем – о воспитании в духе общенациональных политических, экономических, духовных ценностей» [4, с. 13–14].

Не противоречит имеющимся точкам зрения и Г. В. Палаткина считая, что поликультурное образование должно иметь две главные цели: удовлетворение образовательных запросов представителей всех этносов и подготовка людей к жизни в мультикультурном обществе [5, с. 175].

Более развернутый подход к определению цели поликультурного образования демонстрирует Г. Д. Дмитриев, которую он видит в том, чтобы «способствовать с помощью школы и других образовательных институтов, семьи и общественных организаций созданию в России демократического государства, которое характеризуется: толерантностью взглядов, суждений людей; признанием и развитием культурного плюрализма в обществе; равными правами, обязанностями и возможностями для всех граждан; эффективным участием всех и каждого в принятии решений, касающихся как личной жизни человека, так и жизни общества; справедливостью для всех и каждого; свободой выбора; уважением решений большинства и защитой прав меньшинства; уважением права

свободного выбора человеком своих культурных идентичностей» [6, с. 34].

Усилия зарубежных исследователей связаны с определением целей поликультурного образования. Например, Д. Бэнкс, считает, что главная цель поликультурного образования, выводимая из роли этнического фактора в американском обществе, состоит в том, чтобы подрастающим поколениям развить межкультурную компетентность [7]. С этим трудно спорить, да и не к чему, поскольку сама идея прогрессивна и отвечает требованиям и сегодняшнего дня. По мнению американцев, школа должна знакомить с миром «чувств, верований, пониманий, надежд, желаний, мечтаний, миром нужд, вдохновений, стремлений» [8, р. 102]. Пристальное внимание американских исследователей к проблемам образования вообще и глобальному в частности, было связано с проявляющейся тенденцией к интеграции международного образования, с попыткой преодолеть методологический кризис, но дальнейший идеологический перегиб в сторону идеализации предполагал «создать общую теорию, которая могла бы служить методологической основой конкретных дисциплин» [9, р. 15].

Так Р. М. Хатчинз, например, выступал с идеей создания открытого университета под эгидой ООН, который мог бы стать моделью для будущего образования в мире [9, р. 15]. В отличие от своих российских коллег, американские исследователи формулируют главную цель поликультурного образования в «получении качественного образования на всех его уровнях каждым членом американского общества, несмотря на имеющиеся различия между ними в расовом, этническом, социальном, гендерном, культурном и религиозном отношении» [2].

Анализ трудов отечественных и зарубежных авторов по проблемам поликультурного образования (И. Д. Лельчицкий, В. В. Макаев, З. А. Малькова, В. И. Матис, И. В. Песков, Л. Л. Супрунова, Д. Бэнкс, Р. М. Хатчинз и др.) [1; 3; 10–12] и практической деятельности образовательных учреждений в этом направлении В. В. Виноградов, Г. В. Разумовская [13; 14] дают основание сделать вывод о том, что предпринятая операциональная интерпретация понятия цели поликультурного образования как отечественных, так и зарубежных исследователей показывает, что можно определить поликультурное образование как приобщение подрастающего поколения к этнической, общенациональной (русской, американской, китайской или казахской и т. д.) и мировой культурам в целях духовного обогащения, а также как развитие планетарного сознания и формирование готовности и умения жить в поликультурной среде. Такое понимание поликультурного образования предполагает, что содержание образования

черпается из родной, отечественной и мировой культур, в которых соединяются передовые достижения разных народов.

Исходя из анализа вышеизложенного, можно сформулировать и нам рабочее определение цели поликультурного образования, которая может быть определена как подготовка индивида к активной деятельности, основанной на терпимости в современной поликультурной среде и сохранении своей культурной идентичности, уважении иным культурно-этническим общностям.

С дополнением, что поликультурное образование – одно из важнейших средств, с помощью которого формируются соответствующие компетенции, обеспечивающие индивиду возможность полноценно функционировать в поликультурной среде. Такое образование является основой для будущего развития личности, первой ступенью к непрерывному совершенствованию своих знаний, умений, навыков и различных видов деятельности в современном обществе.

Необходимо учитывать, что поликультурное образование – процесс и результат овладения системой знаний о научных основах современного мира, умения интегрироваться в интеркультурное пространство на основе взаимосоотрудничества и взаимотворчества.

Хотелось бы подчеркнуть, что вопрос состоит не в том, чтобы отдать предпочтение национальной культуре, по отношению к которой другие культуры были бы переведены во второразрядные, или поддерживать социальную ситуацию, при которой одна культура доминирует над другой, а в том, чтобы создать условия, при которых социальная поликультурная среда могла бы быть понята, оценена и критически изучена и индивид мог бы достигнуть цели своей деятельности.

Достижение поставленной цели обеспечивается выполнением целого комплекса задач, которые определяются не только целевыми установками, но и особенностями механизмов мыслительной деятельности, восприятия «иного» и соотношения «иного» со «своим», социально-культурными установками, привычками, обычаями, традициями и т. д.

Результатом решения таких задач становятся студенческие обмены, приглашение преподавателей, совместные научные проекты. Примером могут служить и налаживающиеся международные связи в рамках евразийского сотрудничества.

Понимая, что любая схема грешит, мы, тем не менее, выделяем несколько групп задач, способствующих достижению целей для более глубокого их понимания и структурирования. К первой группе можно отнести содержательные, которые ориентированы на формирование знаний:

- теоретической базы для осмысления социально-культурных, этнополитических процессов;

- о национально-культурном многообразии мира в его прошлом и исторической перспективе на примере национальной культуры;

- о развитии этнических культур и выявлении проблемы национально-культурной идентификации;

- о необходимости и возможностях реализовать собственную национально-культурную идентификацию.

- о культурах, которые оказали значительное влияние на формирование и развитие собственной этнической культуры.

Вторая группа – практические, предусматривающие овладение умениями и навыками:

- анализа и описания этнических культур во времени и пространстве, по горизонтали и вертикали;

- овладения способами деятельности в поликультурной среде;

- описания поликультурной среды через овладение специальным понятийным аппаратом;

- описания себя как представителя этноса, социальной группы, религиозной общины, семьи и т. д.

Третья группа – эмоционально-ценностные, которые помогают сформировать:

- коммуникативные качества и межкультурную компетентность;

- терпимость и уважение к иным этнокультурным общностям;

- собственное отношение к «иному», избегая как огульного признания «иного», так и его отвержения;

- личную позицию и понимание меры ответственности за результаты своего труда и своих поступков;

- терпимость и уважение права каждого народа сохранять свою культурную самобытность.

Методологической константой в современных условиях является то, что вхождение в мировую и национальную культуру начинается через освоение своей этнической культуры на основе знаний родной истории, культуры и языка. Задача для формирования теоретической базы, для осмысления социально-культурных, этнополитических процессов предполагает возможность получать глубокие и соответствующие знания о «своей культуре», т. е. культуре, которую несут первичные референтные группы, такие как семья, родственники, соседи и религиозные общины, этнос, что определяет необходимость в предоставлении самых широких возможностей знакомства с историко-культурными корнями личности как представителя семьи, социальной группы, религиозной общины, этноса.

Решая содержательную задачу поликультурного образования по формированию теоретической базы для осмысления социально-культурных, этнополитических процессов, необходимо усвоить ме-

тодологическую культуру анализа и понимания этих самых процессов в реальной действительности.

Очевидно, что знакомство с процессом формирования национальной культуры подразумевает признание многообразия «культурно-исторического фона», который является фактором формирования и развития любой культурно-этнической общности.

Следовательно, решая задачу поликультурного образования, необходимо выполнять задачу формирования представлений о национально-культурном многообразии мира в его прошлом и исторической перспективе на примере национальной культуры.

Опыт освоения элементов культуры народа становится важнейшим инструментом, компетенцией познания иной, ранее неизвестной культурной общности, ее истории, культуры, традиций и обычаев т. к. за всем многообразием внешнего облика представителей других культур, их поведением, нормами, обычаями и традициями скрыты одинаковые или очень схожие человеческие обстоятельства. Этот тезис подтверждается и другими исследователями поликультурного образования. Так, В. Н. Романов в монографии «Исторический опыт развития культуры. Проблемы типологии» подчеркивает, что «анализ любой чужой культуры с необходимостью должен сопрягаться с анализом собственной культуры исследователя. Необходимость подобного сопряжения прямо вытекает из диалогической природы гуманитарного знания...» [15, с. 192].

Поскольку мы придерживаемся мнения, что понять иную культуру можно только через призму своей национальной культуры, среди задач, которые подготавливают и одновременно создают необходимые условия для поликультурного образования, необходимо назвать задачу национально-культурной идентификации. Постановка этой задачи не является чем-то новым. Еще в начале XX в. на этом делали акцент представители отечественной науки Н. А. Бердяев, С. И. Гессен, Н. О. Лосский и др. [16; 17, с. 103–112; 18], но отводимая современной задаче национально-культурной идентификации роль отличается от ранее обозначенной. Если традиционно национально-культурная идентификация считалась необходимым условием национального возрождения, то в условиях поликультурного образования мы видим значимость идентификации как пути к гармонизации межнациональных отношений, к формированию культуры межнационального общения, к равноправному диалогу культур [19; 20; 21].

Становление культуры любой этнической общности идет многообразными путями и не избегает процессов взаимовлияния, взаимодействия

и взаимопроникновения культур. Лингвистические источники, традиции и обычаи, мировоззрение и наука, искусство и религия несут на себе отпечаток вольного или невольного диалога между этническими культурами. Следовательно, логика становления и развития этносов предполагает постановку и решение и такой задачи как изучение культур, которые оказали значительное влияние на формирование и развитие этнической культуры исследователя.

С. И. Гессен, разрабатывая идеи поликультурного образования, утверждал, что «национальное образование есть не столько проявление фактически уже существующей в виде готовой данности народной души, сколько приобщение народа к культурному преданию, накопленному в его среде творческими усилиями его сынов» [18, с. 335]. Не случайно С. И. Гессен, озабоченный нравственным уровнем общества, считает основной задачей национального образования «вовлечение всего народа в образовательный процесс» [13, с. 349]. Именно эти особенности народов и следует иметь в виду, когда осуществляется попытка реализовать идею глобального образования и еще более важно, если формировать ее в единую систему.

Было бы неверно игнорировать факт многообразия источников формирования этнического, а значит, следует изучать и сами источники. Иначе говоря, исследуя национальную культуру своего народа или иную, необходимо знакомиться со всем многообразием процессов взаимовлияния, взаимодействия и взаимопроникновения различных элементов культур, чтобы сформировать целостную картину развития этноса.

Таким образом, национально-культурная идентификация, по нашему мнению, не может происходить автоматически. Такие процессы возможны лишь при определенных условиях, на которые обращают внимание И. Д. Лельчицкий и И. В. Песков:

- а) формирование мотивации саморазвития в культуре;
- б) развитие исторической памяти и патриотизма;
- в) оформление национального самосознания и умения, необходимых для воспроизводства различных элементов культуры [10].

Практические задачи поликультурного образования предусматривают овладение умениями и навыками. В связи с этим первая задача предполагает овладение навыками, необходимыми для анализа и описания этнических культур во времени и пространстве, что является одним из методологических принципов исследования явлений общественной жизни, позволяющих учитывать специфику исследуемого явления и выходить на уровень обобщений.

«В социальном времени, когда изучается историческое прошлое народа, традиции, обычаи, современное состояние, его связи с другими этносами и перспективы будущего и в социальном пространстве, когда, например, анализируется среда проживания, территория и коммуникации этноса, а также его многонациональных коллективов и организаций» [8, с. 7–10].

Практическая задача предполагает также наличие умений и навыков анализировать явления общественной жизни «по горизонтали», когда проводится анализ структур и институтов, осуществляющих социально-культурное и духовное развитие общества, а также «по вертикали», когда проводится анализ кадров всех подсистем, всей культурной сферы и искусств, принятых решений, психологического климата в коллективах и группах, проблем общения, или когда изучается состояние культуры, материально-технического оснащения и других сфер жизни и т. д.

Практической задачей поликультурного образования мы считаем и формирование способностей к описанию поликультурной среды через овладение специальным понятийным аппаратом, который позволит описывать явления культуры во всем их многообразии, а условием выполнения задач поликультурного образования – введение в процесс обучения понятий, которые помогают описывать поликультурную среду, взаимовлияние, взаимодействие, взаимопроникновение культур, общество как многокультурное явление, диалог культур и т. д. Причем значимым для нас является изучение истории формирования понятий, так как она акцентирует представление исследователей о явлении и определяет отношение к нему в политической, социальной, культурной или экономической сферах человеческой деятельности.

История понятия «культура» является ярким тому примером. Представление о культуре как явлении, присущем только Европе, приводило к дискриминационным проявлениям к иным народам, а признание многообразия культур как неизбежной реальности современного мира и условия прогресса человеческой цивилизации определило стремление к сохранению всего уникального культурно-этнического фонда человечества.

В этом смысле понятие евразийская культура является ярким тому подтверждением.

Опять же мы подчеркиваем, что способность к описанию иного приобретает через способность к самоописанию. Этим определяется еще одна задача поликультурного образования – формирование способности к описанию себя как представителя этноса, социальной группы, религиозной общины, семьи и т. д. Необходимо отметить, что самоидентификация и способность к самоописанию достаточно близкие по своей сути явления. Нельзя

говорить об осознанной самоидентификации, если человек не способен описать ее суть, причины, мотивы и т. д. Недостаточно назвать себя русским, украинцем или белорусом, необходимо описать себя как представителя этноса, введя критерии и основания своей национально-культурной принадлежности.

Что касается эмоционально-ценностных задач, следует отметить их важность и значение особенно в периоды нестабильности и социальной напряженности в обществе.

Формируя коммуникативные качества и межкультурную компетентность в молодежной среде, мы закладываем фундамент взаимопонимания и взаимосоотрудничества, а терпимость и уважение к иным этнокультурным общностям способствует сохранению и укреплению спокойствия в многонациональном сообществе, предполагая терпимость и уважение права каждого народа сохранять свою культурную самобытность.

Эмоционально-ценностные задачи и их решение предполагают также и формирование определенных качеств личности, связанных с собственным отношением к «иному», избегая как огульного признания «иного», так и его отвержения. Суть этой эмоционально-ценностной задачи в формировании убежденности, позволяющей не только размышлять над сложными проблемами общественной жизни, о собственном месте в мире, но и принимать самостоятельные решения, не идти на поводу у обстоятельств или другого человека. Это качество культуры межнационального общения отражает личную позицию и понимание меры ответственности за результаты своего труда и своих поступков. Особенно важных в современных условиях глобализации всех процессов.

Решение этой задачи связано и с формированием личной позиции и понимания меры ответственности за результаты своего труда и своих поступков. Она означает, что человечество само творит свою историю при материальных и духовных предпосылках, унаследованных от предшествующих поколений и определенных обстоятельствах, но опираясь на объективно существующие общественные закономерности, находит в самой действительности источники и силы для преобразования общества, т. е. люди действуют активно, пытаются гармонизировать.

Причем активность человека на общественные преобразования, внутренняя мотивация, контроль, настроенность на конструктивное решение всех проблем и здоровьесбережение требуют высокой нравственной ответственности, так как современное производство имеет две противоположные тенденции: с одной стороны, деятельность и производство несут огромный положительный, созидательный эффект, связанный, в первую очередь, с

достижениями в фундаментальных научных исследованиях, использованием информационных технологий и нанотехнологий, что позволяет более эффективно использовать результаты освоения Земли, Космоса, Мирового океана на благо человека (улучшение здоровья, повышение благосостояния, личностное развитие и т. д.); с другой стороны, автоматизация и кибернетизация, сложные технологические процессы тают в себе и разрушительный потенциал, так как в таких условиях от одного человека, от халатности и невежества, от некомпетентности или духовной скудости, от нажатия на одну кнопку может зависеть судьба всего человечества, страны, коллектива, других людей. Примеров тому, к сожалению, достаточно как в мировой, так и в отечественной практике.

Так или иначе, общество на определенно высоком этапе развития встает перед необходимостью учитывать целостность процесса развития личности, формирования для большинства своих членов социальной зрелости как фундамента, основы всестороннего развития, воспитания свободной, внутренне ориентированной автономной личности, соответствующей общесоциологическому закону «гармонии общества и личности».

Реализуя эту группу задач поликультурного образования, следует отметить деятельностный компонент, включающий формирование ряда поведенческих качеств личности, которые составляют межкультурную компетенцию при коммуникации с представителями иных культур. Здесь основой несущей конструкции являются толерантность и эмпатия, включающие на поведенческом уровне: соблюдение сложившихся традиционных или стереотипных форм межнационального общения; проявление уважения и позитивной оценки другого человека; позитивную, лишённую предубеждений реакцию на поведение представителя другой культуры; принятие точки зрения собеседника, способность взглянуть на событие с его позиции; толерантность к неожиданному повороту событий, способность справиться с ранее неизвестной и неопределённой ситуацией, не показывая своего замешательства.

Терпимость и уважение к иным этнокультурным общностям — эти качества поликультурной личности наиболее важны в периоды нестабильности и различных невзгод в обществе, когда особенно нужна поддержка друг друга. К сожалению, это качество развито далеко не одинаково у всех, что также может приводить к проблемам общения.

Часто случается так, что человек, не зная в совершенстве язык, затрудняется подобрать слова, но тон, которым он говорит, может подсказать дальнейшее поведение его собеседника. Отсутствие толерантности и эмпатии блокирует эмоциональную чувствительность, что в свою очередь может перерасти в жестокость. Примеров этому в истории

взаимоотношений этносов, проживающих и на территории евразийского пространства, более чем достаточно.

Но нельзя забывать, что знание о культурном многообразии современного мира не подразумевает признание равноправия культур. В данном случае мы сталкиваемся с проблемой формирования терпимости и уважения разных этнокультурных общностей. Признание культурной самобытности и формирование уважительного отношения к ней является важнейшим условием развития диалога культур, что определяет следующую задачу поликультурного образования – воспитание терпимости и уважения права каждого народа сохранять свою культурную самобытность.

И, наконец, задачи поликультурного образования предполагают формирование культуры межнационального и межконфессионального общения на основах толерантности, гуманизации отношений в системе коммуникаций; не только теоретическое осмысление материала, но и его эмоциональное переживание, что способствует развитию межкультурной эмпатии (умение сопереживать чужому миру, культуре, делать содержательные обобщения); скорректировать свои нравственно-ценностные ориентации и установки; вырабатывать целостное гармоничное отношение к гуманистическому характеру процесса межнациональных и межконфессиональных отношений; сохранять свою культурную самобытность.

Разработка концепции евразийства в этом смысле – яркий пример последовательного решения совместных проблем в сфере образования и культуры и шаг к воспитанию культуры межнационального общения.

Следует отметить, что задачи поликультурного образования взаимосвязаны и активно влияют друг на друга. Нельзя выполнять содержательные задачи, не реализуя элементы практической деятельности в отношении «иного» и игнорируя эмоциональную сферу обучения и воспитания.

Анализируя задачи поликультурного образования, важно отметить, что последовательность их выполнения может носить не только линейный характер, т. е. определенный устойчивый порядок во времени, но и комплексный, когда процесс обучения направлен на выполнение ряда задач одновременно. Хотя последовательный характер выполнения задач не вызывает у нас сомнения.

Итак, разрабатывая цели и задачи поликультурного образования, необходимо учитывать целый комплекс факторов, которые определяются социокультурной действительностью. Во-первых, нельзя игнорировать противоречия, которые уже существуют между идеалами общества и реальностью и разрешение которых становится не только исследовательской, но и практической задачей.

Во-вторых, важно учитывать многообразие путей формирования общественных ценностей, которые утвердились в культуре того или иного этноса. В их разнообразии проявляются особенности, учет и организация которых будет входить в задачи поликультурного образования.

В-третьих, необходимо понимать, что существуют разные стили жизни. Их понимание на основе толерантности и эмпатии и учет при разработке программ поликультурного образования будет также способствовать успеху в процессе формирования поликультурной личности.

В-четвертых, следует учитывать наличие многообразия культурно-этнических форм, среди которых необходимо выстраивать свою деятельность любому индивиду в современном обществе на основе межкультурной компетентности, что также соответствует задачам поликультурного образования.

Литература

1. Супрунова Л. Л. Поликультурное образование в современной России: поиск стратегии // *Magister*. 2000. № 3. С. 77–81.
2. Бессарабова И. С. Современное состояние и тенденции развития поликультурного образования в США. Волгоград, 2008. 364 с.
3. Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // *Педагогика*. 1999. № 4. С. 3–10.
4. Джуринский А. Н. Поликультурное воспитание в современном мире. Москва, 2002. 71 с.
5. Палаткина Г. В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2003. 400 с.
6. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. Москва, 1999. 208 с.
7. Banks G. *Multiethnic Education: Theory and Practice*. Boston, 1981. 156 p.
8. *Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus on Education*. Washington, 1962. 264 p.
9. Hutchins R. M. *The Future of International Education*. New York, 1970. 22 p.
10. Лельчицкий И. Д., Песков И. В. Цели и задачи поликультурного образования // *Образование и общество*. 2009. № 2. С. 18–20.
11. Матис В. И. Проблема национальной школы в поликультурном обществе. Барнаул, 1997. 328 с.
12. Матис В. И., Матис Д. В. Роль глобального образования в формировании образа мира // *Вестник Алтайской науки. Образование*. 2001. № 1. С. 98–103.
13. Виноградов В. В. Построение учебного плана школы глобальной ориентации // *Завуч*. 1999. № 8. С. 139–142.
14. Разумовская Г. В. Глобальное образование в российской школе // *Завуч*. 1999. № 8. С. 132–138.
15. Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. Москва, 1991. 193 с.
16. Бердяев Н. А. О назначении человека. Москва, 1993. 383 с.
17. Вульфсон Б. Л. Западноевропейское образовательное пространство XXI века: прогностические модели // *Экономика образования*. 2012. № 1. С. 17–20.

18. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Москва, 1995. 448 с.

19. Библер В. С. Школа диалога культур (идеи, опыт, проблемы). Кемерово, 1993. 416 с.

20. Библер В. С. Школа диалога культур, или один из проектов будущего // Мегполис-экспресс. 1994. 3 авг.

21. Матис В. И. Школа глобальной ориентации (поликультурный подход в образовании и культурной сфере). Барнаул, 2014. 246 с.

V. I. Matis, Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
vmatis@rambler.ru

GOAL AND OBJECTIVES OF MULTICULTURAL EDUCATION IN THE EURASIAN COOPERATION

Missions of multicultural education formulate with the decomposition of its main objectives, including, at first, the upbringing the young people who ready for socialization and integration in multicultural area, at second, the formation of a personality's multicultural identity based on axiological education principles, tolerance, empathy and other qualities that are necessary for communication in a multiethnic, multi-religious (which means – in a multicultural) community.

This vector of education works on formation a personality's today's world's ethnical map, the formation of a personality's stable ethnical self-consciousness, which, in general, is a foundation of a multicultural personality, a base of a personality's worldview maturity.

The today's processes in multinational societies and some contradictions that arise in the multicultural communication sphere both complicate the solution of the objectives of multicultural education. Such contradictions can show itself between society's needs of a personality's forming – a personality that can be integrated (but not be assimilated) in multicultural area – and lack of a personality's knowledge, skills, competences that should be formed by today's organizations of higher education. The contradictions actualize a searching of effective ways of solving a lot of problems accumulated in today's intercultural, interethnic, inter-confessional public communication.

Unanimity of authors' views on goal and objectives is lacking today, but all of them speak about some several directions of multicultural education.

An analysis of the domestic and foreign authors' works devoted to the problems of multicultural education and the practical activities of educational institutions in this sphere leads to conclusion that the goal of multicultural education concept is considering in today's scientific studies as introduction the growing generation to ethnic, nationwide and world cultures aimed at personality's spiritual enrichment, and also is developing a personality's planetary consciousness and the formation of his or her readiness and ability to live in a multicultural environment.

The achievement of goals is ensured by the fulfilment of a whole range of objectives determined not

only by the set goals, but also by the specific features of the mechanisms of a personality's cogitative activity, the perception of “the other”, and the correlation “the other” and “our own”, also social and cultural attitudes, habits, customs, traditions, etc.

The article classifies several groups of objectives that contribute to the achievement of goals for its deeper understanding and structuring. The first group includes informative, which are focused on the formation of a personality's knowledge. The second group is practical, aimed the acquisition of skills. The third group is emotional and axiological objectives that help to form certain qualities of a personality.

Achievement of emotional and axiological objectives presuppose the formation of a personality's certain qualities connected with his or her own attitude to “the other” person avoiding both the indiscriminate recognition and rejection of “the other”. It should be noted that the objectives of multicultural education are interrelated and actively influence each other. Далее в статье говорится о необходимости учета целого комплекса факторов при разработке цели и задачи поликультурного образования.

Author concludes: during the development of the goal and objectives of multicultural education it needs to bear in mind a whole set of factors.

Keywords: *multicultural education, a socialization process, an integration, an intercultural space, the formation of a multicultural personality, the principles of axiological education.*

References

1. Suprunova L. L. Polikul'turnoe obrazovanie v sovremennoj Rossii: poisk strategii [Polycultural Education in Today's Russia: Searching of Strategy] // Magister. 2000. No. 3. Pp. 77–81. [In Russ.].

2. Bessarabova I. S. Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitiya polikul'turnogo obrazovaniya v SSsA [Today's US Polycultural Education State and Tendencies]. Volgograd, 2008. 364 p. [In Russ.].

3. Makaev V. V., Mal'kova Z. A., Suprunova L. L. Polikul'turnoe obrazovanie – aktual'naja problema sovremennoj shkoly [Polycultural Education is an Actual Problem of Today's School] // Pedagogika [Pedagogics]. 1999. No. 4. Pp. 3–10. [In Russ.].

4. *Dzhurinsky A. N.* Polikul'turnoe vospitanie v sovremennom mire [Polycultural Upbringing in Today's World]. Moscow, 2002. 71 p. [In Russ.].
5. *Palatkina G. V.* Jetnopedagogicheskie faktory mul'tikul'turnogo obrazovaniya [Ethnical and Pedagogical Factors of Polycultural Education]. Moscow, 2003. 400 p. [In Russ.].
6. *Dmitriev G. D.* Mnogokul'turnoe obrazovanie [polycultural Education]. Moscow, 1999. 208 p. [In Russ.].
7. *Banks G.* Multiethnic Education: Theory and Practice. Boston, 1981. 156 p. [In Eng.].
8. *Perceiving, Behaving, Becoming: A New Focus on Education.* Washington, 1962. 264 p. [In Eng.].
9. *Hutchins R. M.* The Future of International Education. New York, 1970. 22 p. [In Eng.].
10. *Lelchitskii I. D., Peskov I. V.* Celi i zadachi polikul'turnogo obrazovaniya [Aims and Tasks of Polycultural Education] // *Obrazovanie i obshchestvo*. [Society and Education]. 2009. No. 2. Pp. 18–20. [In Russ.].
11. *Matis V. I.* Problema nacional'noj shkoly v polikul'turnom obshchestve [Ethnic School in Polycultural Society]. Barnaul, 1997. 328 p. [In Russ.].
12. *Matis V. I., Matis D. I.* Rol' global'nogo obrazovaniya v formirovaniy obraza mira [A Role of Global Education in Making of Worldview] // *Vestnik Altajskoj nauki. Obrazovanie* [Bulletin of Altai Science. Education]. 2001. No. 1. Pp. 98–103. [In Russ.].
13. *Vinogradov V. V.* Postroenie uchebnogo plana shkoly global'noj orientacii [Making of Study Academic Plan in School of Global Orientation] // *Zavuch* [Head of Teaching]. 1999. No. 8. Pp. 139–142. [In Russ.].
14. *Razumovskaya G. V.* Global'noe obrazovanie v rossijskoj shkole [Global Education in a Russian School] // *Zavuch* [Head of Teaching]. 1999. No. 8. Pp. 132–138 [In Russ.].
15. *Romanov V. N.* Istoricheskoe razvitie kul'tury. Problemy tipologii [Historical Development of Culture. Difficulties of Typology]. Moscow, 1991. 193 p. [In Russ.].
16. *Berdyaev N. A.* O naznachenii cheloveka [On A Human Puppote]. Moscow, 1993. 383 p. [In Russ.].
17. *Voolfson B. L.* Zapadnoevropejskoe obrazovatel'noe prostranstvo XXI veka: prognosticheskie modeli [Western European Educational Space of the 21st Century: Predictive Models] // *Ekonomika obrazovaniya* [Economy of Education]. 2012. No. 1. Pp. 17–22. [In Russ.].
18. *Gessen S. I.* Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuju filosofiju [Basics of Pedagogics. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow, 1995. 448 p. [In Russ.].
19. *Bibler V. S.* Shkola dialoga kul'tur (idei, opyt, problem) [Cultures Dialogue School (Ideas, Experience, Difficulties)]. Kemerovo, 1993. 416 p. [In Russ.].
20. *Bibler V. S.* Shkola dialoga kul'tur, ili odin iz proektov budushhego [Cultures Dialogue School, Or One of the Future Projects] // *Megapolis-jekspress* [Megapolis-Express]. 1994. Aug 3. [In Russ.].
21. *Matis V. I.* Shkola global'noj orientacii (polikul'turnyj podhod v obrazovanii i kul'turnoj sfere) [Global Orientation School (Polycultural Approach in Education and Culture Sphere)]. Barnaul, 2014. 246 p. [In Russ.].

УДК 159.964:82-311.6Шукшин07

Е. А. Московкина, кандидат филологических наук
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
evgenya.moskovkina@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В. М. ШУКШИНА «Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»

В статье предпринята попытка интерпретации архетипических мотивов романа В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» с позиций психоэтики. В контексте героического мифа посредством универсальных культурных паттернов Шукшин формирует неомифологему (Степан Разин). Образ Степана Разина, проведенный сквозь опыт инициации, наделяется качествами сверхчеловека, совмещающего экстатическую свободу Диониса и аскетическую жертвенность Христа.

Ключевые слова: архетип, символ, миф, образ, мотив, поэтика, В. М. Шукшин.

Роман «Я пришел дать вам волю» (1969) в поэтике Шукшина интересен, прежде всего, попыткой автора через исторический контекст ввести в художественное пространство инструментарий «синкретического символизма», подключающий шукшинский дискурс к ницшеанско-горьковской идее сверхчеловека. Пропущенный сквозь фильтр русского символизма образ сверхчеловека в контексте русского же психоанализа как парадоксальное единство «влечения к власти» и «служения смерти» [1] воплощается у Шукшина в неомифологему Степана Разина, ставшую ам-

бивалентным олицетворением экстатической праздничности Диониса и аскетической жертвенности Христа.

Психоаналитический код, приобщающий шукшинский текст к универсальным семиотическим доминантам культурного пространства, прочитывается в контексте комплексов и архетипов, встроенных в систему традиционных для всего шукшинского творчества ситуационных мотивов или метатекстов, наиболее репрезентативными из которых являются, на наш взгляд, ситуация rendez-vous и мотив танца.

В романе «Я пришел дать вам волю» ситуация rendez-vous, в силу специфики жанра исторического романа освобожденная от необходимости «бытового правдоподобия», сковывающего психологический подтекст реалистической прозы Шукшина, выведена в более открытую перспективу: за рамки психики героя, в социально-историческую, философскую парадигму.

Центральная в романе категория воли не только высвобождает необузданную энергию героев произведения (восставших казаков), поправших культурно-религиозные запреты, но и раскрепощает творческую фантазию писателя. Пограничные ситуации в этом романе приобретают статус предельных, разрешение конфликтов всегда категорично (жизнь или смерть), хаотическая стихия войны-праздника «освящает» пассионарную тактику произвола.

Именно поэтому казалось бы проходной эпизод случайной «интрижки» молодого Степана Разина приобретает в романе драматический накал, становится судьбоносным в истории центрального героя, проецируется на историю России:

«И тогда-то в переход с Дона на Москву, случился со Степаном большой и позорный грех <...> Неподалеку от Воронежа, в деревне, остановились на постой. Остановились у крепкого старика <...> В прошлый раз Стенька со станицей останавливался у него же. Но с тех пор в доме старика случились изменения: убило лесиной его сына, Мотьку. Осталась со стариком невестка, чернوبرовая Агания, баба огромная, красивая и приветливая. Казаки сразу смекнули, что Агания тут – и за хозяйку, и за жену сильного старика (старухи у него давно не было), но вида не подали.

Выпили. Агания тоже выпила; молодая ядреная кровь заиграла в ней, она безо всякого стеснения заглядывалась на молодых казаков, похихатывала... Часто взглядывала на Стеньку <...> Стенька осмелел... И так они откровенно засматривались друг на друга, что всем стало как-то не по себе <...> Ночь прошла спокойно. Но Стенька, видно, успел перемолвиться с Аганей, о чем-то они договорились. Утром Стенька сказался больным <...> Казаки уехали.

Стенька догнал их через два дня <...>

Только в монастыре догадались казаки, что у Стеньки на душе какая-то мгла <...> А на обратном пути, проезжая опять ту деревню, Степан отстал с Фролом и показал неприметный бугорок в лесу...

– Вон они лежат, Аганька со своим стариком. У Фрола глаза полезли на лоб.

– Убил?!

– Сперва поманила, дура, потом орать начала... Старик где-то подслушивал. Прибежал с топором. Может, уговорились раньше... Сами, наверно, убить хотели» [2, с. 211].

Психологическая драма, оставившая глубокий рубец в жизни молодого атамана, превращается в затвердевшую схему (паттерн), негативный якорь, препятствующий движению к внутреннему раскрепощению («сверхчеловеку»), и, соответственно, к провалу ведомого Разиным повстанческого движения: освобождения России от царского (государственного) гнета. В терминологии психоанализа «навязчивое повторение» или невротическое ощущение «преследующей судьбы» [3, с. 468] становится своеобразным лейтмотивом романа.

Эдипов комплекс как устойчивый кросскультурный сюжет, включающий обязательный набор архетипов, является необходимым условием героического мифа [4]. Шукшинский литературный миф о Степане Разине не стал в этом отношении исключением.

Заявленная в камерной житейской ситуации «ложный роман» оппозиция ‘старый муж / молодой любовник’ – жертвы «провокации» одной женщины – проецируется в социально-психологическую перспективу (‘аппарат / народ’). Схожую метафору использует в своем философском опусе Г. Гачев: «отдаваться, «бросать по любви» станет Русь не со старичишками – слуховыми аппаратчиками, а со Стенькой Разиным, с вольницей, с силой молодцею» [5, с. 281].

Эдипальность психологического конфликта треугольника ‘Разин – Аганька – старик’ усиливается за счет актуализации инцестуозного характера связи Аганьки и старика-свекра, узурпировавшего права на жену своего погибшего сына. Этот сюжет говорит о глубоком понимании Шукшиным специфики Русского Эроса. В русской ментальности Эдипов комплекс разрешается, как правило, в пользу отца, то есть, по сути, психологический конфликт взрослого сына остается непреодоленным.

Одним из доказательств регрессивной направленности Русского Эроса может послужить «негативная» версия Эдипова комплекса, отраженная в учении Федорова о «воскрешении отцов» [6]. Не случайно И. П. Смирнов, указывая на безразличность И. С. Тургенева к характеру брака его героев (таков, например, мезальянс Николая Петровича Кирсанова и Фенечки), акцентирует идею доминирования в русской ментальности родовых отношений над семейными, в рамках которых разворачивается эдипальность [7, с. 116].

Предельно обобщенный образ хозяйки – Агании («баба огромная, красивая и приветливая» [2, с. 209]) в символическом модусе романа отождествляется с образом России. В аллегорической поэтике Г. Гачева «Россия – огромная белоснежная баба, расплзающаяся вширь» [8, с. 452]. Россия органично слита с двупостасным своим «супругом» – Народом и Государством, – пишет Г. Гачев:

«Природина Россия-мать рождает себе Сына – русский Народ, что ей и Мужем становится <...> Его душа – нараспашку, широкая – значит, стихия «воздух» в нем избыточна. Он легок на съём в «путь-дорогу» (сверхценность это в русском Космосе) <...> И потому второго Мужа России понадобилось (уже не как Матери-Родине, а именно женщине-жене) в дополнение, который бы ее <...> крепко обнял – охватил обручем с боков, чтобы она не расплзлась <...> Вот и вынуждена Россия приглашать варяга на порядок – форму и закон...» [8, с. 452].

Вот почему в сознании казаков поход «на бояр» (на государство) отождествляется с насильственным завоеванием Руси: «*на бояр <...> На Русь!*» [2, с. 239]. Таким образом, охранительная функция отца-государства и вероломство сына-народа, взаимно соотносимых с Россией (женой-дочерью-матерью), иллюстрируют принцип эдиповой зависимости. Именно такую ситуацию моделирует rendez-vous Разина: «хозяин – старик (отец) – муж / Стенька – юноша (сын)-любовник».

Отвергнув закон социальный, Разин попирает и высший закон (божий) и всю жизнь потом тщетно пытается замолить страшный грех: «*Старики так не молились за свои грехи, как взялся молить бога Степан – коленопреклоненно, неистово <...> Бабу зарубить – большой грех. Можно зашибить кулаком, утопить... Но срубить саблей – грех. Как ребенка приспать. Оттого и мучился Степан, и молился, и злился. До сей поры об этом никто не знал, только Фрол. Тем тяжелее была Степану его измена. Грех молодости может всплыть и навредить*» [2, с. 212–213].

Сын-народ в эдиповом инцестуозном влечении к женщине-матери (Родине) и стремлении устранить отца-государство (закон), а затем и Бога, обрекает ее и себя на жертвенное страдание. «Эдипальное восстание ребенка против родителей преобразуется анархизмом в отрицание социальной и транссоциальной власти – государства, религии и пр.», – утверждает И.П. Смирнов [7; с. 98].

Тему матереубийства (или инцестуозного надругательства над матерью) развивает в романе образ Божьей Матери. О значимости материнской темы в творчестве Шукшина пишет Н. Лейдерман: образ матери в творчестве Шукшина – «это самый высокий образ “человеческого мира”, “этический центр”» [9, с. 64–65].

Знаковым в этом отношении является мотив поврежденной иконы Божьей Матери. В одном из монастырей, захваченных разинским войском, простреленная икона вселяет смуту даже в загрубевшие души казаков: «*Нет-нет да оглядывались на нее. Чудилось в этом какое-то недоброе знамение. Это томило хуже беды*» [2, с. 238]. И здесь виновником преступления оказывается Степан.

Он вновь и вновь бессознательно тиражирует модель совершенного злодеяния: «*Мой это грех – я стрелил. Я же не метил в лоб ей, нечаянно вышло...*» [2, с. 238] (выделено нами – Е. М.).

Такая последовательность в судьбе героя отсылает к версии З. Фрейда о том, что «в психической жизни действительно имеется тенденция к навязчивому повторению, которая выходит за пределы принципа удовольствия»: «...известны лица, у которых отношения к каждому человеку складываются по одному образцу <...> Гораздо большее впечатление производят на нас те случаи, где такое лицо, кажется, переживает нечто пассивно, где никакого его влияния не имеется, однако, его судьба, все снова и снова повторяется <...> Самое захватывающее поэтическое представление такого случая дал Тассо в романтическом эпосе «Освобожденный Иерусалим». Герой его Танкред, нечаянно убил любимую им Клоринду, когда она сражалась с ним в вооружении неприятельского рыцаря. Он проникает после ее похорон в страшный волшебный лес, который пугает войско крестоносцев. Он разрушает там своим мечом высокое дерево, из раны дерева течет кровь, и он слышит голос Клоринды, душа которой была заключена в этом дереве: она жалуется на то, что он снова причинил боль своей возлюбленной» [3, с. 469] (выделено нами – Е. М.).

Архетипическая проекция наслаивается на субъективную ассоциацию Степана: «*Я, знаешь, иконку одну видел в Соловцах – Божья Мать, я ее всю понял, всю в башку взял. Не знаю, как тебе сказать, – понял. Сидит хорошая душевная христианка... как моя мать. Я на нее залюбовался, по теперь ее помню*» [2, с. 256]. Тем страшнее новое ритуальное «убийство», совершенное Степаном, на этот раз в астраханской церкви:

«*Степан с томлением великим оглянулся кругом... Посмотрел на митрополита, еще оглянулся... Вдруг подбежал к иконостасу, вышиб икону Божьей Матери <...>*

– *Дурак ты, дурак заблудший... Что ты делаешь? Не ее ты ударил – он показал на икону. – Свою мать ударил, пес*» [2, с. 289] (выделено нами – Е. М.).

К бессознательной мести отцу примешивается месть матери за измену (с отцом), предательство. Не случайно, согласно схеме провокационного соблазна Аганьки выстраивает Разин стратегию восстания; он боится, что его войско «нож в спину воткнут» [2, с. 248]: «– <...> Ты к чужой жене ходил когда-нибудь?

– *Случалось... Помоложе был, кобелл, – Ус коротко хохотнул.*

– *А не случилось так: ты к ей, а сзади – муж с топором? Нет? <...> Так будет, если мы Астрахань за спиной оставим*» [2, с. 235] (выделено нами – Е. М.).

Опасение Степана оказывается пророческим: он приговорен к казни Государством (мужем-отцом) и орудием умерщвления атамана, действительно, становится топор.

Психологическая модель, сконструированная в романе, включающая такие условные элементы как «женская провокация» и «мужик с топором за спиной», возникает в творчестве Шукшина не единожды. В игровой форме (согласно иной жанровой модальности) она представлена в повести-сказке «До третьих петухов». Здесь в ловушку попадает Иван, соблазненный и «спеленатый» дочерью Бабы Яги и в силу этого обстоятельства оказавшийся «легкой добычей» неожиданно нагрянувшего Змея-Горыныча.

Значимо, что избавителем Ивана становится Донской Казак, который готов зарубить обоих «антагонистов», угрожающих жизни Дурака. Однако Иван останавливает «боевитого» товарища: *«греха на душу брать неохота – и так уж там... невпроворот всякого»* [10, с. 321].

Двусмысленность, недосказанность «покаяния» Ивана перекликается с размышлением Степана, ведомого на казнь: *«Спотычка была у меня в жизни... Горькая одна спотычка, – он посмотрел в далекую даль, и боль явственно проглянула из его глаз, так, что он даже зажмурился. И опять молчал долго. Открыл глаза, глянул на свои руки и ноги, качнул горестно головой. – Вот за то и получил... эти дары, – тряхнул железами, они покорно звякнули»* [2, с. 374].

Другую архетипическую схему, связанную с идеей дионисической свободы и христианской жертвенности, представляет собой мотив танца.

Шукшинский танец в контексте разинской экзатической аксиологии отчасти манифестирует философию русской ментальности Н. Бердяева: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие <...> Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога (ср., «Я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это океан» [11, с. 220] – Е. М.) и воинственное безбожие (ср.: «Не бойся, что будешь сковородки лизать на том свете...» [11, с. 221] – Е. М.); смирение и наглость; рабство и бунт» [12, с. 14–15].

Танцевальный дискурс в его вербальной кодировке концентрирует в себе «проговаривающееся» «культурное бессознательное» русского народа. «Загадочная русская душа» не терпит статики.

Распята между самозванством, преступным разинским индивидуализмом и церковной соборностью, ставрогинщиной и обломовщиной, бунтарством и праведничеством она не выносит равновесия, покоя.

Танец как способ выражения парадоксальности русской национальной психологии (совмещение сакрального и инфернального) представляет собой одну из составляющих мотива «пляшущий монах», распространенного в русской литературе конца XIX – начала XX века («Веселье на Руси» А. Белого, «Огненный ангел» В. Брюсова, «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» Д. Мережковского и др.) в связи с нарастанием эсхатологических ощущений в сфере коллективного бессознательного:

«Крик распрямил людей; засверкали глаза, набрякли жилы на шеех... Песня набирала силу, теперь уж она сама хватала людей, толкала, таскала, ожесточала <...> «Патриарх» выскочил вдруг на круг и пошел с приплясом, норовил попасть ногой в песню <...> Еще с десятков у шатра не вытерпели, ринулись со свистом «отрывать от хвоста грудинку». Угар зеленый, буйство и сила сдвинули души, смяли <...> «Патриарх» пошел отчибучивать вприсядку, легко кидая огромное тело свое вверх-вниз, вверх-вниз... Трудно было поверить, что старик почти» [2, с. 315].

С тем же мотивом связан автореминисцентный эпизод в рассказе «Верую!» (1970): *«Громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросался с маху вприсядку и орал, и нахлопывал себя по бокам и по груди <...> потом поп опять бросался вприсядку, как в прорубь, распахивал руки...»* [11, с. 223–224].

И в романе «Я пришел дать вам волю», и в рассказе «Верую!» мотив танца сопровождается архетипической атрибутикой опьянения, смеха, экзатического безумия, агрессивности, соборности.

В романе «Я пришел дать вам волю» танец суть экзатическая агония празднично-похмельного бытия разинской «воли». Результат его адекватен, например, примитивной мужской «охотничьей пляске» [13, с. 49–50], в которой достигается катарсическое преодоление страха (в романе Шукшина пляска «побеждает» не только страх перед смертью, но и страх перед Законом, то есть перед совестью).

В то же время «разинский» танец становится выразителем одной из самых жестоких форм насилия, связанных с инициацией. Танец как средство унижения безоружных, беспомощных пленных выполняет функцию ритуала «обращения» в другую веру, иной закон (или беззаконие). Цель танца – укрощение поработченных, иными словами, в данном случае танец усиливает антиномичность оппозиции ‘свобода / несвобода’ (или ‘воля / неволя’, по Шукшину):

«У одного большого костра к Степану волокли пленных, он их подталкивал в круг: они должны были плясать. Под казачью музыку. Они плясали. С казаками вперемешку. Казаки от всей души старались, показывая, как надо – по-казачьи. У толстого персидского купца никак не получалось вприсядку. Два казака схватили его за руки и сажали на землю и рывком поднимали. С купца – пот градом: он бы и рад сплясать, чтобы руки не выдернули, и старается, а не может <...> Тезик (купец) тяжело и смешно (уж и рад, что хоть смешно) прыгает – только бы не зашиб невзначай этот дикий праздник, эта огромная лохматая жизнь, которая так размашисто и опасно радуется <...> Среди танцующих и прекрасная княжна. И нянька ее за ней подпрыгивает: все должно плясать и подпрыгивать, раз на то пошло.

– Дюжей! – кричит Разин. – Жги! Чтоб земля чесалась...

К нему подтащили молодого князька, брата полонянки: он отказывался плясать и упирался <...> Степан сгреб его за грудки и бросил в костер. Взметнулся вверх сноп искр... Князек пулей выскочил из огня и покотился по земле, гася загоревшуюся одежду. Погасил, вскочил на ноги <...> Бандуристы приударили сильней. А князек стоял. Видимо, молодая гордость его востребовалась и восстала, видно, решил, пусть лучше убьют, чем унижат <...> может вспомнил, что совсем недавно сам повелевал людьми, и плясали другие, когда он того хотел... Словом уперся, и все <...> Но как не упрям молодой князь, атаман упрямер его <...> Степан потянул саблю... Из круга к атаману подскочила княжна, повисла на его руке. Персы схватили князька и втащили сами в круг. Степан откинул княжну и, следя за князем, велел:

– Дюжей!

Повеселели глаза казацкие...» [2, с. 54].

Через символику танца поэзия разинской вольницы трансформируется в «дионисические оргии темного мужицкого царства» [14, с. 119]. В танце по принуждению растворяется нищанская мечта о «новом человеке», притупляется экс-

татическая аффективность, профанируется единоплеменные соборности.

Таким образом, ситуационные мотивы, встроенные в архетипическую парадигму коллективного бессознательного и воспроизводящие универсальные мифопоэтические эпизоды древнейшего культурного гипертекста, обнаруживают надисторический контекст исторического романа Шукшина, выявляют психоаналитический метатекст, который ставит под сомнение чисто реалистическую установку романа, балансирующего на грани литературных традиций: впитавшего опыт психологизма русской классики, экзотичности символизма и зарождающегося скепсиса постмодерна.

Литература

1. Эткинд А. Эрос невозможного: история психоанализа в России. Санкт-Петербург, 1993. 463 с.
2. Шукшин В. М. Собрание сочинений. Кн. 6. Я пришел дать вам волю. Москва, 1998. 512 с.
3. Фрейд З. По ту сторону удовольствия // Психология бессознательного. Новосибирск, 1997. С. 457–502.
4. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва, 1994. 136 с.
5. Гачев Г. Русский эрос // Жизнь художественного сознания. Москва, 1972. 202 с.
6. Федоров Н. Ф. Сочинения. Москва, 1994. 414 с.
7. Смирнов И. П. Психодиахронология: Психология истории русской литературы от романтизма до наших дней. Москва, 1994. 351 с.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. Москва, 1995. 480 с.
9. Лейдерман Н. Рассказ Василия Шукшина // Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982. 256 с.
10. Шукшин В. М. Собрание сочинений. Кн. 3. Станные люди. Москва, 1998. 528 с.
11. Шукшин В. М. Собрание сочинений. Кн. 2. Верую! Москва, 1998. 512 с.
12. Бердяев Н. Русская идея // Самопознание. Москва, 1999. С. 11–248.
13. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишенёв, 1977. 216 с.
14. Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990. 598 с.

E. A. Moskovkina, Ph. D. in Philology
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
evgenya.moskovkina@yandex.ru

SOCIAL ARCHETYPES IN CULTURAL DISCOURSE OF “I CAME TO GIVE FREEDOM TO YOU”, VASSILY SHUKSHIN’S HISTORICAL NOVEL

The author makes an attempt to give an interpretation the archetypal motives in the Vassily Shukshin’s novel “I Came to Give Freedom to You” from the standpoint of psychopoetics. Shukshin forms new myth (Stepan Razin) in the context of the heroic myth with some general cultural patterns. The image of Stepan

Razin is endowed with the qualities of a superman who combines the Dionysus’s ecstatic freedom and the Jesus Christ’s ascetic sacrifice.

The archetype of initiation is key in the novel. The ambivalent instability of the transition state is enhanced through the motives of a dance and a rendez-

vous in the Shukshin's novel. The rendezvous motive is based on the Oedipus complex, which is a required condition of the heroic myth. Father (the state) and son (the people) come together into irreconcilable conflict in the symbolic meta-text of the novel. Wife-mother (Russia) becomes an object of insulting (victim) for both of them.

A dance expresses the alogical nature of the Russian mentality in this novel. The connection of war and celebration motives in key semiotic dominant of the novel (which is freedom concept) emphasizes the antinomy of the Russian soul. A ritual is a basis for the motive of a dance that appeals to the ecstatic beginning of the physical and spiritual emancipation. However, a dance uses the coercion rhetoric that compromising the value of freedom in the novel about Razin.

The author comes to the conclusion that mythopoetic subtext allows to Shukshin to overcome the historicity of the realistic novel and bring its plot into a space of timeless psychological universals.

Keywords: *an archetype, a symbol, a myth, an image, a motive, poetics, Vassily Shukshin.*

References

1. Etkind A. Ehros nevozmozhnogo: istoriya psihoanaliza v Rossii [Eros of the Impossible: History of Psychoanalysis in Russia]. Saint Petersburg, 1993. 463 p. [In Russ].
2. Shukshin V. M. Sobranie sochinenij. Kn. 6. Ya prishel dat' vam volyu [The Collected Works. The 6th book. I Came to Give Freedom to You]. Moscow, 1998. 512 p. [In Russ].

3. Freud Z. Po tu storonu udovol'stviya [On the Other Side of a Pleasure] // Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]. Novosibirsk, 1997. Pp. 457–502. [In Russ].
4. Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah [About Literary Archetypes]. Moscow, 1994. 136 p. [In Russ].
5. Gachev G. D. Russkij ehros [Russian Eros] // Zhizn' hudozhestvennogo soznaniya [The Life of the Artistic Consciousness]. Moscow, 1972. 202 p. [In Russ].
6. Fedorov N. F. Sochineniya [Works]. Moscow, 1994. 414 p. [In Russ].
7. Smirnov I. P. Psihodiahronologika: Psihoistoriya russkoj literatury ot romantizma do nashih dnei. [Psychodialogics: Psychohistory of Russian Literature from Romanticism till the Present Day]. Moscow, 1994. 351 p. [In Russ].
8. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos [Ethical Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, 1995. 480 p. [In Russ].
9. Lejderman N. Rasskaz Vasiliya Shukshina [A Vassily Shukshin's Story] // Dvizhenie vremeni i zakony zhanra [The Time Movement and the Laws of the Genre]. Sverdlovsk, 1982. 256 p. [In Russ].
10. Shukshin V. M. Sobranie sochinenij. Kn. 3. Stranye lyudi [Collected Works. The 3rd book. Strange People]. Moscow, 1998. 528 p. [In Russ].
11. Shukshin V. M. Sobranie sochinenij. Kn. 2. Veruyu! [Collected Works. The 2nd book. I believe!] Moscow, 1998. 512 p. [In Russ].
12. Berdyaev N. Russkaya ideya [Russian Idea] // Samopoznanie [Self-Knowledge]. Moscow, 1999. Pp. 11–248. [In Russ].
13. Koroleva E. A. Rannie formy tanca [Early Forms of Dance]. Kishinev, 1977. 216 p. [In Russ].
14. Berdyaev N. A. Sobranie sochinenij [Collected Works]. T. 4. [Vol. 1]. Paris, 1990. 598 p. [In Russ].

УДК 294/3(571.53/.55)

А. А. Насонов, кандидат исторических наук, доцент
Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Россия)
nas-alex-alex@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ БУДДИЗМА В ЮЖНОЙ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И АДАПТАЦИИ

В статье анализируются исторические факторы формирования региональных форм буддизма в процессе его распространения в Южной Сибири. Особое внимание обращается на необходимость соотнесения центральноазиатских и внутрироссийских процессов, повлиявших на религиозную ситуацию в национальных окраинах России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: *механизм распространения религии, межконфессиональное взаимодействие, буддизм, синкретизм, бурханизм.*

Российское общество в начале XXI в. стало не только свидетелем, но активным участником так называемого «религиозного ренессанса». Первоначально представлялось, что на рубеже XX–XXI вв. интерес к религии был обусловлен попыткой воссоздания прежних духовных постулатов в условиях провозглашённой свободы совести после нескольких десятилетий насаждаемого атеизма, а, кроме того, модой на религиозность, характеризующейся

поверхностностью восприятия вероучения и обрядовых практик. Однако в дальнейшем исследовательское сообщество стало фиксировать действительный рост религиозного фактора как на локальном региональном, так и на глобальном международном уровне. На территории России стали развиваться процессы полноценного восстановления и укрепления существовавших, а также формирования новых конфессиональных институтов,

выстраиваться модели межрелигиозного взаимодействия и конкуренции. Примечательно, что вновь обозначились направления распространения форм мировых религий, характерные для дореволюционной ситуации. В этой связи всё большую актуальность стали приобретать исследования конфессиональных процессов, имевших место в Российской империи. Это утверждение в полной мере относится к территории Южной Сибири, традиционно являвшейся регионом интенсивной экспансии буддизма, христианства и ислама.

На сегодняшний день актуальной научной задачей для реконструкции прошлого и понимания современности выступает задача соотнесения центральноазиатских исторических процессов с тенденциями внутрисюрийского развития, что возможно только через выявления трансграничных связей.

Распространение буддизма в Центральной Азии и Южной Сибири характеризуется длительностью и неравномерностью по площади охвата и степени интенсивности воздействия. В период второй половины XVII – начала XX в. этот процесс был тесно связан с глобальными процессами формирования и развитием территорий России и Цинского Китая. Тюркско-монгольский мир в период очередного этапа восприятия буддийских духовных постулатов и обрядовых практик оказался в зоне соприкосновения интересов двух крупных государственных образований, проходящих процесс становления континентальной имперской государственности с образованием множества национальных окраин.

В середине XVII в. в состав Российского государства были включены территории расселения бурятских племён, к этому времени уже исповедовавших буддизм. Этому процессу способствовали противоречия между монгольскими государствами и нарастающее давление маньчжурской экспансии [1, с. 26–27]. Примечательно, что крайняя жестокость завоеваний, проводившихся войсками и вассалами династии Цин в Западной Монголии, породила переход под российское покровительство, а затем в подданство, целых территорий, что способствовало локализации в составе России нового буддийского очага. Так, разгром и уничтожение Джунгарского ханства в первой половине XVIII в. определил переход к России Горного Алтая, население которого ощутило первичное поверхностное воздействие буддизма.

Распространение буддизма в западной и восточной частях Южной Сибири и его адаптация к конкретным условиям российским национальных окраин определили формирование разных региональных форм рассматриваемого вероучения. В восточной части Южной Сибири, как уже отмечалось, на момент вхождения в состав России буд-

дизм уже внедрился в социокультурную среду коренного населения. Эта религия фактически была признана властями России и в дореволюционный период контролировалась государством через регламентирование институциональных рамок [2, с. 5]. Данная региональная форма буддизма в лице ее адептов приспосабливалась к роли конфессионального меньшинства в империи с доминированием православного христианства, адаптируя традиционные буддийские модели налаживания взаимодействия со светской властью. Например, бурятские ламы ввели фигуру российского монарха в сферу сакральных буддийских символов, наделив его атрибутами дхармического правителя [1, с. 28].

В западной части Южной Сибири ввиду того, что процесс внедрения буддизма был приостановлен маньчжурским ударом по Джунгарскому ханству и переходом Горного Алтая в состав России, усиление буддийского влияния впоследствии было связано с ослаблением контроля Цинской империи над своими национальными окраинами на рубеже XIX–XX вв. Однако политика властей Российской империи на данной территории в указанный период времени значительно отличалась от восточной части Южной Сибири. Воздействие конкурента православия методично пресекалось, поэтому стало возможным в скрытой форме – в виде бурханистского движения.

В отечественной историографии распространения буддизма в западной части Южной Сибири и развития бурханистского движения встречаются крайние оценки движущих сил этого процесса. Одна из них сводится к восприятию бурханизма как авангарда китайской или японской экспансии в азиатской части России. Истоки этих оценок имеют различное происхождение. Деятели Алтайской духовной миссии в 1900-х гг. были убеждены в прозелитизме монгольского буддизма, а для привлечения внимание государственной власти в лице томского губернского управления увязывали развитие бурханистского движения с политическим воздействием извне [3, с. 72–73]. В 1930–1940-е гг. для нейтрализации убедительных доводов о национально-освободительном подтексте религиозной ситуации на рубеже XIX–XX вв. в официальной историографии была дана однозначная характеристика, констатирующая реакционную националистическую и сепаратистскую сущность бурханизма [4, с. 403–410]. Данная оценка в отдельных случаях встречается и на сегодняшний день. В частности, культуролог М. Р. Маняхина в одной из последних публикаций утверждает: становление «бурханизма как религиозного движения ... осуществлялось на Тибете в лоне ламаистской церкви, финансируемой китайским капиталом, ставящим цели экономические (конкуренция с русским капиталом), политические (отторжение территории Алтая от России)

и конфессиональные (насаждение нового вероучения» [5, с. 240]. Однако заметим, что основные аргументы в подтверждение и опровержение рассматриваемой оценки уже подвергались тщательному анализу, в результате был сделан вывод о безосновательности обвинений в отношении приверженцев региональной формы буддизма на юге Западной Сибири в виде бурханизма [6, с. 67].

Другая крайняя оценка рассматривает буддийское воздействие как результат не имеющих общей направленности, в значительной степени хаотичных проповеднических акций странствующих адептов с территории Западной Монголии.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на присутствовавшую подчинённость буддийского духовенства Монголии властям Цинской империи в период нового времени, на рубеже XIX–XX вв. контроль имперского центра неуклонно ослабевал и, как известно, именно ламство взяло на себя роль политической силы, добившейся фактической независимости страны, в том числе действиями на международной арене. Среди способов, позволивших постепенно отмежеваться от Китая, была активизация духовного потенциала тюркско-монгольского мира, основой которого был буддизм, в том числе посредством вовлечения периферийных районов. Как представляется, именно это стало движущей силой новой волны распространения буддизма. Обратим внимание на то, что духовные процессы, в частности, усиление мессианизма, напрямую сопоставимы в Горном Алтае и на Западе Монголии. Эти факты и взаимосвязи прослеживает в своей статье А. А. Знаменский [7].

Несмотря на различия, которые были отмечены, региональные формы буддизма в Южной Сибири имели значительную общую характеристику с точки зрения адаптивных способностей веро-

учения. Ею стал синкретизм, позволивший инкорпорировать в структуру вероучения устойчивые концепции автохтонных духовных систем и, тем самым, успешно конкурировать с православием, поддерживаемым государством.

Таким образом, региональные формы буддизма в Южной Сибири, сформировавшиеся под влиянием глобальных и локальных исторических реалий, продемонстрировали адаптивный характер вероучения в процессе его распространения в новых условиях.

Литература

1. Цыремпилов Н. В. Буддийский авангард: метаморфозы бурятской буддийской сангхи в России (XVIII – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 26–36.
2. Амоглонова Д. Д. Буддизм в Бурятии: Российское государство и конфессиональная конкуренция // Страны и народы Востока. 2015. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. С. 5–41.
3. Насонов А. А. Прозелизм или процесс синкретизации? (два возможных подхода к пониманию природы бурханизма) // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2011. № 7. С. 72–75.
4. Потанов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с.
5. Маняхина М. Р. Конфессиональные особенности сибирской культуры Нового времени // Поликультурное пространство Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2013. С. 223–241.
6. Тюхтенева С. П. «Японский след» в алтайском бурханизме: вымысел или реальность? // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 65–69.
7. Знаменский А. А. На северной периферии буддизма: мессианское движение «Амурсаны» в Западной Монголии и «белая вера» на Алтае // Буддизм в контексте диалога культур. Улан-Удэ, 2015. С. 261–281.

A. A. Nasonov, Ph. D. in History, Associate Professor
Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia)
nas-alex-alex@rambler.ru

BUDDHISM REGIONAL FORMS IN SOUTH SIBERIA: PROBLEMS OF DISSEMINATION AND ADAPTATION

The author actualizes the problems of dissemination, interconfessional interaction and competition of world religions in South Siberia. In the article analyzes the international and domestic Russian factors of the formation of Buddhism regional forms in the process of its doctrine expansion into the ethno-cultural environment of the indigenous population of this territory. Especially is paid attention to the need to correlate the Central Asian and Russian processes that influenced on the religious situation in the national peripheries of Russia at the turn of the 19th and the 20th centuries. The author characterizes the differences in the Bud-

dhism regional forms in the eastern and western parts of Southern Siberia. In the eastern part of South Siberia, Buddhism was officially recognized, institutionalized, its activities were regulated Russian powers. In the western part of Southern Siberia, the Buddhism dissemination at the turn of the 19th and the 20th centuries was undesirable, suppressed Russian state power, and therefore developed in the form of the Burkhanism movement. In the article considers the discussion in Burkhanism historiography. During the twentieth century and today part of the authors have a point of view about the separatist role of Burkhanism.

The other point of view is the Buddhism dissemination as chaotic process. According to the author, the rise of the preaching activity of adherents and the expansion of the territorial coverage of the Buddhism dissemination was connected with the crisis of the Qing Empire and Russian processes. The author comes to a conclusion about the high degree of adaptability of the Buddhist creed in the process of dissemination in Southern Siberia. In particular, the result of the Buddhist preachers' activity was religious syncretism, which incorporated the sustainable spiritual concepts of the autochthonous population into the structure of the doctrine of Buddhism regional forms and successfully competed with the Orthodox.

Keywords: *religion dissemination mechanism, interconfessional interaction, Buddhism, syncretism, Burkhanism.*

References

1. Cyrempilov N. V. Buddijskij avangard: metamorfozy buryatskoj buddijskoj sanghi v Rossii (XVIII – nachalo XX vv.) [Buddhist Avanguard: Metamorphoses of the Buryat Buddhist Sangha in Russia (from the 13th to the Beginning of the 20th Centuries)] // Novyj istoricheskij vestnik [The New Historical Bulletin]. 2012. No. 33. Pp. 26–36. [In Russ.].
2. Amogolonova D. D. Buddizm v Buryatii: Rossijskoe gosudarstvo i konfessional'naya konkurenciya [Buddhism in Buryatia: Russian state and Confessional Competition] // Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of The East]. 2015. Vol. XXXVI: Religii na Vostoke [Religions in the East]. Pp. 5–41. [In Russ.].
3. Nasonov A. A. Prozelitizm ili process sinkretizacii? (Dva vozmozhnyh polhoda k ponimaniyu prirody burhanizma) [Proselytism or Syncretisation? (Two Possible Approaches to Interpretation of Burkhanism Nature)] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya [Samara State University Bulletin. Humanities]. 2011. No. 7. Pp. 72–75. [In Russ.].
4. Potapov L. P. Oчерки po istorii altajcev [Essays on the History of the Altaians]. Novosibirsk, 1948. 506 p. [In Russ.].
5. Manyahina M. R. Konfessional'nye osobennosti sibirskoj kul'tury Novogo vremeni [Confessional Specifics of the Siberian Culture in Modern Era] // Polikul'turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii [Multicultural Space of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2013. Pp. 223–241. [In Russ.].
6. Tyuhteneva S. P. "Yaponskij sled" v altajskom burhanizme: vymysel ili real'nost'? ["The Japanese Trace" in Altai Burkhanism: Myth or Truth?] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2005. No. 4. Pp. 65–69. [In Russ.].
7. Znamenskij A. A. Na severnoj periferii buddizma: messianskoe dvizhenie "Amursany" v Zapadnoj Mongolii i "belaya vera" na Altae [On the Northern Board of Buddhism: the Messianic Movement "Amursany" in Western Mongolia and the "White Faith" in the Altai] // Buddizm v kontekste dialoga kul'tur [Buddhism in the the Cultures Dialogue]. Ulan-Ude, 2015. Pp. 261–281. [In Russ.].

УДК 7.011.3:[7.01::7.06]

Л. А. Обухова, кандидат искусствоведения
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
asu079@mail.ru

ПОТОЧНОЕ КОПИРОВАНИЕ МИРОВЫХ ШЕДЕВРОВ ЖИВОПИСИ КАК ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ ИСКУССТВА

В данной статье идет речь о создании многочисленных копий шедевров мирового искусства, о художественной проблеме тиражирования и отношении к ней в культуре Запада и Востока. В статье происходит выявление факта сложного, многоуровневого характера отчуждения произведения искусства от автора: осмысленное отторжение ценности и значимости оригинала произведения реципиентом; подмена изначальных смыслов произведения в духе ценностных предпочтений современного общества; отчуждение от произведения его собственных, изначально заложенных в него смыслов. В контексте данной проблематики вновь актуализируются вопросы о духовности человека и общества.

Ключевые слова: *произведение живописи, копия, репродукция, оригинал, культура, искусство.*

Копирование художественных произведений – одна из форм существования искусства. Крупные мастера эпохи Возрождения подделывали произведения современников, что было скорее демонстрацией универсальности стиля и ренессансной многосторонности. В последующее время подделки искусства мастеров стали настоящей индустрией, подрывающей реальные художественные ценности. Некоторые искусствоведы считают, что классические произведения XV–XIV вв. – это на треть под-

делки. Известно, что в мире существуют восемь картин, изображающих «Мону Лизу».

В европейском искусстве подделка осуждается и считается однозначно хуже плагиата. С XVIII в. художники борются с индустрией плагиата. Тиражирование в таком виде искусства как графика позволяло заимствовать чужие сюжеты и присваивать себе удачные в коммерческом отношении композиции. Английский художник Уильям Хогардт обратился в парламент с предложением

принять закон, в котором указывалось, что все графические произведения должны содержать имя издателя и дату изготовления графического произведения. Это предложение было принято и по сей день имеет юридическую силу как «Акт Хогарта». В области живописи индустрия подделки продолжала расти, принося доходы авторам подделок [1].

Отношение к подделке в восточной традиции коренным образом отличается от западной культуры. Если на Западе подделка осуждается и считается однозначно хуже оригинала, то на Востоке она однозначно ценится так же высоко как оригинал и признаётся знаком истинности оригинала. Для китайца очевидно, что имитации достойно лишь то, что истинно, что признано каноном и самой историей. Более того, китаец копирует не просто внешнюю форму, но даже сам дух художника [2]. Для восточной эстетической традиции характерно восприятие того состояния чистоты и духовной наполненности, в котором художник творил своё произведение. Восточная культура – культура намеренного повторения, вечно длящейся подлинности, постепенно переходящей в не менее ценную подделку под саму себя.

Копия становится попыткой повторения и точного воспроизведения традиции. Это копирование, которое сродни искусству, ведущее к истинному сопереживанию с теми, кто шел перед тобой, превратилось в Китае в настоящий культ. Копировальные мастерские, где изготавливалось все, начиная от «древних» художественных свитков до «ранней» китайской бронзы, были разбросаны по всему Китаю, и порой этим занимались целые деревни и городские кварталы. Рынок китайских подделок достиг колоссальных масштабов уже к XVI в., хотя, разумеется, мастера копирования существовали и раньше. В восточной культуре точно скопированная работа, в которой передан дух и мистическое переживание художника, равна по своей ценности оригиналу. Китайским знатокам порой непонятно, почему керамическая фигурка или фарфоровая пиала эпохи Тан, поврежденная и с потрескавшейся краской, должна цениться выше, чем аналогичная работа, выполненная в начале XX в., но с лучшим качеством, без трещин и других изъянов, если она точно соответствует канону. В западной культуре характерно оценивать предмет искусства во многом по его древности [2].

По мастерству исполнения подделка нередко оказывается действительно равной оригиналу, например, в том случае, когда имитируется не сама картина, а стиль художника. В XIV–XV вв. целые школы таких имитаторов существовали вокруг знаменитого центра мастеров изящных искусств в Сучжоу, а к XVI в. в городе даже возникла целая улица Цюаньчу, где располагались мастерские и магазинчики специалистов по подделкам.

Понятие авторства в восточной традиции было весьма условным. В общем число живописцев, работающих практически в одинаковом стиле, порой мало отличающихся по удару кисти друг от друга, было колоссальным. Следование канону приводило к парадоксу вечного противоречия между обязательностью бесконечного соблюдения матрицы и желанием как-то выделиться из общей массы. Стоило художнику или резчику по камню стать хоть немного известным, как к нему тотчас начинали поступать заказы, причём нередко их количество оказывалось столь большим, что не было никакой возможности выполнить их все. Чтобы не терять своих заказчиков, мастер поручал своему ученику, а иногда и нескольким выполнять часть работы, причём его ученики часто стиль мастера воспроизводили столь точно, что не представлялось никакой возможности отличить творение наставника от работы его ученика. Многие картины, пейзажи, вазы, поделки из дерева и фарфора начиная с эпохи Сун буквально «штамповались», на рынок и в собрания коллекционеров попадало огромное количество практически одинаковых работ. Собственно, само творчество и авторство оказывалось абсолютно иллюзорным, в Китае имитация возводилась в ранг оригинала и действовала с ним наравне. Создание иллюзии оригинального авторства завершал сам мастер, ставя на работу ученика свою печать, подпись и делая краткую каллиграфическую надпись. У многих известных чиновников были свои мастера, которые создавали за них картины, причём весьма высоких художественных достоинств. За известных живописцев работы писали их ученики, родственники и знакомые. Так, распространялись небеспочвенные слухи, что многие работы одного из самых выдающихся художников Китая Чжао Мэнфу (1254–1322 гг.) написаны его женой Гуан Даошэн и его сыном Чжао Юном [2].

Разница между репродукционной копией и подделкой в том, что подделка использует тот же материал и тот же носитель, что и оригинал, в то время как репродукционная копия может иметь любую фактуру и любой носитель. Для подделки характерна полная имитация, неотличимость от оригинала, для репродукции – похожесть. Подделка должна быть точной, репродукция – узнаваемой.

Подделка имеет своего второго автора; своего рода оригинал второго порядка. Сохраняя симулятивный намек на уникальность, подделка имеет большое преимущество перед оригиналом – продаваемость. Недаром таким успехом пользуется китайский кустарный «конвейер», в котором известные картины создаются вручную, но поточным методом, например, по двадцать «Подсолнухов» Ван Гога в день. Молоденькая китайка рассчитанным движением накладывает по очереди на все двадцать полотен сначала несколько мазков желтой

краски, вырисовав таким образом все желтые лепестки, затем в такой же технике появляются еще несколько лепестков оранжевого, затем коричневого, терракотового и других цветов. На обратной стороне холста честно подписывается «Made in China» [3]. Многие музеи давно выставляют копии известных скульптур (например, Античный зал Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва, Россия)).

Репродукции – постеры, эстампы или профессиональные фотографические копии, это уже механические (типографские) нестираемые отпечатки многоразового использования, единственное назначение которых свидетельствовать о существовании оригинала. Репродукция становится означающим оригинала, его рекламным плакатом. В свою очередь, оригинал символически подпитывается энергией успешных продаж своих копий. В копилку популярности засчитываются проданные репродукции и на журнальных разворотах [3].

Массовое промышленное воспроизведение предметов искусства привело к утрате подлинности как неперемного условия для существования произведения искусства в качестве такового. Подлинность остаётся важной лишь в сфере коллекционного бизнеса (личных и музейных коллекций). Во всех остальных случаях важна лишь, как указывал теоретик культуры Вальтер Бенямин, экспозиционная ценность, т. е. степень выставяемости. «Но в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведений искусства, преобразается вся социальная функция искусства» [4].

В современном обществе тотального потребления произведение искусства, чтобы быть ценным, должно быть покупаемым, причем непрерывно и в больших количествах. Но оригинал продается редко (в лучшем случае, раз в несколько десятков лет и на специальных аукционах) или вообще не продается, находясь в музейной экспозиции. Однако живописное полотно, претендующее на сохранение «звания» шедевра, должно доказать свою популярность у массового зрителя принятым в современной культуре способом – быть проданным в больших количествах. Но по определению оригинал не может быть во множественном числе. Посему оригинал вынужден передать статус популярности своим многочисленным копиям и подделкам. Так, практически при каждом музее есть сувенирный магазин, в котором идет бойкая торговля местными шедеврами, вернее, их копиями разных размеров, из разных материалов и на разных носителях. И всё чаще современные художники на персональных выставках представляют для продажи не только оригиналы, но и заранее подготовленные альбомы и календари с репродукциями своих работ и разного рода фотопринтные копии.

Пространство искусства всё в большей мере начинает заполняться произведениями, рождающимися сразу со своими копиями, а «репродуцированное произведение искусства во всё большей мере становится репродукцией произведения, рассчитанного на репродуцируемость» [4].

Известный философ, культуролог Абраам Антуан Моль считает, что всеобщая доступность произведений искусства приводит к «опошлению Неповторимого». «Мы живем в потребительском обществе, но «потреблять» можно как стиральную машину, так и готический собор. Новым в нашем массовом обществе является то, что памятники прошлых веков буквально обглаживаются туристами – каждый из них уносит по кусочку в ящичке, который именуется фотоаппаратом. Мы живем в обществе, в котором провозглашается всеобщее право на счастье, а поскольку, как известно, Прекрасное составляет неотъемлемый элемент оно, то, следовательно, все мы имеем право на Прекрасное. Оно принадлежит всем, то есть никому персонально. Соборы и эйфелевые башни приходится делить на столько маленьких кусочков, сколько на свете существует фотоаппаратов, и каждый уносит к себе домой свою карточку, свой кусочек шедевра. Если некогда шедевры казались вечными, то это только благодаря их крупности. Однако несколько миллиардов счастливых муравьев вполне способны вычерпать заложенные в них запасы оригинальности» [5, с. 266]. Основной задачей творчества художника видит в том, что художник должен создавать не новые произведения, а новые формы воздействия на чувственную сферу.

Философ пишет о трёх возможных вариантах спасения смысла жизни художника. «Во-первых, у него остаётся «игра в бисер» (Гессе), т. е. он может отказаться от своей социальной роли (от которой он и раньше любил отрешиваться) и уединиться в садах Артемиды, наслаждаясь плодами дерева Красоты. Он может творить искусство для себя самого... Второе возможное решение таково: творцы алгоритмов будут насыщать изголодавшегося по культуре население, технократы же будут обеспечивать оптимальное распределение произведений искусства по разным слоям социокультурной пирамиды... Третье решение... – это создание новых видов искусства» [5, с. 270–271].

Новый характер отношения к искусству общества отмечает в своей работе другой известный философ Йохан Хейзинга: «...к концу XIX века, без влияния техники фотографии, волна искусства докатывается до приобщившихся к образованию масс. Искусство становится сферой публичной жизни, любить искусство становится хорошим тоном. Представление о художнике как о существе высшего порядка проникает повсюду. Снобизм получает широчайшее распространение среди

публики. В то же время судорожный поиск оригинальности становится главным импульсом создания художественной продукции. Эта постоянная потребность во всём новом, доселе неслыханном, устремляет искусство со ступеней импрессионизма к эксцессам XX столетия. В отношении пагубных факторов современного производственного процесса искусство оказалось уязвимее, чем наука. Механизация, реклама, погоня за внешним эффектом влияют на него больше, потому что оно более ориентировано на рынок и работает с привлечением технических средств» [6, с. 192].

Потребность современной культуры в массовой репродукции – подделке мировых шедевров живописи удовлетворяет рынок китайских подделок. Чтобы увидеть мировые шедевры самых известных художников, жителям одного небольшого городка в Китае не обязательно посещать именитые галереи. Здесь каждый второй – сам себе профессиональный мастер. И нарисует копию полотна, какую душе угодно, от классики до самых современных направлений. Власть уже обозначила эту деятельность – ни много ни мало – как новую отрасль экономики.

Все началось с 1990-х гг., когда группа из двадцати художников под руководством художника и бизнесмена Хуан Цзян поселилась в районе на окраине Шэньчжэня Дафене. Они специализировались на создании копий картин великих мастеров. В 1989 г. на месте мирового производства картин было болото.

В Дафен ежегодно производится 5 млн. картин – 50% мирового рынка. Средняя цена подделки составляет 40 долларов. Рисуют их 12 тысяч художников. Наиболее передовые лавки в Дафене сегодня внедряют конвейерное производство картин. На территории в 4 кв. км сосредоточено около 350 художественных фирм, в них трудится 2 тысячи «главных художников» и 10 тысяч подмастерьев. При этом в США китайцы смогли отвоевать уже 60% местного рынка. А мировые отели и вовсе на 95% снабжаются картинами из Дафена.

Каждый год численность «главных художников» увеличивается в Дафене примерно на 100 человек, подмастерьев – на 400–500. Средняя стоимость картины, написанной маслом, составляет 40 долларов, хотя есть картины и по 6–8 долларов. Очень редко их цена может достигать 60–80 долларов. Ежегодный экспорт картин из Дафена приносит 280 млн. долларов [7].

Восточная традиция подделки художественных произведений тесно переплелась с современной культурой массового потребления. Подделка произведений – это больше образец ремесла. Искусство, по сути, находится в нас. Функция искусства в нас в том, чтобы развивать мышление. Произведения искусства – материал, энергия для осуществления функции. Возможно, будущее мировых шедевров живописи в их поточном копировании.

Литература

1. Шестаков В. П. Изобразительное искусство // Культурологический журнал. 2011. № 4. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/63.html&j_id=6 (06.04.2017).
2. Маслов А. А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. Москва, 2003. С. 304–313.
3. Николаева Е. В. Произведение высокого искусства в формате массовой культуры // Культуролог – теория культуры, культурология и философия современной культуры. URL: http://culturolog.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=1452&pop=1&page=0&Itemid=6 (06.04.2017).
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Москва, 1996. 240 с.
5. Моль А., Фуке В., Касслер М. Искусство и ЭВМ. Москва, 1975. 556 с.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. Москва, 1997. 416 с.
7. Китайская деревня художников Дафен // Cameralabs: сайт о фотографии, кино, творчестве, вдохновении, обществе, культуре и образовании. URL: <https://cameralabs.org/9640-kitajskaya-derevnya-khudozhnikov-dafen> (04.04.2017 г).

L. A. Obukhova, Ph. D. in History of Arts
Altai State University (Barnaul, Russia)
asu079@mail.ru

MULTIPLE COPY REPRODUCTION OF PICTORIAL ART MASTERPIECES AS A POTENTIAL FUTURE OF ART

In the article the author states the fact of creating numerous copies of world art masterpieces. Copying of works of art has existed for a long time. Initially this was a demonstration of the versatility of the style. In the following time, counterfeiting art masters became an industry. The attitude toward copying in the cultures of East and West is different. In European art, falsification is condemned and is considered unequivocally

worse than the original. In the East, it is valued as highly as the original and is recognized as a sign of its genuineness. Eastern culture is a culture of deliberate repetition.

The article reveals the fact of a complex, multilevel nature of alienation of the work of art from the author: a meaningful rejection of the value and significance of the original work by the recipient; substitution of the original

meanings of the work in the spirit of value preferences of modern society; alienation from the product of its own, originally embedded in its meanings.

In the article the author comes to the conclusion that the eastern tradition of falsification of works of art is closely intertwined with the modern culture of mass consumption. The forgery of works is a sample of craft. Art, in fact, lies within us. The function of art in us is to develop thinking. Works of art are the material, the energy for the function. The author suggests that the future of the world's painting masterpieces is in their mass copying.

Keywords: *painting, copy, reproduction, original, culture, art.*

References

1. *Shestakov V. P.* Izobrazitel'noe iskusstvo [Fine Arts] // Kul'turologicheskij zhurnal [Culturalogical Journal]. 2011. No. 4 URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/63.html&j_id=6 (06.04.2017). [In Russ.].
2. *Maslov A. A.* Kitaj: kolokol'ca v pyli. Stranstviya maga i intellektuala [China: Bells in the Dust. A Magician's and a Clever Man's Wanderings]. Moscow, 2003, P. 304–313. [In Russ.].
3. *Nikolaeva E. V.* A Proizvedenie vysokogo iskusstva v formate massovoj kul'tury [High Art Work in the Mass

Culture Format] // Kul'turolog – teorija kul'tury, kul'turologija i filosofija sovremennoj kul'tury [A Culturologist – the Theory of Culture, Culturology and Philosophy of Today's Culture]. URL: http://culturolog.ru/index2.php?option=com_content&task=view&id=1452&pop=1&page=0&Itemid=6 (06.04.2017). [In Russ.].

4. *Benjamin V.* Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnichekoj vosproizvodimosti. Izbrannye jesse [An Art Work in the Era of its Technical Reproducibility. Selected Essays]. Moscow, 1996. 240 p. [In Russ.].

5. *Mole A., Fuke V., Kassler M.* Iskusstvo i JeVM [Art and computers]. Moscow, 1975. 560 p. [In Russ.].

6. *Heisinga J.* Homo ludens. Opyt opredelenija igrovogo jelementa kul'tury [Homo Ludens. An Experience of Determining a Game Element of Culture. Articles on the History of Culture]. Moscow, 1997. 416 p. [In Russ.].

7. *Kitajskaja derevnja hudozhnikov Dafen* [Chinese Village of Artists Dafen] // Cameralabs: sajt o fotografii, kino, tvorchestve, vdohnovenii, obshhestve, kul'ture i obrazovanii [Cameralabs: Internet-site about photo, cinema, creativity, inspiration, society, culture, education]. URL: <http://china-review.com.ua/2051-6-derevnja-hudozhnikov-dafen-dafen-shenzhen-china.html> (04.04.2017). [In Russ.].

УДК 130.2:159.955.2

О. В. Первушина, кандидат культурологии, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
agaki-pervushina@yandex.ru

«МИР ПРИРОДЫ» И «МИР ЧЕЛОВЕКА» В РАКУРСЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА (ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТ)

Рассматриваются концепты «мир природы» и «мир человека» в исследовании представителей различных направлений отечественной философии и культурологии. Определяется специфичность интерпретации данных концептов в отечественной культурологии и особенности смыслового и символического «прочтения». Данная проблематика затрагивает «евразийский контекст» осмысления идей в русле отечественной культурологии.

Ключевые слова: *«мир природы», «мир человека», природно-географический фактор, культурная и природная среда, знаково-символическое пространство культуры, «месторазвитие», евразийский культурный мир.*

Концепты «природа» и «человек» несут глубокий, непреходящий смысл, заключая в себе миры, которые, обособляясь, вместе с тем имеют единый источник, так как природное и человеческое, на первый взгляд легко обособляемое одно от другого, вместе с тем изначально едино, если вспомнить о телесной основе человека, о том, что телесная сущность человека, несмотря на культурные проявления его природы, достижения творческого духа, стабильна и неизменна. Но этим не исчерпывается отнесённость человека к природному миру: миллионы лет назад человек выделился из природной среды как вид, способный

выйти за пределы своей телесной сущности, способный к осуществлению внеприродной, внебиологической деятельности, и тем самым в пространстве природного окружения и взаимодействия с ним, создал мир искусственных порядков, противоположный природному, именуемый «культурой». Разграничение «природного» и «человеческого», «природного» и «культурного» ставит проблему взаимодействия и взаимоотношения данных констант, так как новое звучание и интерпретации они получают сегодня в гуманитарных и естественнонаучных, междисциплинарных исследованиях.

На первый взгляд парадоксальным представляется рассуждение, имеющее место в культурологических теориях, о возможности диалога «природы» и «человека», так как диалог предполагает межсубъектное взаимодействие, личностную основу контакта; природа же представляет собой для человека объект – объект познания, научной, художественной, творческой и другой деятельности. Но вместе с тем понятие «диалог с природой» не метафора, или не только метафора; имеет глубинный, актуальный для современного человека смысл, так как предполагает такую форму отношения человека к природе, которая по сути своей должна быть подобна диалогу – исполнена уважения, поклонения, осознания глубинного родства и единства.

Отношение человека к природе в историческом процессе его преобразовательной деятельности сложилось как отношение, которое можно охарактеризовать с двух позиций: с позиции научного познания, технического преобразования или утилитарного потребления, когда явления природы воспринимаются как объекты, с которыми человек-субъект, руководимый собственными интересами, может совершать какие-либо действия; и с позиции духовно-ценностного отношения, когда человек может относиться к этим же явлениям как субъектам (при этом сознавая, что подлинными субъектами они не являются). Так, например, мифологическое восприятие природного мира как реальности, принимающей в сознании человека систему художественных образов, основано на том, что природный мир в этой ситуации предстаёт не подлинным субъектом, а квази-субъектом, т. е. объектом, воспринимаемым человеком как субъект – представляет собой позицию, в основе своей имеющую духовно-ценностное отношение. В данном случае речь идёт о способности человека искать и находить иррациональный смысл в восприятии природных явлений; испытывать преклонение перед великой тайной бытия, соизмерять свою жизнь с законами природного окружения. А это иной тип отношения к природному миру, преодолевающий границы утилитарного и прагматизма, открывающий возможность душевного и духовного единения человека с природой.

Отношения человека и природы во все времена носили и носят противоречивый, двойственный характер: с одной стороны, человек как биологический организм – неотъемлемая часть среды обитания, с другой стороны, человек воздействует на нее, часто проявляя себя как источник необратимых изменений в природе, в целом ряде случаев ведущих к экологическому кризису. Особенно остро эти проблемы обнаружили себя в XX веке как последствия развертывания научно-технического прогресса. Вхождение мирового сообщества, в том

числе и российского общества, в XXI век выдвигает эти проблемы в число важнейших.

Изучение взаимосвязи человека, социума, культуры с природной средой имеет давнюю традицию в отечественной историко-культурологической мысли. Диалог «природы» и «общества»; «природы» и «человека» – один из ключевых в трудах русских философов XIX–XX вв.

Рассмотрение бытия человека в соотношении с природным миром, идея единства человеческого и природного как универсальных категорий бытия, как возможности возвращения к классическому и целостному восприятию мира наиболее часто встречается у русских философов, близких к отечественной религиозной традиции. Одна из знаковых фигур в отечественной философии, представитель новой русской метафизики XX в. С. Л. Франк, рассматривает человека как одно из явлений реального мира, рядоположенное другим формам проявления жизни на Земле: «... тот факт, это все мы – повторяю, начиная с величайшего гения и святого и кончая камнем или электроном – вообще есмы, есть нечто большее, чем чисто внешняя, формальная или идеальная общность; ... есть свидетельство некоего решающего, фундаментального отношения, в силу которого всё сущее – как внутреннее самобытие личного человеческого духа, так и вся совокупность природного бытия – объединено своей общей укорененностью в единой почве – в почве реальности» [1, с. 347–348]. Сопоставляя понятия «реальность» и «объективная действительность», мыслитель утверждает, что они не синонимичны; обозначают разные явления и по-разному соотносятся с человеком как субъектом познания и деятельности. Размышляя о том, что в «промежутке между мной как субъектом познания и объективной действительностью, понимаемой как совокупность всего эмпирически извне мне данного, стоит ... идеально-сверхвременное бытие» [1, с. 348], философ приходит к выводу о разности и вместе с тем глубинной взаимосвязи этих миров, имеющих единый космический источник. По мнению философа, «идеально-сверхвременное бытие» человека имеет субъективную и объективную основу, так как связано с внутренним миром личности и проецируется на объективную реальность и ею порождается; будучи субъективным построением, вместе с тем изначально имеет объективную эмпирическую основу. Мыслитель считает, что жизнедеятельность человека не исчерпывается только освоением объективной, эмпирически осязаемой реальности, данной нам в чувственном восприятии, которая, вместе с тем, может быть наделена качеством «идеальной значимости» в восприятии человеком; да и сам человек, его внутреннее состояние способно творить иную реальность – «идеально-сверхвременное бытие». Соответственно, понятие

«реальность» шире понятия «действительность», она выходит далеко за пределы «объективной действительности», имеет «глубины», и в этом смысле – «сверхмирна» [1, с. 349]. Состояние творческой, духовной, нравственной активности человека по Франку – это «внутреннее самобытие» человека, «внутренний метафизический опыт» – и эта реальность не менее объективна, чем эмпирически данная нам в ощущениях и восприятии. И это качество реальности соотносится философом с понятием «культура», но особенность понимания состоит в том, что «культура» в его представлении – это не столько внеприродная реальность, сколько реальность, понимаемая как одна из возможностей самобытия природы, реализующаяся через человеческую сущность.

Утверждая единство «природного мира» и «мира человека», С. Л. Франк рассматривает душевные порывы, страсти, различные проявления активности человека как созвучные природным проявлениям, предполагая, что в самой природе есть «некие фундаментальные силы, нечто, аналогичное страстям человеческой души» [1, с. 349] – бушующий океан, завывание бури, рёв дикого зверя, в итоге заключая, что «строение природы» аналогично «строению духовного бытия» [1, с. 350]. И далее С. Л. Франк приходит к выводу, что есть только одно понятие, которое целиком «охватывает и выражает ... всеобъемлющее единство реальности во всем многообразии ее проявлений – это есть жизнь в самом широком смысле этого понятия, некий имманентный динамизм» [1, с. 350]. Философ наделяет понятие «реальность» духовным, сверхчувственным смыслом, понимая как реальность, созданную Творцом, который актом творения «... полагает внешнюю себе сферу, даруя ей ... свою собственную первичность» [1, с. 353]. И в этом мире, созданном Богом-Творцом, сам мир и человеческая душа «образуют солидарное единство и стоят в отношении исконного внутреннего сродства» [1, с. 353]. Это наблюдение он подтверждает тем, что духовно просветлённые, исполненные благородства человеческие личности, как правило, отличаются глубоким внутренним чувством слитности с окружающим бытием. И эта идея «солидарного единства всего сущего» есть идея отражения во всём сущем «единого Бога». Именно религиозное сознание, воспринимающее отражение Божества во всём сущем, утверждает философ, объединяет человеческий дух и природное бытие, создавая единое пространство реальности; именно этим снимается отчуждение между человеком и природным миром.

Близкий С. Л. Франку взгляд на взаимосвязь человека и природы излагает в своей работе «Философия общего дела» самобытный отечественный мыслитель Н. Ф. Фёдоров, хотя, на первый взгляд,

мало что может объединять творчество этих двух столь разных учёных. Человек, в представлении Н. Фёдорова, прежде всего – землянин, т. е. далеко не совершенное, уникальным образом организованное и, прежде всего, природное существо. Философ утверждает, что люди, поглощённые борьбой друг с другом за существование, забывают о главном враге – «смертоносных силах природы», перед лицом которой «...умолкают все интересы, личные, сословные, народные, один только интерес не забывается, интерес, общий всем людям, т. е. всем смертным» [2, с. 373]. Проблемы жизнедеятельности современного человека ему видятся как проблемы, связанные с непониманием, прежде всего, природной, земной основы своего бытия, при этом он не отрицает необходимости решения социальных проблем, но вместе с тем, прогнозируя во многом утопически будущее развитие человека, предполагает, что, когда человечество разрешит основные социальные проблемы, «вопрос государственный, культурный превратится в физический, или астрофизический, в небесно-земной» [2, с. 64]. Вопросы этические, касающиеся мира межличностных и социальных отношений, он рассматривает в категориях «братства» и «небратства», возводя их на уровень «этико-космических категорий». Утверждая, что небратство, неродственность уходят в самый корень бытия, формируют его структуру; он указывает на изначально природную основу этих проявлений: «...неродственность в её причинах обнимает и всю природу, как слепую силу, не управляемую разумом» [2, с. 67]. Поэтому этическое действие человека, по Фёдорову, должно быть направлено и на устранение «небратства» материи, природы и всех её сил. Иными словами, в единении с природой, природными силами, окружающими человека, и в гармонии с самим собой как природным существом – залог разумного бытия человека в мире.

И как один из способов преодоления «небратства» в отношениях между людьми Фёдоров рассматривает возможность так называемой «регуляции природы». Учёный принадлежал к тем представителям отечественной философской мысли, которые движение человечества в его эволюционном развитии рассматривали как направленность природной эволюции к порождению сознания, под которым понимали высшую форму развития природного бытия (В. И. Вернадский, Л. П. Карсавин). Сознание человека «...или его явление не было случайным, а было необходимостью для земли, для целого, как необходим разум для природы» [3, с. 204]. Мыслитель не только утверждает возможность эволюции человеческого сознания, обусловленного саморазвитием самого природного мира, частью которого человек и является, но и выдвигает предположение о необходимости

сознательного управления процессами эволюции, преобразования природы и разума человека. Человек у Фёдорова не только венец развития природы, но и в результате эволюционного развития субъект, воздействующий на породившую его природу с целью ее преображения и одухотворения.

Принцип «святой твари» – один из основных в восприятии природы русской религиозной философией (П. А. Флоренский, К. С. Леонтьев, С. Н. Булгаков). По сравнению с католицизмом и протестанством в русской религиозной философии, в православии с особой силой проявляется идея благословения Богом любой твари, всего живого. Принцип «святости твари» очень важен для верующего русского человека и является важнейшим элементом его нравственности. П. А. Флоренский в своем фундаментальном богословском труде «Столп и утверждение истины» посвятил этому вопросу целую главу под названием «Тварь». Опираясь на цитаты из Библии, он писал: «...замечательно совершенное тождество Божьего завета с человеческой и прочей тварью. Это не два различных завета, это один завет со всем миром, рассматриваемым как единое существо, возглавляемое человеком ... Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для «чувства природы», для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари» [4, с. 272–273].

Таким образом, утверждение единства «природного» и «человеческого» миров рассматривалось русской религиозной философией как единственно возможный путь обоснования и выживания человека на земле.

Идея «природного пространства», понимаемая как природно-географические, природно-климатические условия, определяющие культурное существование человека, обнаруживает себя как один из значимых аспектов проблемы взаимодействия природного и человеческого миров в трудах русских учёных. Русские учёные разных поколений изучали природно-географические особенности страны, отмечали их определяющее влияние на все сферы жизни общества, на формы и особенности бытования культуры, ментальность, образ жизни русского человека. Первые попытки исследования природно-географических условий страны, особенностей их влияния на социокультурные процессы относятся к периоду конца XVII–XVIII вв., принадлежат В. Н. Татищеву и И. Н. Болтину – мыслителям эпохи Просвещения – и изложены в контексте идей географического детерминизма [5, с. 127]. Роль природно-географического фактора этими учёными рассматривалась в контексте проблематики эпохи Просвещения, в русле особенностей русской культуры XVIII в., которая развивалась в крепостническом государстве. В. Н. Татищев,

И. Н. Болтин рассматривали природно-географические условия как определяющие в формировании историко-культурных особенностей страны; крепостное право помещиков оценивалось как естественное состояние, обусловленное значительными обширными территориальными пространствами, необходимостью жёсткой вертикали власти. В. Н. Татищев протяжённость территорий России, безбрежность её пространства рассматривал как основание для укоренения в стране монархической формы правления – типа государственного устройства, в большей степени отвечающего природным условиям, размерам территории, историко-культурным традициям народа. Свои идеи он подкрепляет обширным фактографическим материалом из русской истории. И. Н. Болтин также считает предпочтительным для России монархическое устройство государства. Особенности бытования культурных традиций и нравов он объяснял влиянием природной среды (климата) как «первенственной причины». Представляет интерес его размышление о том, что имеют место множественные «побочные» причины, влияющие на перемену нравов («общение с другими народами, иностранные пряности и яства, оказывающие влияние на кровь, образ жизни человека, быт, обычаи и т. д.»), способные либо содействовать, либо препятствовать влиянию климатических условий на образ жизни в стране. И. Н. Болтин, аргументируя свою позицию, исходил из представления о непохожести России на западноевропейские государства из-за «физического местоположения ее пределов» [5, с. 134]. Таким образом, в трудах И. Н. Болтина, В. Н. Татищева природно-географические условия России рассматриваются как определяющие в выборе формы и способов государственного управления.

Геосоциокультурная мысль XIX – начала XX вв. развивалась в русле дискуссий о цивилизационной принадлежности России, о судьбах русской культуры, о ее месте в диалоге «Россия – Запад». В стремлении определить цивилизационную принадлежность страны русская мысль вышла на новый этап развития. Н. Я. Данилевский подверг критике европоцентристскую схему развития человечества, линейной перспективе развития он противопоставил мультикультурную концепцию развития, выделив как основу культурно-исторические типы, сформировав законы их движения и развития, основой которых является природно-географическое пространственное расположение страны [6, с. 25–27].

Известным историком, мыслителем С. М. Соловьёвым был положен принцип комплексного рассмотрения роли природно-географических, демографических, этнических, культурных факторов в историческом развитии

России. В исторические исследования С. М. Соловьёв вносит идею «географического ландшафта», определяет его значение в историко-культурном развитии страны [7, с. 51]. Он рассматривал климат, ландшафт, реки как культуuroобразующее начало русской истории и культуры, а не только как её природные особенности. С. М. Соловьёв считал, что однообразие русского природного ландшафта оказало влияние на образ жизни народа, его психологический склад [7, с. 73].

Другой великий отечественный историк В. О. Ключевский рассматривает природную среду как реальность, оказывающую влияние на формирование ментальности народа: «... внешняя природа ... нигде и никогда не действует на все человечество одинаково ... я разумею те преимущественно бытовые условия и духовные особенности, какие вырабатываются в людских массах под очевидным влиянием окружающей природы и совокупность которых составляет то, что мы называем темпераментом» [8, с. 40]. В концепции В. О. Ключевского географическая среда – историческая данность, влияющая на особенности истории страны: «человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие». Мыслитель утверждал, что отношения человека и природы не являются данностью, что эти отношения развиваются, видоизменяются, и не всегда могут носить позитивный характер; отсутствие гармонии в этих отношениях чревато серьезными последствиями.

Н. А. Бердяев в известном философско-публицистическом произведении «Судьба России» обосновал значимость географических факторов в судьбе России, их влияние на жизнь многих поколений русских людей. [9, с. 95]. Именно необъятные российские пространства, по мысли учёного, всегда определяли и определяют русскую историю, судьбу отечества и духовное состояние русского человека. Н. А. Бердяев рассматривает природное пространство не только как природно-географический фактор, не только как реальность, которая представляет собой условия существования человека, а как «внутренний, духовный фактор в русской судьбе», географию «русской души» [9, с. 98], поэтому в собственной душе русский человек чувствует безбрежность и необъятность, с которой сложно справиться. В психологию русского человека «... вошли и безграничность русского пространства и безграничность русских полей» [9, с. 97]. Но пространства, по мысли учёного, не только поглощали энергию русского человека, но и защищали его, спасали его [9, с. 99]. Интересен факт психологического переживания человеком пространства, интериоризации его образа во внутренний мир, устойчивость этого переживания, укре-

пления его во многих поколениях русских людей. В рассуждениях Н. А. Бердяева такие понятия, как «земля», «судьба», «душа» являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Душа человека и душа земли определяют его судьбу; душа русского человека, которую определяет и формирует на протяжении столетий русская земля, творит судьбу России.

Интересны размышления русского религиозного философа И. А. Ильина об истоках формирования такого значимого для общества и личности качества, как «патриотизм». Именно необходимость солидарности со своими ближними и привязанность к природному пространству как области, обеспечивающей защиту и выживание он рассматривает как источники «патриотического настроения». Ильин утверждает, «что жизнь человечества на земле подчинена пространственно-территориальной необходимости» [10, с. 232]; климатические условия, природные особенности и расстояния порождают разные обычаи, законы и способы хозяйствования, действуют «обособляюще», дифференцируют людей. Необходимость выживания, приспособления к жизненным условиям требует солидарности, объединения с другими людьми, живущими в этих условиях, «... а примкнуть к одной группе значит противопоставить себя остальным. Общественная солидарность и общественная противоположность связаны друг с другом и обусловлены друг другом ...» [10, с. 233].

Мыслитель считает, что «культурный человек должен жить и трудиться оседло, и эта оседлость ... прикрепляет человека» к земле, «... заставляет его войти в организованные союзы местного характера», что, в свою очередь, определяет идентификацию индивида с этим союзом и, соответственно, создает основу для психологического отношения, называем – «патриотизм» оказывается по-видимому, необходимым, целесообразным и жизненно полезным» [10, с. 232–234]. Но вместе с тем, учёный утверждает, что его задача не сводится к вскрытию инстинктивной необходимости патриотического чувства, главное – духовная основа этого человеческого проявления. А духовная основа, источник этого чувства, связаны с переживанием привязанности к тому месту, которое является пространством повседневного существования людей: «они инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе, к соседям и культуре своей страны, к быту своего народа» [10, с. 235]. Рассуждая о возможностях крайнего, агрессивного проявления «патриотизма» с перерождением его в крайний национализм и шовинизм, И. А. Ильин противопоставляет «слепой инстинктивный» патриотизм «духовному», хотя и не умаляет силу инстинкта в отношении к «родине» и «нации», «утверждая, что нельзя че-

ловеку жить на земле без инстинкта, без этой таинственно-целесообразной, органически-мудрой, бессмысленно-страстной силы, от Бога дарованной и от природы нам присущей – силы, строящей и личное здоровье, и приспособление к природе, и хозяйственный труд, и брак, и жизнь семьи, и историю народа» [10, с. 238]. Но вместе с тем, материальные, эмпирические основания не являются решающими в формировании патриотизма как истинно духовного состояния. «Нечто, взятое само по себе, в отрыве от духа, – ни территория, ни климат, ни географическая обстановка, ни пространственное рядом жительство людей, ни расовое происхождение и т. д. – ничто не составляет Родину» [10, с. 241–242]. Но если все эти обстоятельства наполняются духовным значением, тогда и территория, необходимая для расцвета национальной духовной культуры, будет рассматриваться патриотами как священная. Не случайно И. А. Ильин понимает патриотическое чувство как духовное проявление, возвышающее личность, так как оно свидетельствует о глубокой привязанности к родной земле, где пространство понимается не только как объективная, эмпирическая реальность, а как духовный образ, который постигается «живым и непосредственным духовным опытом» [10, с. 249].

Таким образом, всё движение русской историко-культурологической мысли представляет собой движение от идей «овладения», «подчинения», «освоения» природы к идеям «духовного овладения природой», «восстановление связи человека с душой природы».

Научные концепции философов, историков, географов, экономистов, именуемых «евразийцами» (первой половины XX в.), рассматриваются как продолжение традиций русской историко-культурологической и геосоциокультурной мысли XVIII–XIX вв. (Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский), в которой Россия предстает как неповторимый, уникальный природный и культурный мир. Евразийцы так же, как и их предшественники, считали, что географическое положение русского государства оказало решающее влияние на этническое становление, менталитет народа, форму государственного устройства, образ жизни, культурное развитие. Новизна подхода состояла в том, что их концепции базировались на синтезе этнографического, географического, культурфилософского знания, интегрированного в стройную и убедительную систему, объединяющую концепты «природа», «общество», «культура». В этом смысле концепция П. Н. Савицкого о влиянии природно-географических условий на историческую судьбу страны («месторазвитие») является показательной. С помощью категории «месторазвитие», учёный объяснял связь между социально-исторической, социально-культурной сре-

дой и территорией, природно-географическими условиями существования. В понимании П. Н. Савицкого, Россия – особое цивилизационное образование, «континент в себе, не являющийся только Европой или Азией – а «Евразия», «географический и культурный индивидуум». Концепт «месторазвитие» П. Н. Савицкий применял для обозначения органического характера процессов исторической жизни человеческих обществ на определенной земле. Государства, писал мыслитель, являются родами «общезитий», строящихся на «основе «генетических вековечных связей ... между растительным, животным и минеральными царствами, с одной стороны; человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой» [11, с. 282]. В этих общезитиях элементы «взаимно приспособлены друг к другу и находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба», и, в свою очередь, влияют на внешнюю среду. «Взаимное приспособление живых существ друг к другу в тесной связи с внешними географическими условиями создает свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость» [11, с. 282]. П. Н. Савицкий предлагает новый подход, суть которого в соединении социально-исторической среды, территории и духовного состояния народа, здесь проживающего. Мыслитель обращает внимание на глубинную взаимосвязь социальных, природных факторов и духовного мира человека. Соответственно, особую значимость приобретает осознание человеком сопричастности тому месту, тому реальному пространству, с которым роднит и связывает его состояние общности и неразрывности существования. Это может быть индивидуальное личное пространство, ограниченная территория – конкретное место (город, село, край) или значительно более обширное пространство и, следуя представлениям П. Н. Савицкого, также пространство культурное, ментальное, духовное. Таким образом, представляется возможным структурировать территориальные культурно-цивилизационные образования как общества («общезития»), в своей основе имеющие следующие элементы: индивидуальное пространство, региональное пространство (историко-культурное, социально-культурное) и духовно-ментальное пространство как результат сопричастности среде проживания и многовекового, во многих случаях, единения этносов, населяющих данную территорию.

Поддерживая идеи П. Н. Савицкого, понятие «месторазвитие» как обозначение определенной и особой географической и геосоциокультурной среды развивает Г. В. Вернадский. Пространство России он рассматривал как культурное и целостное «месторазвитие», населённое многочисленными народами, находящимися в тесном взаимодействии и взаиморазвитии, на пересечении культур,

при определяющем влиянии географического фактора.

Синтез историко-культурного и географического подхода, осуществленный евразийцами в начале XX в., был использован Л. Н. Гумилёвым для обоснования положения о том, что происхождение народов и их исторические судьбы должны рассматриваться в зависимости от географических условий и «ландшафта». Л. Н. Гумилёв утверждает, что адаптация человека к природному ландшафту шла «по двум направлениям: 1) человек приспосабливался к новым природным условиям, менял свой способ хозяйствования и, следовательно, вырабатывая новый стереотип поведения; 2) человек приспособлял природу для себя, создавая вторичные, антропогенные геобиоценозы, согласно отработанному стереотипу поведения» [12, с. 177–178]. Иными словами, человек не только адаптировался, приспособлялся к природной среде, но и воздействовал, преобразовывал ее, создавая «вторичные, антропогенные геобиоценозы». И на этом пути человек обретает совершенно иной статус взаимоотношений с природой. В этом случае, продолжает ли он «оставаться в составе различных биоценозов как верхнее, завершающее звено, или он переходит в какую-то иную сферу взаимоотношений с природой, вовлекая туда же одомашненных животных и культурные растения?» [12, с. 178] – вопрошает учёный.

Постоянное развитие «техносферы Земли», как утверждает Гумилёв, есть плод особой формы развития материи – общественной, никаким животным не свойственной. Поэтому возникает вопрос о пределах и последствиях этого развития, так как эволюционные процессы необратимы, человек, животное, растение, включённые в эту сферу, вряд ли когда-либо вернутся к исходному состоянию. Таким образом, внутри биосферы создается особая прослойка – антропосфера, как результат иного уровня взаимоотношений человека и природы. Л. Н. Гумилёв приходит к выводу, что именно в процессе длительного взаимодействия человека с природой, в зависимости от особенностей ландшафта и способов адаптации к нему, складывалось этническое многообразие планеты: «...накопление признаков, возникших в результате длительных процессов адаптации, создает этническое многообразие при прохождении человечеством одинаковых ступеней развития ...» [12, с. 198–199]. Эти идеи особенно плодотворны в настоящее время и имеют отношение не только к пониманию России в её целостном единстве (единство природы, человека, пространства), но и к землям ее составляющим, которые осознаются как неотъемлемая часть целого.

П. Н. Савицкий писал, что «Россия – Евразия» как «месторазвитие, как «географический индиви-

дуум», как геополитическое образование представляет собой интегральную форму существования многих других «местообразований», составляющих единое целое. Следуя этой логике рассуждений, можно сделать вывод о том, что Алтайский край представляет собой уникальное «месторазвитие», которое является частью целого «России – Евразии».

Очевидно, что существует система факторов и условий, оказавших влияние на возможность длительного совместного проживания народов, населяющих это пространство: объективные и субъективные, внешние и внутренние, экономические, политические, географические, социально-психологические, духовные и другие. Из множества факторов хотелось бы остановиться на следующих. Во-первых, это неповторимость, своеобразие Алтайского края как «месторазвития», как географического пространства, обладающего уникальной природной и духовной энергетикой. Он расположен между основными цивилизационными центрами: европейский Запад, Восток и Юг. Природные характеристики этого пространства объединяют народы, проживающие здесь, в единое культурное цивилизационное поле.

Другая важная черта, характеризующая проживающие здесь народы – это осознание своей самодостаточности и, на этой основе, потребности в совместном проживании и укреплении отношений взаимопонимания и уважения.

Не менее важная черта «месторазвития» Алтайского края – уважение, солидарность и культурная терпимость народов по отношению друг к другу.

Эта терпимость выражается в толерантности основных религий, искусства традиций, обычаев, языка и т. д.

Вероятно, что основой этой толерантности является общность пространственного положения, «срединный» характер культуры, опыт взаимодействия сопредельных территорий Большого Алтая и, конечно, духовный опыт взаимодействия проживающих здесь народов. Все эти идеи плодотворны, многократно высказывались отечественными учёными, но данную проблематику нельзя назвать исчерпанной. Очевидна необходимость новых междисциплинарных, интегративных подходов к изучению данного вопроса.

Сегодня в научном осмыслении феномена культуры актуальными становятся геосоциокультурные подходы, сочетающие в себе понятия «природная среда – человек – культура»; такой подход позволит, опираясь на традиции отечественной историко-культурологической мысли, дать новую интерпретацию и подняться на новый уровень понимания соотношения природного и человеческого миров на основе и в единстве историко-

культурных, природных и социальных факторов, проявляющих себя в конкретном пространственно-временном континууме.

Литература

1. Франк С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. Москва, 2007. 383 с.
2. Фёдоров, Н. Ф. Сочинения. Москва, 1982. 709 с.
3. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. Москва, 1913. Т. 2. 473 с.
4. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Москва, 1990. Т. 1. 490 с.
5. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. : в 2 ч. Ленинград. Ч. 1. 276 с. ; Ч. 2. 344 с.

6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва, 1991. 576 с.
7. Соловьёв С. М. Сочинения. Москва, 1988. Т. 1–2, кн. 1. 797 с.
8. Ключевский В. О. Собрание сочинений. Т. 1., ч. 1. Москва, 1987. 432 с.
9. Бердяев Н. А. Судьба России. Москва, 2005. 333 с.
10. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Москва, 2006. 334 с.
11. Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва, 1997. 464 с.
12. Гумилёв Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. Москва, 2002. 578 с.

O. V. Pervushina, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
agaki-pervushina@yandex.ru

“THE WORLD OF NATURE” AND “THE WORLD OF A MAN” FROM THE A POINT OF VIEW OF THE CULTUROLOGICAL APPROACH (THE EURASIAN ASPECT)

The purpose of this study is to find out to what extent the ideas and tendencies that preceded the emergence and formation of the philosophical and culturological idea of “Eurasianism” as a unique cultural phenomenon and system reflecting and embodying the ethno-type of the Russian perception of the world, the Russian historical and cultural thought of the 19th and 20th centuries took place. To achieve this, we used diachronic, comparative, descriptive classifying methods of cultural research that allow us to build cause and effect relationships for the formation, inheritance and development of spiritual value ideas and systems in the space of Russian culture and associated local cultures. The constructiveness of these methods is determined by the fact that they are based on the process of comparing and correlating various cultural philosophical ideas, views, notions in the historical and cultural development dynamics, taking into account the space-time continuum.

The main task of the study involves the discovery of ideological and semantic links in the domestic historical and cultural studies in different historical periods, which, in many ways, predetermines the formulation of the cultural theory of “Eurasianism” as an ideological phenomenon and a cultural phenomenon. In this sense, the geosociocultural approach is selected as a synthesis of historical, cultural and geographical approaches that is productive and responsive to the idea of “Eurasianism”. The features of the Altai region culture are viewed from the standpoint of the “Eurasianism” theory as a unique “topogenesis” (P.N. Savitsky), which is part of the whole “Russia–Eurasia”.

Keywords: “world of nature”, “world of man”, natural and geographical factor, cultural and natural environment, symbolic space of culture, “mestorazvitiye” (topogenesis), Eurasian cultural world.

References

1. Frank S. L. Real'nost' i chelovek: metafizika chelovecheskogo bytiya [Reality and a Human: Methaphisics of a Human Being]. Moscow, 2007. 383 p
2. Fyodorov N. F. Sochineniya [Works]. Moscow, 1982. 709 p.
3. Fyodorov N. F. Filosofiya obshchego dela [Common Work Philosophy]. Moscow, 1913. Vol. 2. 473 p.
4. Florensky P. A. Stolp i utverzhdenie istiny [The Pillar and the Affirmation of the Truth]. Moscow, 1990. Vol. 1. 490 p
5. Peshtich C. L. Russkaya istoriografiya XVIII v. [Russian Historiography of the 18th century]. Leningrad, 1961–1965. Pt. 1. 276 p. ; Pt. 2. 344 p
6. Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, 1991. 576 p. [In Russ.].
7. Solovyov S. M. Sochineniya [Works]. Moscow, 1988. Bk 1, vol. 1–2. 797 p.
8. Klyuchevskiy V. O. Sbranie sochinenii [Collected Works]. Vol. 1., Pt. 1. Moscow, 1987. 432 p. [In Russ.].
9. Berdyayev N. A. Sud'ba Rossii [Russia's Fate]. Moscow, 2005. 333 p. [In Russ.].
10. Ilyin I. A. Put' duhovnogo obnoveniya [Path of Spiritual Renewal]. Moscow, 2006. 334 p. [In Russ.].
11. Savitsky P. N. Kontinent Evraziya [The Eurasian Continent]. Moscow, 1997. 464 p. [In Russ.].
12. Gumilyov L. N. Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody [Ethical Sphere: History of People, History of Nature]. Moscow, 2002. 578 p. [In Russ.].

Э. Р. Тагиров, доктор исторических наук, профессор
Казанский государственный институт культуры,
Институт культуры мира (ЮНЕСКО) (Казань, Россия)
kinculp@gmail.com

ЕВРАЗИЯ – СИМВОЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАДЕЖДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Возвращение евразийства как стиля мышления, идеологии развития и интеллектуального инструмента интеграции востребовано вызовами эпохи разлома Истории. «Евразийский момент» современности отмечен появлением идейно-концептуальных проектов, связанных с поисками «национальной мечты». Усиление конкуренции глобальных держав мира протекает через евразийское измерение.

Ключевые слова: *Евразия, евразийство, евразийский момент, разлом Истории, «Великая шахматная доска».*

В первословаре человечества есть исходные понятия: «Вселенная», «Космос», «Мироздание», «Планета»... В этот «калассный» ряд вмещен и феномен «Евразия» – смыслополагающая категория, «вещь в себе», нераспознанный «философский орешек», предмет вечных дискуссий. В мыслительный водоворот Евразия входит в эпоху «осевого времени» (с 800 по 200 г. до н. э.) [1, с. 32–50], когда совершился первый «духовный прорыв», описанный в произведениях-откровениях древнегреческих мыслителей Гомера, Парменида, Гераклита, Платона, Фукидида, Архимеда, Сократа [2].

Западная интеллектуальная мысль практически всегда имела своей «подсветкой» Евразию. Существуют целые научные направления и школы, предметом изучения которых она является [3]. Для Европы в момент её мифического рождения Евразия представлялась в образе «Матери Земли». С прочтениями данного феномена связана вся её история [4]. Сугубо прагматичный, прикладной характер интереса Северной Америки к «пупу Земли» объясним особенностями историко-географического характера и метаидеологической, геостратегической заданностью страны, претендовавшей стать «Зарей Нового мира» [5]. (Вспомним формулу-квинэссенцию американской геостратегической доктрины, сформулированную классиком американской политологии З. Бжезинским: «Главный геополитический приз для Америки – Евразия»).

«Азия – Европа». Что первично в этом словосочетании? Кто из них прародитель? А может быть, именно Азия есть питомник культуры евразийства? Вслушиваясь в «музыку» строк когорты русских мыслителей-евразийцев (А. Блок, М. Волошин, П. Савицкий, Н. Алексеев, Н. Трубецкой), от которых веет духом Евразийской Степи, можно найти ответы на эти сакраментальные вопросы. Они рассыпаны на орошенных «кровью и потом» страницах воспоминаний первооткрывателей Сибири, Дальнего Востока, Монголии, Туркестана, Китая,

Индии [6, 7]. Отметим лишь, что мысленно-умозрительные и земные маршруты от Европы к Азии проходили через «полустанок» Евразии, «которая для нас была, – как пишет лауреат Нобелевской премии, швейцарский писатель Герман Гессе, – не просто страна, не географическое понятие, но она была отчизной и юностью души, она была везде и нигде, и все времена составляла в ней единство вневременного».

«Евразийская болезнь» России имеет глубинно-родовые, историко-генетические корни. Исторически со времен Древней Руси она не переставала грезить Евразией, представляя её то в мифологических образах («огненный материк», «птица Феникс»), то как географическую константу, «идею-правительницу», реальный геополитический проект. Концептуально версия органичности, диалектической связки «Россия – Евразия» отражена в трудах «отцов-основателей» евразийства. В голограмму сознания поколений России Евразия, по В. Вернадскому, вошла как «путь русской судьбы». «Последний евразиец» из круга классиков, Л. Н. Гумилёв без обиняков начертал: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [8, с. 19].

Евразия для России не только предмет познавательного, эмоционально-возвышающего начала, но и знак исторического выбора. География и история уготовили стране евразийскую судьбу. Московская Русь, зародившись на острие полюсов – западного (католического) и восточного (монголо-ордынского), апробировав полярные варианты развития, находилась в цивилизационном «плёну» исторического взаимодействия соседей. Пройдя многовековые версты исторических блужданий, она неизменно сворачивала на евразийскую тропу. Пятьсот лет Россия была в «сродничестве» с Европой, по культурной матрице они «сёстры», но восточноазиатские эмбрионы, воздействия на душу, психологию и философию мировидения русского человека, продолжали колдовать – бороться –

работать над формированием его евразийского менталитета. «Умом Россию не понять... у ней особенная статья». Тютчевская формула – загадка на все времена. Россияне – особый, «двуполушарный» евразийский тип народа. Классик отечественной литературы Фёдор Абрамов в «Чистой книге» называет его продуктом «осевого сечения». «Россия – кунсткамера Евразии», а ее народ – это мускулы евразийского мира». «Только в ядерном материке, – пишет Д. Н. Замятин, – мог зародиться народ, обладающий мощной евразийско-мифологической, геокультурной и идеологической аурой» [9]. «Народ Пути» – таково определение своеобразия типологии характера россиянина, данное интеллектуалом современности А. И. Неклесса.

В длительном процессе освоения народами шестой части обитаемой суши, протекавшем в двух регистрах: один из них – «прорубание окна» на Запад, а другой – разворот движения на Восток», Россия «лепила» свое евразийское, «трансевразийское» величие [10]. Имперский модус пространственного характера развития страны провоцировал евразийское бытие «Народа Пути». В унисон мыслил и Николай Фёдорович Фёдоров, мечтавший соединить земную бескрайность и человеческое бессмертие в формуле «бесконечного общения» и считавший великую дорогу, в направлении на Восток «завершением Русской земли» [11].

«Поворот на Восток» часто обрамляют сугубо колониальным замыслом, пространственным терроризмом. Пришло время для методологического уточнения образа. «Поворот на Восток» – не случайный зигзаг, а осознанная, объективно обусловленная стратегическая идея. Мне уже приходилось высказываться по такому ракурсу подхода к феномену евразийства [12, 13, 14]. В данном случае целесообразно сформулировать ещё одно положение. Поворот России в направлении «Восток – Евразия» может быть оценён как первый опыт исторического проектирования, целью которого являлось формирование собственно-национального формата евразийско-имперской государственности по историческому лекалу-архетипу вечного Рима (Roma Aeterna). В ходе запредельно-тяжкой, не только физической, но и духовной и умственной практики, связанной с осуществлением евразийской идеи – «идеи-правительницы» (Н. Трубецкой), Россия оказалась в эпицентре состязания двух ветвей цивилизации – европейской и азиатской, имевших ошеломительные успехи и достижения в разных частях планеты. Она не просто наблюдала за ходом великого противоборства, но, вбирая разнородный опыт в свою систему, обучаясь урокам истории – урокам побед и поражений, сама стала творцом ещё одного типа цивилизации всемирного масштаба.

Россия не копировала, не крала и не заимствовала чужеродные достижения – при всех их досто-

инствах, великолепных образцах, но выполняла уникальный по новизне и универсальный по возможностям повтора многих элементов глобально-исторический Проект строительства общевразийского цивилизационного Дома. Она «проводила свою географическую, цивилизаторскую разведку боем, очерчивая, «закупоривая» обретаемые пространства, преодолевая в себе самой сгущавшуюся земную дикость, тьму и одновременно грезилась надмирными миражами, продуцируя ферменты трансграничной, планетарной, универсальной экспансии (вспомним композицию герба скрывшейся в водах истории России – СССР». Концентрированным итогом, «сухим остатком» реализации данного супер-проекта явился персонаж-тип российской национальной идентичности, которому характерны: «имманентное чувство трансцендентального замысла, тяга к нелинейной умственной геометрии, подсознательная трансграничная картография, связанные с ощущением судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием» [15].

Даже усечённая характеристика социального портрета «Народа Пути» сотканного из составляющих его народов – евразийцев – русских, татар, башкир, чувашей, якутов и представителей тюркских и других народов (в современной России проживают представители – носители 174 языков), позволяет вписать архетип евразийца в ряд этнокультурного текста, в мировую «Доску Истории» (В. Хлебников). Такой методологический подход оправдан ещё и вызовами современной эпохи – эпохи глобального разлома истории. Синергетический тип мышления, способность заглянуть за горизонт и увидеть отблеск исторической надежды – черты, свойственные первотипу евразийцев, остро необходимы современной России, которой предстоит совершить фундаментальный разворот в умственной практике в целях самосохранения, обеспечения устойчивого, безопасного и динамичного развития.

Итак, Россия приговорена стать Евразией? Нет, она лишь больше других микро-, супер- и просто цивилизаций расположена быть таковою. Россиянин XXI века может стать евразийцем, лишь стремясь им быть. Историк В. Карпец в этой связи определил суперэтнос так: «Мы – народ предела», и евразийство оживает в нас лишь «на краю пропасти, перед лицом конца» [16]. Но «когда Россия не стояла на краю пропасти?» (В. Маклаков). Признаков, подтверждающих это «крайнее стояние», немало. Возможно, это объясняет новый раунд борьбы мнений по поводу евразийской идеи. Интеллектуальный всплеск необычайно широк – от кредо либерально-умеренных до державников-неоевразийцев и глобалистов-евразийцев, занятых разработкой проекта «Соединённые Штаты Евразии» [17].

«Тяжёлый крест евразийства» (А. Водолагин) человечество несло неизменно, находя в нем все три знака исторического оптимизма: Веру, Любовь,

Надежду. Вера – часто обретала на этом пути силу опиум-религии, становилась нравственным катехизисом, что, однако, не оберегало Евразию и её метафизическое отображение – евразийство от поругания, сатанинского низвержения. Любовь – определилась тем, что в голограмму сознания – воображения человечества Евразия вошла в образе высшей духовной Субстанции, заступницы перед Всевышним. Она предстала как священная Вершина планеты с ее тайнами Мироздания, Космоса, Океана, зашифрованными ответами на запредельные вопросы мирского и духовного бытия. Надежда в данном контексте – медиатор позитивного настроя, амортизатор ударов судьбы, спасительный символ выживания и уверенности в будущем.

Конечно, такое идеализированное, метафилософское прочтение евразийства и Евразии в целом страдает недостатками мифологизации, утопизма. Но идеализация, доходящая порой до идолопоклонства, оценочная категоричность вообще свойственны характеристикам сложных явлений и сверх-явлений. Идеализированное восприятие Евразии вошло в код исторической памяти. Евразийство пережило трудные исторические метаморфозы, оно возводилось на вершину и Славы [2, 18], и Голгофы [19, 20]. Но существовала некая закономерность: дух евразийства постоянно возвращался на алтарь каждого нового круга истории. Не иссякает вал низвергающей критики, видимо, оттого, что не исчезает «микроб» болезни евразийства, неизменно накрываемого новыми волнами притягательного характера.

Феномен возвращения евразийства на авансцену современной мысли и практики удачно и образно схвачен в выражении «евразийский момент». Его автор – китайский политолог Вань Цинсун. Знаковым является то, что хотя китайские учёные на общемировом интеллектуальном ристалище – постоянные участники дискуссий по разным сюжетам, в том числе евразийским, они акцентировали внимание на торгово-экономических, политических и научно-культурологических аспектах. Вань Цинсун в ракурсе нашей проблематики, впервые в научной практике формирует смелую мысль: 1500-летняя история мира – это, по сути, история Евразии. Хотя термин «Евразия» используется часто, – сетует автор, – но по идеологическим причинам (или из-за недостатка знаний) не сформирован широкий консенсус в отношении внутреннего содержания и исторической эволюции данного термина. Современные изменения евразийских реалий делают очевидной необходимость дальнейшего обсуждения [21, с. 72].

Из постановочной статьи китайского коллеги вытекают минимум три важных положения. Первое: Евразия не просто крупнейший материк, она – колыбель множества цивилизаций, место пересечения почти всех великих империй. Вань Цинсун ссылается на греческого историка Л.С. Ставрианоса, утверждавшего: «Именно на евразийском кон-

тиненте различные народы и цивилизации оказывали огромное и устойчивое влияние друг на друга». Соглашаясь и усиливая в какой-то мере это мнение, добавим: уже в «осевое время» первонароды, их культуры и цивилизации были «окроплены» «пыльцой» евразийства.

Второе. Евразийство как стиль мышления в разной мере воспроизводится в мыслительной и политической практике, способствуя возрождению евразийских идей, проектов, программ. «Судя по всему, – делает вывод автор статьи, – в политике великих держав ускоряется наступление «евразийского момента».

Третье. Эпоха очередного разлома истории (нового «осевого времени») характеризуется возникновением глобального импульса интереса к Евразии как к незавершённому, не до конца выполненному «домашнему заданию». «Стремительный приход «евразийского момента», – считает Вань Цинсун, – даёт редкую возможность научным кругам евразийских стран создать новый нарратив «евразийского пространства». В этом плане китайский учёный предлагает «создать межгосударственное пространство политического взаимодействия, отличного от западной англосаксонской системы, чтобы играть в будущем активную роль в строительстве мирового порядка».

Итак, евразийство снова в актуальной повестке дня. «Евразийский момент» – своеобразие и знак эпохи.

В чём причины нового возгорания евразийско-«промеевой воли»? В каком контексте и на что она направлена? При трансформации фундаментальных основ мироздания обострение евразийского ментального нерва человечества естественно, оно востребовано задачей обретения смысла и цели жизни, определения вектора дальнейшего движения, возвращения ему исторической надежды.

«Евразийский момент» современности отмечен множеством проектов: мировоззренческих, духовных, культурологических. Особостью выделяются идейно-концептуальные, связанные с поисками «национальной мечты» (Россия, США, Китай...), на облик и сути которых – евразийские очертания.

Наступающая эра многополярности, полисубъектности рождает геополитические проекты достижения метакели – глобального гегемонизма на «великой евразийской шахматной доске». Вспомним идеолога геополитики Дж. Хатерленда: владеющий Евразией доминирует в мире. «Трамповорот» США в сторону Евразии, «возгорание огня» проекта Великой Европы – от Лиссабона до Тихого океана, строительство Россией Евразийского Союза, реализация программы Китая «Мирное возвышение над Евразией» – лишь штрихкоды глобальной картины пробуждения евразийского Везувия. Борьба за влияние – доминирование над Евразией превращается в глубинный тренд третьего тысячелетия.

Евразийство – идея надпространственная, вне-временная, она не ушла в песок истории вместе со скифами, туранцами или византийцами, не уйдет и с современным Родом человеческим. Она всегда будет вторгаться в жизнь поколений, преобразуясь в их Веру, Любовь и историческую Надежду.

Литература

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Москва, 1991. 527 с.
2. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. Москва, 1998. 275 с.
3. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. Москва, 2010. 960 с.
4. Дэвис Н. История Европы. Москва, 2005. 943 с.
5. Кайзерлинг Г. Америка. Заря Нового мира. Санкт-Петербург, 2002. 530 с.
6. Зинчук Л. «Азия» – значит «Восток» // Восточная коллекция. 2001. № 1. С. 17–29.
7. Труды Дальневосточной народной академии. 2002. Вып. 2. 189 с.
8. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. Москва, 1993. 575 с.
9. Замятин Д. Н. Мускулы евразийского мира // Независимая газета. 2009. 16 дек.
10. Неклесса А. И. Трансевразийский трамплин // Независимая газета. 2013. 10 апр.
11. Советский энциклопедический словарь. Москва, 1979. 1600 с.
12. Тагиров Э. Р. Образ евразийского Прометея Л. Н. Гумилева в памяти поколений (к 100-летию со дня рождения) // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2012. № 3/4. С. 155–160.
13. Тагиров Э. Р. Феномен пассионарности: гумилёвский ключ // Евразийство и проблемы современности. Казань, 2012. Ч. 2. С. 99–102.
14. Тагиров Э. Р. Россия между Западом и Востоком: евразийский поворот // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 86–89.
15. Неклесса А. И. Странствующая империя // Независимая газета. 2012. 19 окт.
16. Карпец В. Узнаем по плодам // Литературная газета. 2012. 21–27 марта.
17. Разуваев А. У нас был шанс на Соединенные Штаты Евразии // Независимая газета. 2017. 1 марта.
18. Орлик И. И. Евразийство: история и современность. Москва, 2009. 48 с.
19. Каганский В. Л. Мнимый путь Россия = Евразия // Панорама Евразии. 2008. № 2. С. 77–86.
20. Сендеров В. А. Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 22–37.
21. Вань Цинсун. Евразийский момент. Политика великих держав и конструирование нового евразийского пространства // Свободная мысль. 2017. № 1. С. 71–80.

E. R. Tagirov, Dr. of Historical Sciences, Professor
Kazan State Institute of Culture,
The Institute for the Culture of Peace (UNESCO) (Kazan, Russia)
kinculp@gmail.com

EURASIA – THE SYMBOL OF THE MANKIND'S HISTORICAL HOPE

Eurasianism in Russia has deep-rooted, historical-genetic roots, since Eurasia for Russia is both an object of cognitive, emotionally uplifting beginning, and a sign of historical choice. For five hundred years Russia has been in a “relationship” with Europe, on the cultural matrix they are “sisters”, but the East Asian embryos, the impact on the soul, the psychology and philosophy of the worldview of the Russian people, continued to work on the formation of its Eurasian mentality.

The imperial mode of the spatial character of the country's development provoked the Eurasian existence of the “People of the Way”. The turn of Russia in the direction of “East-Eurasia” is the first experience of historical design, the purpose of which was the formation of the national-format format of the Eurasian-imperial statehood in the historical pattern-the archetype of eternal Rome (Roma Aeterna). In the course of the extremely heavy, not only physical, but also spiritual and intellectual practice connected with the implementation of the Eurasian idea, Russia found itself at the epicenter of competition between the two branches of civilization – European and Asian, with astonishing successes and achievements in different parts of the world.

Even a truncated characterization of the social portrait of the “People of the Way”, woven from the constituent peoples – Eurasians – Russians, Tatars, Bashkirs, Chuvashs, Yakuts and representatives of Turkic and other peoples (in modern Russia, representatives of 174 languages live), allows us to write the Eurasian archetype in a row ethnocultural text, into the world “History Board”. This methodological approach is also justified by the challenges of the modern era – the era of the global history breakdown.

A synergetic type of thinking is urgently needed for modern Russia, which is to make a fundamental turn in mental practice for the purpose of self-preservation, ensuring sustainable, safe and dynamic development, since Russia is more than other micro-, super- and simply civilizations is to become Eurasia.

The approaching era of multipolarity, polysubjectivity gives rise to geopolitical projects for achieving metagoal – global hegemonism on the “great Eurasian chessboard”. The struggle for influence – domination over Eurasia turns into a deep trend of the third millennium.

Keywords: Eurasia, Eurasianism, Eurasian moment, the history break, the great chess board, the Spiritual the Foremother of Earth.

References

1. *Jaspers K.* Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Goal of History]. Moscow, 1994. 527 p. [In Russ.].
2. *Orlova I. B.* Evrazijskaja civilizacija. Social'no-istoricheskaja retrospektiva i perspektiva [The Eurasian Civilization. Social and Historical Retrospective and Perspective]. Moscow, 1998. 275 p. [In Russ.].
3. *Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenii: Rossiya – Vostok – Zapad* [The Images of Time and Historical Representation: Russia – The East – The West]. Moscow, 2010. 960 p. [In Russ.].
4. *Davis, N.* Istoria Evropy [The European History]. Moscow, 2005. 943 p. [In Russ.].
5. *Kaizerling G.* Кайзерлинг Г. Америка. Заря Нового мира [America. The Dawn of a New World]. St. Petersburg, 2002. 530 p. [In Russ.].
6. *Zinchuk L.* «Azija» – znachit «Vostok» [“Asia” means “The East”] // Vostochnaja kollekcija [Eastern Collection]. 2001. No. 1. Pp. 17–29 [In Russ.].
7. *Trudy Dal'nevostochnoj narodnoj akademii* [Proceedings of the Far Eastern People's Academy]. 2002. Is. 2. 189 p. [In Russ.].
8. *Gumilev L. N.* Ritmy Evrazii: epohi i civilizacii [The Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, 1993. 575 p. [In Russ.].
9. *Zamyatin D. N.* Muskuly evrazijskogo mira [The Muscles of the Eurasian World] // Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]. 2009. Dec. 16. [In Russ.].
10. *Neklessa A. I.* Transevrasijskij trampolin [The Trans Eurasian Springboard] // Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]. 2013. Apr. 10. [In Russ.].
11. *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary] Moscow, 1979. 1600 p. [In Russ.].
12. *Tagirov Je. R.* Obraz evrazijskogo Prometeja L. N. Gumileva v pamjati pokolenij (k 100-letiju so dnja rozhdenija) [The Image of the Eurasian Prometheus Leo Gumilev in the Memory of Generations (to the 100th Anniversary of His Birth)] // Jeho vekov [The Echoes of Ages] = Gasyrlar Avazy. 2012. No. 3/4. Pp. 155–160. [In Russ.].
13. *Tagirov Je. R.* Fenomen passionarnosti: gumil'ovskij ključ [Passionarity Phenomenon: Leo Gumilev's Key] // Evrazijskaja i problemy sovremennosti [Eurasianism and the Today's Problems]. Kazan, 2012. Pt. 2. Pp. 99–102. [In Russ.].
14. *Tagirov Je. R.* Rossiya mezhdz Zapadom i Vostokom: evrazijskij povorot [Russia's Between the West and the East: the Eurasian Turn] // Problemy sovremennoj jekonomiki [Problems of Modern Economics]. 2015. No. 3. Pp. 86–89. [In Russ.].
15. *Neklessa A. I.* Stranstvujushhaja imperija [The Nomadic Empire] // Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]. 2012. Oct. 19. [In Russ.].
16. *Karpec V.* Uznaem po plodam [We shall know them by their fruits] // Literaturnaya gazeta [Literature Newspaper]. 2012. March 21–27. [In Russ.].
17. *Razuvaev A.* U nas byl shans na Soedinennye Shtaty Evrazii [We Had a Chance to Be the United States of Eurasia] // Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]. 2017. March 1. [In Russ.].
18. *Orlic I. I.* Evrazijskaja: istorija i sovremennost' [Eurasianism: History and Modernity]. Moscow, 2009. 48 p. [In Russ.].
19. *Kaganskij V. L.* Mnimyj put' Rossija = Evrazija [Russia = Eurasia: a Fake Way] // Panorama Evrazii [The Eurasian Panorama]. 2008. No. 2. Pp. 77–86. [In Russ.].
20. *Senderov V. A.* Neoevrazijskaja: real'nost', opasnost', perspektivy [Neoeurasianism: Reality, Risks, Perspectives] // Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]. 2004. No. 6. Pp. 22–37. [In Russ.].
21. *Van' Cynsun.* Evrazijskij moment. Politika velikih derzhav i konstruirovanie novogo evrazijskogo prostranstva [The Eurasian Moment. Great Powers Policy and Construction of a New Eurasian Space] // Svobodnaja mysl' [Free Thought]. 2017. No. 1. Pp. 71–80 [In Russ.].

УДК 130.2(4/5)

Л. М. Тюренова, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
lyudmila010857@yandex.ru

ЕВРАЗИЙСТВО КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Статья посвящена вопросу роли философских позднеславянофильских исканий в разработке идей евразийства. В статье также говорится о том, что идеи евразийства, имевшие при своем возникновении большое значение для определения места и роли России в экономическом, политическом, культурном пространстве Европы и Азии, в XXI веке приобрели новую окраску и новое звучание. Для наиболее полного освещения идей евразийства в его современном контексте автор обращается к философско-историческому экскурсу.

Ключевые слова: *евразийство, славянофильство, интеграция, экспансия, глобализация, европейская культура, историческая ситуация, позитивизм.*

Евразийство как философское, социально-политическое учение до сих пор привлекает внимание исследователей. Многие стратегические задачи, которые возникают перед Россией, были обозначены в свое время русскими философами славянофилами, западниками, русскими позитивистами и евразий-

цами. Проблемы евразийства в контексте взаимосвязи и взаимообусловленности культур поднимались на Международном научно-практическом форуме «Культура евразийского региона», проходившем на базе Алтайского государственного института культуры, г. Барнаул, 2017 г. Проведение данного

форума, объединившего европейские и азиатские территории, свидетельствует о том, что взгляды евразийцев вышли за рамки социально-философского учения и приобретают новое звучание в области культуры. Цель форума – развитие научного и творческого потенциала общества, формирование единого информационного образовательного пространства в сфере культуры и образования [1].

Обращение к идеям евразийства и рассмотрение Евразии как самостоятельного географического и политического мира в современное время связано, на наш взгляд, с двумя проблемами. Первая – это возникшие после распада Советского Союза кризисные явления как внутреннего, так и внешнего плана. В этом смысле мы можем наблюдать некоторое созвучие двух исторических эпох. Начало XX века, т. е. время возникновения и распространения идей евразийства – это предреволюционная ситуация, революция в России и постреволюционное время. Начало XXI века, т. е. время возрождения идей евразийства – это период распада Советского Союза и поиска нового пути развития. И та и другая эпоха связана с разломом государства, со сложными политическими, экономическими, социальными процессами, крушением этических устоев и нравственными поисками образованной части населения, нивелированием и уничтожением ценностей целых поколений и пр. Обе эпохи объединены сложнейшими кризисными явлениями и необходимостью оправдать, объяснить возникший миропорядок, а также найти пути выхода.

Вторая – появление в конце XX века и требующее осмысления и решения многих вопросов в XXI веке феномена глобализации, который заставляет философов, политологов, экономистов рассматривать идеи евразийства в новом геополитическом, прагматическом аспектах. Глобализация мира в его современном звучании – это практически рыночная экспансия, не учитывающая ни национальные, ни государственные интересы, базирующаяся на мощных финансовых потоках, подкрепленных информационными технологиями. В этом контексте мы рассматриваем обращение к идеям евразийства как некую защитную реакцию России и граничащих с ней государств Азиатского региона на экспансию Запада. Обязательно ли возрождение идей евразийства? Ответ на этот вопрос опять же может быть двояким. Безусловно, возможно противостоять экспансии Запада посредством появления, опредмечивания (в том числе и в культуре) новых идей, идеологий, создание из данных идей социально-политических, философских, культурологических концепций. Однако, данный путь требует больших интеллектуальных усилий научных сообществ, времени на их осмысление и проникновение в сознание народа. Это трудоемкий, долговремен-

ный и весьма непредсказуемый процесс. В этой связи возрождение уже, безусловно, подзабытых, но еще «живых» идей славянофильства и евразийства является более простым и предсказуемым процессом. Вписывание данных идей в современный исторический контекст должно помочь найти точки взаимодействия, сотрудничества различных народов, культур, государств с целью противостояния экспансии Запада не только в области экономических отношений, но и в области идеологии, политики, культуры. Можно также рассматривать возрождение идей евразийства как один из аргументов сохранения полярного мира: Европа – Азия, Запад – Восток, противостоящий однополярному миру. Концепция евразийства получила новое наполнение и практически становится стратегией мирового развития целого региона. Поддержанию данной концепции способствует географическое расположение России (Европа-Азия), ее полиэтническое, поликонфессиональное наполнение, поликультурное пространство (Запад-Восток). В принципе, идеи евразийства предельно просты и, в большей своей части, повторяют идеи, высказанные «ранними» славянофилами И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым, славянофилами старшего поколения К. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным. Их понимание мыслительной деятельности, окрашенной настроением, чувством, будет положено в основу развития философских идей, не только связанных с пониманием сущности России и русскости, но и с любыми другими философскими вопросами. Исследуя деятельность И. В. Киреевского, Н. О. Лосский пишет, что «Его (Киреевского – прим. автора статьи) любимым настроением и чувством была печаль. Чувство печали, думал он, создает особые возможности для проникновения в сущность и богатство жизни» [2, с. 12]. Наполнение чувствами, эмоциональным настроением философских размышлений оторвет русскую философию от западной рационализированной философии. Если и проводить какую-то связь между западноевропейской и русской философией, то русская философия, на наш взгляд, ближе всего к философии экзистенциализма, философии жизни, направленной на поиски источника возникшего неудовлетворенного состояния. Подобное восприятие мира найдет свое отражение в русской литературе, произведениях практически всех поэтов и писателей. Может быть, в меньшей степени, рефлексивность присутствует в произведениях А. С. Пушкина. Все же остальные писатели и поэты начала, середины, конца XIX века, начала XX века: М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. А. Блок, А. И. Куприн и др. строят свои произведения на чувствах героев (грусти, печали, безысходности, недоговоренности, бесконечности и пр.), порожденных социальной ситуацией. Указывая

на историческое различие России и Европы, И. В. Киреевский пишет: «Жизнь Европейского просвещения девятнадцатого века не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы. Изменение и развитие сей жизни отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали. Как-то Китайская стена стоит между Россией и Европою и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада» [3, с. 95]. Тонкое различие литературы русской от литературы западной подчеркивал Н. Я. Данилевский: «Если характер героя русской трагикомической поэмы не привлекает наши человеческие чувства, как герой испанский, то зато мы лучше понимаем причину извращения его природы общественной средой, тогда как сумасбродство Дон-Кихота представляется лишь случайным результатом его болезненной фантазии, разгоряченной чтением нелепых романов. Сообразно этому вся обстановка «Мертвых душ» несравненно выше обстановки «Дон-Кихота», в котором всего только и есть что два характера – самого ламанчского героя и его наперсника Санхо. «Старосветские помещики» и «Шинель» Гоголя представляют высшие образцы истинного юмора, которым невольно внушается нам искреннее, глубокое сочувствие к самым мелким, ничтожным, комическим личностям, подмеченными в них чертами истинной человечности» [4, с. 603].

Давайте обратимся к некоторому историческому экскурсу. Евразийство, как оно возникало, представляло собой даже не философское, а скорее всего, социально-политическое явление. Формировалось оно на протяжении трех десятков лет и, не получив практического воплощения, ушло с политической арены вместе с ее последними носителями. Евразийство является мировоззрением русской разнородной интеллигенции, эмигрировавшей из России после революционных событий. Оно включило в себя большую разнородную группу русской интеллигенции: филолога Н. Трубецкого, экономиста П. Савицкого, философов Л. Карсавина, Н. Лосского, Б. Вышеславцева, богословов В. Зенковского, Г. Флоровского, Г. Федотова, музыковеда П. Сувчинского, географа Г. Вернадского, публициста Д. Святополка-Мирского, историков М. Шахматова, Л. Гумилева, юристов и правоведов В. Ильина, Н. Алексеева и других видных ученых того времени. Идея проникновения славянофильства в европейскую культуру, высказанная русским князем Н. Трубецким, стала для ностальгирующей за рубежом по России русской интеллигенции, спасительной, создающей иллюзию возможного возврата прежней жизни, но на иной территории.

Давайте обратимся к основным философским идеям, которые были предложены для размышле-

ния К. Н. Леонтьевым, Н. Я. Данилевским, уже на этапе вырождения славянофильства. Взгляды данных мыслителей оказали большое влияние на формирование идей евразийства. Конечно, вряд ли можно сказать, что К. Н. Леонтьев был философом в его классическом понимании, тем не менее, он не выпадает из общей тенденции развития философской мысли в России. Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что все русские философы прекрасно знали западную философию, длительное время жили на Западе, но не использовали в своих трудах ни категориальный аппарат, хорошо разработанный западноевропейскими философами, начиная от Канта, ни обозначенное ими проблемное поле. Нам интересен К. Н. Леонтьев как выразитель идей славянофильства, предвестник идей евразийства. Славянофилы указывали на особый путь развития России, К. Н. Леонтьев продолжил данную идею, указав, что путь России – возрождение идей византизма (монархия, сословная иерархия, православие), который складывается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных [5]. Избежать революционных потрясений Россия будет способна лишь в союзе со странами Востока. В том числе он подвергает критике образ жизни европейского человека, который погрязает в стремлении к практическому, мещанскому благополучию, ради достижения которого он готов жертвовать внутренним состоянием. Идеи К. Н. Леонтьева во многом созвучны идеям Н. Я. Данилевского, который в работе «Россия и Европа» развивает теорию «культурно-исторических типов» человечества. Особое внимание Н. Я. Данилевский уделяет разработке романо-германского славянского типов, последний из которых еще только начинает оформляться, но способен перерасти на основе византизма в культурно-исторический тип. Указывая на необходимость освобождения России от влияния Запада, Н. Я. Данилевский пишет: «В отношении к славянам это необходимое предварительное достижение политической независимости имеет, в культурном, как и во всех прочих, отношении, еще ту особенную важность, что сама борьба с Германно-Романским миром, без которой невозможна славянская независимость, должна послужить лекарством для искоренения той язвы подражательности и рабского отношения к Западу, которая ввела в славянское тело и душу путем некоторых неблагоприятных условий их исторического развития» [4, с. 610]. Понимая всю неоднозначность и сложность развития славянского типа, Н. Я. Данилевский указывает на его непосредственную связь с Востоком: «Осуществится ли эта надежда, зависит вполне от воспитательного влияния готовящихся событий, разумеемых под общим именем Восточного вопроса, который

составляет узел и жизненный центр будущих судеб Славянства!» [4, с. 611].

Данилевский Н. Я. также не является собственным философом, он публицист, социолог, создатель идей панславизма. Идея объединения славянских народов под руководством России возникла в ответ на целый ряд исторических событий – русско-турецкая война, война с Австро-Венгрией. Русским народом русско-турецкая война рассматривалась как освобождение православных братьев – сербов и болгар – из-под турецкого ига. Это был период не столько экономического подъема, сколько эмоционального переживания величия русского народа. Подобные эмоциональные состояния подъема, ощущение величия нации свойственны русскому народу, они даже необходимы для его дальнейшей жизни.

Взгляды Н. С. Трубецкого – идейного вдохновителя и основателя евразийства, берут свое начало во взглядах его отца – С. Н. Трубецкого и дяди Е. Н. Трубецкого, которые были не только братьями, но и последователями идей В. С. Соловьева. Они были поборниками идеи России как великого государства, великой нации. Следует подчеркнуть, что данные идеи рождались не на пустом месте, а как результат глубокого изучения философской мысли России и Запада. Они глубоко знали учение позитивистов Г. Спенсера и Дж. Милля, философию немецкого философа-идеалиста Г. Лейбница, английского философа-материалиста Дж. Локка, философию пессимизма А. Шопенгауэра. Первоначально увлечение, а затем бесконечные разочарования в философских системах Запада, невозможность их практического применения в России, да и невозможность теоретического обоснования российской действительности, абстрактность философских идей породили нигилизм, отрицающий не только царскую самодержавную власть, но и другие межличностные, общечеловеческие ценности. Особенно ярко, как уже было сказано выше, данное явление проявилось в трагических героях русской литературы XIX–XX веков.

Трубецкой Н. С. в 1920 году эмигрировал в Болгарию, там он стал преподавать в Софийском университете. Достаточно быстро написал и издал сочинение «Европа и человечество», в котором практически выразил идеи евразийства. Обсуждение этой книги в софийском семинаре, в котором участвовали П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий привело к рождению евразийской идеологии, о чём было заявлено в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (София, 1921). Данное издание является сборником, в который вошли статьи Г. В. Флоровского, Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского, П. Н. Савицкого. Нельзя сказать, что они хорошо систематизированы, логиче-

ски выстроены. Они предстают как некая энергия мысли.

Ярких, самобытных, талантливых людей, развивающих идеи евразийства, после 30-х годов XX века практически не было. Скорее всего, это связано с успехами советской власти, которая не только сохранила, но и расширила территорию. Да и эмигрировавшая интеллигенция «вжились» в западный мир, нашла свое место, работу, признание. Об этом свидетельствует распад евразийского течения на отдельные (парижская, лондонская, пражская) группы и, вполне возможно, некоторое разочарование последователей данного течения в невозможности воплощения идей евразийства.

В поле современных проблем глобализации мира евразийство можно рассматривать не только как социально-философское, но и геополитическое учение, сформированное на глубоком анализе географического положения России, ее исторической роли в регионе. В отличие от Западной цивилизации, которая не терпит этническую самобытность народов, населяющих Европу, создает общечеловеческую цивилизацию, евразийство основывается на ясном представлении порочности навязывания чужой культуры и искоренения национальной самобытности. Н. С. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» указывает ряд факторов, сформировавших русскую нацию: «Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великорусса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних степных кочевников) в значительной мере течет и в жилах малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самопознания нам русским необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев» [6, с. 58]. Уникальное соединение западных и восточных черт в русском народе дает возможность широкого восприятия существующих культурно-исторических типов и существует в современном мире как форма самосознания многих народов, населяющих Евразию.

Литература

1. В Алтайском крае состоится международный форум «Культура Евразийского региона» // Официальный сайт Алтайского края. 2017. URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae

sostoitsya-mezhdunarodnyi-forum-kultura-evraziiskogo-regiona_590669.html (25.05.2017).

2. Лосский Н. О. История русской философии. Москва, 1991. 480 с.

3. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. Москва, 1911. Т. 1. 295 с.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва, 2008. 816 с.

5. Леонтьев К. Н. Поздняя осень России. Москва, 2000. 336 с.

6. Трубецкой Н. С. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Москва, 1993. 369 с.

L. M. Tyurenkova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
lyudmila010857@yandex.ru

EURASIANISM AS A CULTURAL AND HISTORICAL EPOCH

The article is devoted to the problems of revival of Eurasian ideas in the modern world and their role in determining the path of Russia's development. The emergence of Eurasianism is considered through the prism of the historical and philosophical analysis of the ideas of early and late Slavophilism, which allows us to speak of the continuity and interconnection of the 19th and 20th centuries. The Eurasianists pointed out the direct connection of the views developed by them with the ideas of I. V. Kireevsky, A. S. Khomyakov, N. Y. Danilevsky and other thinkers who denied the importance of European culture as universal, revealing the identity and independence of Russian (Slavic) culture. Eurasianism as a social and philosophical doctrine is of interest to us in the context of Russia's orientation to the East in the search for a civilizational, cultural identity. The article indicates the influence of Slavophile, and then the Eurasianistic views on the formation of Russian literature, the definition of its problem field, as well as the worldview of the peoples inhabiting Russia.

Considering the ideas of Eurasianism in the context of modern history, the author points to two main problems that contributed to their revival. First of all, these are the crisis phenomena that arose in our society after the collapse of the Soviet Union, as well as the globalization phenomenon, as an objective process reflecting the geopolitical interests of a number of countries. This fact justifies the revival of interest in the ideas of Eurasianism and makes the process of their study in the modern context especially relevant. Eurasia as a geographical place of the birth and the clash of

different cultures, ethnic groups, states, continues to have a significant impact on the formation of the economy, politics, morality, determining the possible limits of Western civilization's influence on the East.

In this way, the article is aimed at solving one of the important problems of modern reality – the formation of a complex and historically justified idea of Russia in its broad cultural and political context of the civilizational development of Eurasia. And in this sense, it has theoretical and practical significance.

Keywords: *Eurasianism, Slavophilism, integration, expansion, globalisation, European culture, historical situation, positivism.*

References

1. V Altajskom krae sostoitsja mezhdunarodnyj forum «Kultura Evrazijskogo regiona» [The International Forum "Culture of the Eurasian Region" Will Take Place In the Altai Krai] // Oficial'nyj sajт Altajskogo kraja [Official Site of the Altai Krai]. 2017. URL: http://www.altaregion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-sostoitsya-mezhdunarodnyi-forum-kultura-evraziiskogo-regiona_590669.html (25.05.2017). [In Russ.].

2. Lossky N. O. Istorija russkoj filosofii [History of the Russian Philosophy]. Moscow, 1991. 480 p. [In Russ.].

3. Kireevsky I. V. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Set of Work]. Moscow, 1911. Vol. 1. 295 p. [In Russ.].

7. Danilevsky N. Ya. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow, 2008. 816 p. [In Russ.].

8. Leontiev K. N. Pozdnaja osen' Rossii [The Late Autumn of Russia]. Moscow, 2000. 336 p. [In Russ.].

9. Trubetskoy N. S. Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: evrazijskij soblazn [Russia's between Europe and Asia: a Eurasian Seduction]. Moscow, 1993. 369 p. [In Russ.].

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 001.89:378(571.15)

Д. П. Ананин, кандидат педагогических наук
Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)
denisananin@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

В статье автор рассматривает особенности становления науки в России, Казахстане, Китае и Монголии в контексте Евразийства. Уделяется особая роль советской науке, повлиявшей на становление научных школ и институтов в Китае, Монголии, Казахстане и современной России. В работе приводятся (рассматриваются) также перспективы сотрудничества приграничных регионов стран Большого Алтая с учетом накопленного опыта совместных исследований.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, Большой Алтай, Российская академия наук, Академия наук СССР, академическая наука.

Уровень развития науки в современном мире является определяющим фактором инновационного развития страны. Кооперация в сфере науки позволяет упрочить позиции того или иного государства в мировой науке. Сотрудничество государств в научной области всегда подразумевает под собой кооперацию на институциональном уровне, обусловленную отраслевой соотнесенностью или актуальностью общих тем. Сотрудничество стран Большого Алтая также может выступать в качестве формата эффективного взаимодействия ученых Китая, Казахстана, России и Монголии. В этой связи изучение особенностей становления научно-исследовательских школ и институционализации науки в сопредельных государствах позволит выявить положительный опыт сотрудничества и потенциал для дальнейшей реализации совместных научно-исследовательских проектов. Территория Большого Алтая охватывает территорию четырех государств со своей историей и своей суверенной политикой в отношении развития науки и техники.

Евразийство в современном его понимании позволяет объективно взглянуть на становление научных школ и традиций с позиции значимости наследия советского периода. Обращение к данному вопросу обусловлено необходимостью и стремлением к поиску новых форм и инициатив сотрудничества в рамках Большого Алтая и Большой Азии. В контексте Евразийства и влияния СССР целесообразно начать исследование истории и структуры научных учреждений стран Большого

Алтая с России (СССР).

Становление научных традиций в России. Фундаментальные исследования в России проводятся академическим сектором – Российской академией наук (РАН), Российской академией медицинских наук (РАМН), Российской академией сельскохозяйственных наук (РАСХН), а также вузовским и предпринимательским (отраслевым) секторами.

Академия наук является первой формой организации научных исследований в России. На её базе сформировались другие организационные формы – университетская наука и отраслевая (ведомственная) наука. Становление академической науки в России связано с образованием по указу Петра Великого Академии наук и художеств 8 февраля 1724 г. Наука была инструментом обновления страны: инструментом повышения культуры народа, расширения торговли, модернизации армии и флота. Санкт-Петербургская академия наук в отличие от многих аналогичных учреждений в Западной Европе была создана как государственное учреждение и была направлена на выполнение задач двора и государства [1]. Тем не менее, в России академия объединяла обе функции – просвещение и исследование.

Высокий научный уровень проводимых исследований обеспечивали приглашенные из Европы ученые К. Гольдбах, Д. Бернулли, Л. Эйлер и др. За короткий срок Академия наук в Санкт-Петербурге благодаря большой работе (географическим

экспедициям, составлению атласа, картографическим, геодезическим работам) заняла важное место в мировой науке. XIX в. стал веком подлинного расцвета российской науки (математическая физика, теория чисел, электрики, химия и т. д.) [1]. Проводились исследования фундаментальной науки и исследования прикладного характера.

Со становлением советского государства произошли трансформации в структуре Академии. 11 июля 1917 года академия была переименована в «Российскую академию наук», 27 июля 1925 г. – в «Академию наук СССР». Сеть академических учреждений стала развиваться большими темпами по всему Советскому Союзу. Руководителями институтов стали выдающиеся ученые Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, П. Л. Капица, И. П. Павлов, Д. С. Рождественский и др. Основными направлениями деятельности оставались работы по изучению природных ресурсов [1]. В истории науки были также темные стороны: преследование ученых по идеологическим соображениям.

Постепенно формировалась сеть республиканских академий. В 1919 г. по инициативе В. И. Вернадского была создана Академия наук Украины, в 1929 г. на базе Института белорусской культуры в Минске открыта Академия наук Белоруссии, Академия наук Грузии (1941 г.), а также Академия наук Узбекистана, Академия наук Армении, Академия наук Азербайджана (1941-1945 гг.). Во время Великой Отечественной войны академия работала на вооружение, оборонное производство, создание авиационной техники, позднее – на создание «ядерного щита» (академик И. В. Курчатов), освоение космоса. В послевоенное время открывались академии наук в прибалтийских странах, в Казахстане, Таджикистане, Туркмении, Киргизии, Молдавии. Открылись региональные отделения на Дальнем Востоке, Сибири, Урале и т. д.

СССР в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. занимал 4-е место в мире по расходам на науку (ОЭСР) и до 1990 г. входил в десятку стран мира по данному показателю. С началом экономического кризиса, разрывом отношений с республиканскими отделениями наук и со снижением финансирования наука России потеряла ведущие позиции в мире. В настоящее время с целью поддержки науки осуществляется реформирование Российской академии наук, финансируются программы научного развития в федеральных и научно-исследовательских университетах. Советская наука внесла значимый вклад в становление научных традиций в бывших советских республиках, а также стратегических партнеров СССР.

Становление научных традиций в Казахстане. История становления организованной науки в Казахстане связана с основанием в начале XX века ряда научных учреждений: Уральской ветери-

нарной станции (1897 г.), Красноводопадской семеноводческой станции (1909 г.), Уральской опытной сельскохозяйственной станции (1914 г.), Краевой станции по охране растений (1924 г.), Алма-Атинского санитарно-бактериологического института (1925 г.), Научно-исследовательского института удобрений и агрономического почвоведения (1926 г.), отделения Главного геологического комитета города Алма-Ата и Института цветных металлов. Большинство первых научно-исследовательских организаций в то время, как правило, решали вопросы развития сельского хозяйства и здравоохранения. Однако народная экономика требовала развития других отраслей.

Серьезный вклад в развитие науки внесла казахстанская экспедиция Академии наук СССР с целью комплексного исследования природных ресурсов территории Казахстана (1927 г.). В 1932 г. была основана Казахская база АН СССР, которая в 1938 г. была преобразована в Казахский филиал Академии наук СССР. К 1940-м гг. в Казахской ССР научными исследованиями занимались 12 вузов, 11 научно-исследовательских и проектно-технологических организаций, 2 проектных института, 2 сельскохозяйственных опытных станции, 6 заводских научно-исследовательских и конструкторских подразделений, ботанический сад и зоологический парк в г. Алма-Ата.

Новый импульс развитию казахстанской науки был дан во время Великой Отечественной войны: в Казахстан с территории боевых действий были перебазированы многие научные учреждения и вузы вместе с учеными (В. И. Вернадский, С. Г. Струмилин, А. М. Панкратова, Л. С. Берг и др.) [2].

В 1946 г. на базе Казахского филиала Академии наук СССР основана Академия Наук Казахской ССР. В последующие годы структура Академии активно развивалась, увеличивался научный потенциал: создавались новые научно-исследовательские и проектно-конструкторские организации, сформировались традиции университетской и отраслевой науки. В 1990-е гг. в Казахстане действовало 279 научных учреждений (филиалы и самостоятельные лаборатории НИИ, вузы союзного подчинения) с общей численностью научно-технических работников 50,6 тыс. человек.

С обретением суверенитета в Казахстане, как и в других бывших советских республиках, начинается этап становления самостоятельной политики в отношении организации науки. В Казахстане основы организации научно-технической деятельности и системы управления наукой были заложены в Законе Республики Казахстан «О науке и государственной научно-технической политике Республики Казахстан» (1992 г.). В феврале 1992 г. было образовано Министерство науки и новых технологий, которое впоследствии было преобразовано

в Министерство образования и науки Республики Казахстан. В настоящее время в подчинении Министерства образования и науки находятся 55 научных организаций с численностью занятых более 5000 человек.

Согласно действующему Закону Республики Казахстан «О науке» от 18.02.2011 субъектами научной и (или) научно-технической деятельности являются Национальная академия наук, отраслевые академии, высшие учебные заведения, исследовательские университеты, а также иные организации [3].

Развитие науки в Республике Казахстан укладывается в общий вектор интеграции Казахстана в мировое экономическое сообщество. С одной стороны, продолжается сотрудничество с российскими научными институтами. С другой стороны, активно осуществляется расширение научных контактов с ведущими научными центрами США, Европы и Азии. К числу зарубежных партнёров Казахстана относятся США, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль, Голландия, Бельгия, Италия, Дания, Австрия, Индия. Среди стран СНГ – Россия, Украина и Белоруссия. В этой связи реализуемое в Казахстане трехязычие (казахский-английский-русский) в академической среде способствует данным процессам. С целью интернационализации науки и образования на государственном уровне реализуются специальные программы поддержки научных исследований. В 2014 г. затраты на научные исследования в Казахстане выросли в 2,5 раза по сравнению с 2010 г. и составили **66,4 млрд. тенге**. Эксперты также единогласно отмечают подъем казахстанской науки за последние три года и связывают это с экономическим ростом. Увеличение финансирования направлено на подготовку научных и научно-педагогических кадров за рубежом, развитие международных научных контактов, повышение престижа науки в стране, обновление материально-технической базы научных учреждений.

Улучшение положения науки связано с созданием национальных научных центров, реализацией программы «Культурное наследие» (программа поддержки гуманитарных исследований), обеспечением активизации участия Казахстана в международных проектах; активизацией изобретательской деятельности; усилением внимания общественности к проблемам науки. Примерами программ поддержки образования, науки и технологий в Казахстане является создание двух инновационных кластеров на базе «Астана бизнес-кампус» Назарбаев-университета и парка инновационных технологий «Алатау». Данные программы развития предусматривают создание высокотехнологических объектов малого и среднего бизнеса, создана платформа для реализации стартапов [4].

Наряду с успехами казахстанской науки последних лет также отмечается ряд проблем. Согласно комплексному социологическому исследованию независимой научно-исследовательской компании BISAM Central Asia, проведенному по заказу Национального Центра научно-технической информации при поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, ключевыми проблемами являются: крайне слабое внедрение научных разработок в практику, кадровое и материально-техническое обеспечения научных организаций, слабая и неэффективная координация в подготовке научных кадров, практическое отсутствие воздействия на рынок труда в научной сфере, что привело к отраслевому дисбалансу, проблема сохранения научных школ [5].

Негативным фактором влияния на науку в Казахстане научной общественностью расценивается реорганизация Национальной Академии Наук в рамках коммерциализации науки [6] и передача НИИ университетам с целью создания эффективной системы развития фундаментальных наук.

Г. А. Жумабекова отмечает, что авторитет казахстанской науки расширяется, однако казахстанская наука в советский период имела больший престиж [5]. Науку в Казахстане сегодня пытаются приблизить к реальным сферам жизни общества и экономики (прикладным исследованиям). Учёные отмечают высокую мотивацию к сотрудничеству российской и казахстанской науки, особенно в приграничных регионах.

Становление научных традиций в Монголии. В начале XX в. Монголия установила тесное сотрудничество в сфере образования и науки с северным соседом – советской Россией, что в последствии обеспечило формирование новой социальной группы населения Монголии – интеллигенции. Благодаря данному сотрудничеству была заложена основа развития различных отраслей образования и науки.

Основу научной элиты Монголии составляли выпускники советских вузов, численность которых в период с 1922 г. до настоящего времени составила около 60 тыс. граждан Монголии. Академия наук СССР с 1923 г. по 1953 г. провела многочисленные экспедиции по изучению территории Монголии: осваивались разные научные направления. В 1961 г. была основана Академия наук Монголии (АНМ). Выпускники вузов РСФСР в послевоенный период – будущие академики Ц. Пунцагноров, Ш. Цэгмид, Ц. Дамдинсурэн, Н. Ишжамц – стали основоположниками монгольской науки. Отрицательные факторы влияния советских научных традиций (догматическая политика по отрицанию буддизма, запрет монгольской письменности) нивелировали роль монгольской цивилизации в мировой культуре.

В. В. Митин, анализируя взаимодействие СССР и МНР, приходит к заключению, что научное сотрудничество стран было взаимовыгодным, несмотря на то, что ощущался явный диспаритет, учитывая разный уровень развития науки. В течение всего периода сотрудничества поднимался вопрос о представлении интересов Монголии. За данный период Монголия пользовалась результатами исследований советских учёных, формируя предпосылки для становления собственных научных ресурсов (кадров, научных школ). СССР имел монополию на исследования территории Монголии, обогащая мировую науку новыми открытиями и оказывая помощь идейному союзнику [7].

Россия и Монголия имеют хороший опыт научного сотрудничества. Экономические трансформации начала 1990-х гг. отрицательно сказались на субсидировании совместных научных экспедиций. В результате этого научные проекты были заморожены. У Монголии оказался большой долг перед Россией. Отказ от советского наследия обусловил стагнацию отношений Монголии и России в области науки в период с 1990 г. по 2000 г. Монголии оказывается безвозмездная помощь японского, китайского и корейского правительств на развитие образования и науки [8]. Также развивается западное направление сотрудничества: с Германией, Францией, Финляндией, а также с США. Однако после периода стагнации российско-монгольские отношения возродились и выходят на новый уровень. Новый формат отношений был заложен Договором о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Монголией (1993 г.), Соглашением между правительствами РФ и Монголии о культурном и научном сотрудничестве (1995 г.).

Новый этап в развитии отношений между государствами начинается с визита Президента России В. В. Путина в Монголию: подписаны договоры на уровне академий наук, научно-исследовательских институтов, университетов, фондов, расширение помощи в подготовке научных кадров (открытие филиалов российских вузов в Монголии), расширение географии сотрудничества за счёт участия новых регионов России. Роль научно-исследовательских институтов приграничных регионов (Бурятии, Калмыкии, Иркутска, Новосибирска), а также вузов Красноярска, Томска, Барнаула в настоящее время очень велика. Важным событием стало подписание Соглашения между Правительствами РФ и Монголии о взаимном признании документов об образовании, учёных степенях и учёных званиях от 15.05.2003 г.

Б. Энхтувшин, резюмируя потенциал сотрудничества двух стран, отмечает, что сотрудничество в научной сфере между Россией и Монголией в настоящее время характеризуется отсутствием

идеологической составляющей и руководствуется только национальными интересами [9]. Монголо-российское научное сотрудничество имеет большой потенциал в будущем, связанный с развитием крупномасштабных проектов в области энергетики, горнорудной промышленности и т. д., несмотря на увеличение интереса научно-технических связей США, Кореи, Японии, Китая и других зарубежных государств.

25 марта 2010 г. был подписан Протокол о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Монголии на 2011–2015 гг. об организации совместной российско-монгольской комплексной биологической, геологической, палеонтологической и археологической (историко-культурной) экспедиций. Ярким примером успешного сотрудничества приграничных регионов России и Монголии в научной сфере является организация в 2011 г. конкурса совместных научных работ Сибирским отделением Российской академии наук с Академией наук Монголии, по результатам которого был поддержан 21 проект по исследованию социально-экономических процессов и экологического состояния Монголии и Сибири [10].

Становление научных традиций в Китае.

Отличие становления китайской науки от наук других стран Большого Алтая заключается в наличии давних научных традиций, восходящих к древнему и средневековому Китаю, в котором наука имела систему. Наука изначально стала частью китайской цивилизации, оказавшей влияние на развитие философских направлений (конфуцианства и даосизма), однако она имела прикладной характер (изобретение плуга, бумаги, компаса). Большие достижения китайских учёных и научные традиции, однако, были доступны только высоко нравственным личностям, ученые предпочитали не передавать знания «недостойным». В результате мощнейшие традиции науки были впоследствии утрачены.

В 1949 г. была основана Академия наук Китайской Народной Республики. Параллельно формируется отраслевая наука в научно-исследовательских учреждениях. В стране насчитывалось 50 000 научных сотрудников. Благодаря 12-летней программе научно-технического развития (1956-1967 гг.) был дан мощный импульс развития китайской науки. Помощь СССР в развитии Китая была активно оказана в 1950-е гг. Она выразилась в подготовке нескольких тысяч граждан Китая в советских вузах. Этот факт позволил уже после 1990 г. возобновить научное сотрудничество и значительно его расширить в 2000-х гг. в рамках внешнеполитического курса «конструктивного добрососедства» (Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.).

Смутный период истории Китая (1966–1976 гг.) значительно ограничил высокие темпы развития науки. После завершения в Китае «культурной революции», начиная с 1978 г., была утверждена стратегия приоритетного развития образования. Согласно Постановлению ЦК КПК о реформе системы образования указывалось на важную роль подготовки кадров и развитию науки. В Программе реформ и развития образования (1993 г.) также указывается на необходимость поддержки фундаментальных исследований, междисциплинарных научных направлений и прикладных наук в университетах. Государство имеет основную роль в поддержке и стимулировании научно-исследовательской деятельности в образовании и распространении продуктов научной деятельности. Развитие науки в китайских университетах становится всё более значимой задачей, так как согласно «Проекту 985», а также Плана действий о продвижении образования навстречу 21 века, разработанного Министерством образования КНР, в стране планируется создать ряд исследовательских университетов мирового уровня для развития фундаментальных и прикладных исследований [11].

В КНР реализуется программа «1000 талантов» по приглашению специалистов мирового уровня из Европы и США. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по сумме расходов на НИОКР Китай в 2006 году стал вторым в мире (около 136 млрд долл., 1,5% ВВП), уступая только США.

Согласно информации Национального научного фонда США (National Science Foundation) на 2011 год Китай по уровню научно-исследовательской активности занимал 2-е место (после США) в рейтинге стран мира. Развитие науки в вузах Китая получило новый импульс с развитием программы средне- и долгосрочного плана развития науки и технологии на период до 2020 года («Medium- to Long-Term Plan for the Development of Science and Technology (2006–2020)» (MLP). В 2010 году был объявлен «Национальный план развития талантов», предусматривающий, в том числе, рекрутинг 2000 зарубежных ученых и преподавателей до 2020 г. Данная мера способствовала вхождению в список 100 лучших университетов мира Пекинского университета и Университета Цинхуа, а также усилению научной деятельности в университетских филиалах во всех китайских провинциях [12].

Научно-исследовательская система Китая представлена научно-исследовательскими институтами Академии наук КНР, НИИ, подведомственными профильным министерствам и местной администрации, исследовательских институтов высших учебных заведений, промышленных предприятий и институтов оборонного комплекса. Академия наук КНР является самым крупным научно-

исследовательским центром страны со штатом 60 000 человек. В 1994 г. была учреждена Академия инженерных наук Китая. За свою историю развития научные учреждения страны сумели переориентироваться к условиям рыночной экономики и отойти от планового хозяйства. Благодаря развитию науки и рациональной научно-технической политики Китая добился значительных успехов в космической, энергетической и оборонных отраслях.

Выводы. Научное сотрудничество России, Монголии, Китая и Казахстана будет зависеть от особенностей внешней политики стран в отношении друг друга. Историографический анализ особенностей становления традиций научно-исследовательской деятельности в данных странах показал положительный опыт сотрудничества в советский период и демонстрирует потенциал сотрудничества приграничных районов сопредельных государств Большого Алтая. В контексте Евразийства возникают новые форматы для сотрудничества России, Китая, Казахстана и Китая (ШОС, БРИКС, АСЕАН, Европейское пространство научных исследований), в рамках каждого из которых можно реализовывать потенциал сотрудничества в научной сфере, основываясь на национальные интересы государств.

Литература

1. Кузнецова Н. И. Российская академия наук на службе Отечеству // Науковедение. 1999. № 3. С. 63–76.
2. История науки в Казахстане / Наука.KZ. URL: <http://www.naukazar.kz/edu/nauka-in-kz> (16.05.2017 г.).
3. О науке: закон Республики Казахстан от 18 февр. 2011 г. № 407-IV ЗРК. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=32815 (16.06.2017 г.).
4. Зарубина В. Р. Развитие образования и науки в Республике Казахстан // Экономика и политика. 2015. № 3. С. 47–49.
5. Жумабекова Г. А. Состояние и проблемы казахстанской науки: взгляд изнутри // Вклад молодых исследователей в индустриально-инновационное развитие Казахстана. Астана, 2011. URL: <https://articlekz.com/article/6677> (18.03.2017 г.).
6. О коммерциализации результатов научной и (или) научно-технической деятельности: закон Республики Казахстан от 31 окт. 2015 г. № 381-V ЗРК. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31806330#pos=190;-231 (13.05.2017 г.).
7. Мутин В. В. Научные связи СССР и МНР в 1920–1950-е гг. Академия наук СССР и Монгольский учёный комитет // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 111–133.
8. Григорьева Ю. Г. Монголия и Южная Корея: сотрудничество в области образования и гуманитарной науки // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11. Ч. 1. С. 94–97.
9. Энхтувшин Б. Сотрудничество между Монголией и Россией в области образования и науки // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2006. С. 17–25.

10. Николаев Э. А., Чимитдоржиева Г. Н. Приоритетные направления исследований СО РАН и АНМ: итоги и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 1. С. 253–256.

11. Цюнь Ф. Рекрутинг иностранных ученых и преподавателей как фактор развития национальной

системы образования: опыт КНР // Труд и социальные отношения. 2016. № 6. С. 99–109.

12. Портяков В. Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 97–111.

D. P. Ananin, Dr. of Pedagogical Sciences
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)
denisananin@yandex.ru

FORMATION OF RESEARCH ACTIVITY TRADITIONS IN THE GREAT ALTAI COUNTRIES

The article covers peculiarities of science becoming in Russia, Kazakhstan, China and Mongolia in the context of Eurasianism. The author pays special attention to the Soviet science (Academy of Science of the Union of Soviet Socialist Republics), which influenced more or less the building of national scientific schools and institutions in China, Mongolia, Kazakhstan and modern Russia. The article reveals also cooperation perspectives of boundary regions of Great Altai taking into account of common historical research experience. The historiographical analysis shows positive experience of scientific cooperation during the Soviet period and demonstrates potential of trans-boundary regions of Great Altai countries. This potential can be realized in the framework of Eurasianism due to new cooperation formats – Shanghai Cooperation Organization, BRICS, Association of Southeast Asian Nations, European Research Area. The grade of this cooperation depends on the bilateral external policy of every country of Great Altai. In this context China initiates an ambitious project “Silk Road” that could offer unique possibilities for excellent researchers to solve fundamental and applied problems of Asian region. Moreover the author underlines that such projects cover national interests of China to establish its own position in the region and worldwide. China scientific development is a whole system of state support measures of (young) researchers, scientific institution and projects. The trend of globalization demands from national scientific systems to cooperate with the leading science supporting more and more local scientists. The article makes a focus on cooperation of scientific systems only if they accept national interests of every participating part.

Keywords: *research activity, Great Altai, Russian Academy of Sciences, Academy of Sciences of the USSR, science made by Academy of Sciences.*

References

1. Kuznetsova N. I. Rossiyskaya akademiya nauk na slushbe Otechestvu [Russian Academy of Sciences Services to Homeland] // Naukovedeniye [Science Studies]. 1999. No. 3. Pp. 63–76. [In Russ.].
2. Istoriya nauki v Kazahstane [History of the Kazakh Science] / Nauka.KZ [Science.KZ]. URL:

<http://www.naukakaz.kz/edu/nauka-in-kz> (16.05.2017) [In Russ.].

3. O nauke [About Science]: zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 fevr. 2011 g. № 407-IV ZRK [Law of the Republic of Kazakhstan No. 407-IV LRK, 2011 Feb, 18]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=32815 (16.06.2017 г.).

4. Zarubina V. R. Razvitiye obrazovaniya i nauki v Respublike Kazakhstan [Development of Education and Science in Republic of Kazakhstan] // Economica i politica [Economics and Politics]. 2015. No. 3. Pp. 47–49. [In Russ.].

5. Zhumabekova G. A. Sostoyaniye i problemy kazhastanskoy nauki: vzglyad iznutri [State and Problems of Science in Kazakhstan: an Insider's View] // Vklad molodyh issledovateley v industrialno-innovatsionnoye razvitiye Kazahstana [Young Researchers' Contribution into Industrial and Innovative Development of Kazakhstan]. Astana, 2011. URL: <https://articlekz.com/article/6677> (18.03.2017) [In Russ.].

6. O kommercializatsii rezul'tatov nauchnoy i (ili) nauchno-tehnicheskoy dejatel'nosti [About Commercialization of Scientific and (or) Scientific and Technical Activity]: zakon Respubliki Kazakhstan ot 31 okt. 2015 g. № 381-V ZRK [Law of the Republic of Kazakhstan No. 381-V LRK, Oct. 31, 2015]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31806330#pos=190;-231 (18.05.2017) [In Russ.].

7. Mitin V. V. Nauchnye svyazi SSSR i MNR v 1920–1950-e gg. Akademiya nauk SSSR i Mongolskiy uchyony komitet [Scientific Relations between the Union of the Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic in 1920s – 1950s. Soviet Union Academy of Sciences of the and Mongolian Scientific Committee] // Metamorfozy istorii [Metamorphoses of History]. 2014. No. 5. Pp. 111–133. [In Russ.].

8. Grigoryeva Yu. G. Mongoliya i Yuzhnaya Koreya: sotrudnichestvo v oblasti obrazovaniya i gumanitarnoy nauki [Mongolia and the South Korea: Collaboration in Education and Humanities Sphere] // Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy shurnal [International Scientific Research Journal]. 2016. No. 11. Ch. 1. Pp. 94–97. [In Russ.].

9. Enhtuvshin B. Sotrudnichestvo mezhdru Mongoliyey i Rossiye v oblasti obrazovaniya i nauki [Collaboration between Mongolia and Russia in Education and Science Sphere] // Rossiya i Mongolia: istoriya, diplomatiya, ekonomika, nauka [Russia and Mongolia: History, Diplomacy, Economics, Science]. Irkutsk, 2006. Pp. 17–25. [In Russ.].

10. Nikolaev E. A., Chimitdorshieva G. N. Prioritetnye napravleniya issledovaniy SO RAN i ANM: itogi

i perspektivy [Research Priorities of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and Mongolian Academy of Sciences: Results and Perspectives] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of Buryat Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2012. No. 1. Pp. 253–256. [In Russ.].

11. Tsyuyan F. Recruiting inostrannykh uchenykh i prepodavateley kak faktor razvitiya natsionalnoy sistemy obrazovaniya: opyt KNR [Recruiting Foreign Scholars and Teachers as a Factor of the National Education System De-

velopment: Experience of the People's Republic of China] // Trud i sotsialnye otnosheniya [Labour and Social Relations]. 2016. No. 6. Pp. 99–109. [In Russ.].

12. Portyakov V. Osnovnye napravleniya i osobennosti izucheniya meshdunarodnykh otnosheniy i vneshney politiki KNR v Rossii v period 2000–2013 gg. [Main Directions and Peculiarities of Studying The International Relationships and External Policy of People's Republic of China in Russia in 2000–2013] // Problemy Dalnego Vostoka [Problems of the Far East]. 2013. No. 5. Pp. 97–113. [In Russ.].

УДК 027.1+002.2(091)::(171.150)

Т. А. Драгайкина, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
leanor@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИЖНОГО СОБРАНИЯ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ)

В статье дается краткий обзор особенностей культуры горнозаводского Алтая в XVIII – первой трети XIX вв. Рассматривается значимый источник информации о ней – книжное собрание Колывано-Воскресенских горных заводов, характеризуется его универсальный фонд, отражающий кругозор жителей провинциального промышленного комплекса.

Ключевые слова: горнозаводская культура, библиотека Колывано-Воскресенских заводов, Алтай в XVIII-XIX вв.

Колывано-Воскресенский горный округ – обширный промышленный комплекс на территории Западной Сибири, активно развивавшийся в XVIII – начале XIX вв. В этом удалённом от центра, но весьма важном в экономическом отношении регионе, выдвинувшем Россию в лидеры мирового горно-металлургического производства, окрестности которого были относительно малоизученны, сформировалась особая культура, отличающаяся от типично провинциальной. Барнаул XVIII в. можно было назвать форпостом технической мысли в стране.

Известный горный специалист И. М. Ренованц, служивший на Колывано-Воскресенских заводах в 1779–1785 гг., так изображает особенности горнозаводского населения: «Вообще надлежит сказать о алтайских горных и заводских людях, наличие о таких, кои родились от крови горных людей, что они на все способны и употребительны. По правде сказать, можно, что нет у них недостатка в остроте; но более в хороших качествах. Некоторые дети простых людей подражали наилучшему рисованию пером и сделались при надлежащем обучении наилучшими живописцами. Простой кузнец сделал большие медные боевые часы, кои долго шли справедливо. Здесь в совершеннейшей бы степени достигнули намерения образовать челове-

ка, ибо кроме предметов постоянной природы, нет здесь никаких наслаждений» [1, с. 317–318]. Он отмечает осознание горнозаводскими рабочими важности сохранения музейных ценностей и редкостей (например, случай с найденными при копании канала зубами мамонта) [1, с. 128], интерес к коллекционированию образцов минералов [1, с. 230]. По мнению Ренованца, вся обстановка округа способствовала развитию творческих способностей и стремления к познанию природы и техники.

Особенностью горнозаводской культуры Алтая XVIII – начала XIX вв. можно назвать ее прогрессивный характер, нацеленность на немедленное усвоение новых достижений науки и техники, а также существенное европейское, в первую очередь немецкое, влияние. Последнее объясняется передовым характером немецкой горнодобывающей промышленности, и немалым количеством выходцев из Германии на русской службе, дети которых часто продолжали их дело. Алтайские горные заводы привлекали одаренных людей. В Барнауле существовала лютеранская община, первым пастором которой стал И.-Г. Леубе; его прихожане жили также в Колывани, Змеиногорске, Верхнем Сузуне, Ново-Павловске [2, с. 22]. В обязанности пастора входило также обучение основам горного дела и языку. Леубе в 1761 г. оставил свою

должность, став главным бергмейстером. Его преемник Эрик Лаксман также увлекся естествознанием. В своих «Сибирских письмах» Лаксман далек от восторженной оценки горных офицеров, не уделявших, по его мнению, никакого внимания науке [3, с. 13]; в то же время сообщает он и о местной интеллигенции, не ограничивавшейся исполнением своих прямых обязанностей, в том числе о разделявших его увлечение ботаникой дивизионном враче Тиле, городском хирурге Кизинге, аптекаре Бранте, имевшем лабораторию, а также о знаменитом инженере И. И. Ползунове.

Г. И. Спасский, опубликовавший перевод «Сибирских писем» Лаксмана в журнале «Сибирский вестник», возражает ему, указывая на разносторонние и глубокие познания алтайских горных чиновников [4, с. 273–274]. Не исключено, что после 1760-х гг., описанных Лаксманом в письмах, их профессиональный и культурный уровень повысился. В основанном в 1772 г. Горном институте в Петербурге придавали значение не только специальности, но и светским навыкам, изящным искусствам; предполагалось, что его выпускники, отправившись в отдаленные от столиц края, смогут проводить там свободное время в приятных и безвредных занятиях [5, с. 70].

Известный ученый-естествоиспытатель К. Ф. Ледебур, побывавший на Алтае в 1826 г., придерживается высокого мнения о Барнауле: «Разделяя ходячие предрассудки, я не ожидал встретить в сибирской глуши такую аккуратность, хотя и был уже достаточно осведомлен о том, что в Европе бытует совершенно неправильное представление о Сибири» [6, с. 24–25]. Он описывает организованный П. К. Фроловым музей, упоминает любительский театр, оркестр музыкантов горного батальона, изысканную обстановку на балах в доме Фролова [6, с. 154], а также публичную библиотеку, содержащую преимущественно сочинения по минералогии и горному делу [6, с. 148].

Одним из источников информации о культуре Алтая XVIII – первой половины XIX вв. является книжное собрание Колывано-Воскресенских горных заводов, большая часть которого в настоящее время хранится в Новосибирске, в Новосибирской государственной областной научной библиотеке (НГОНБ), Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), Государственном архиве Алтайского края, Барнаульском краеведческом музее, Алтайской краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова. Изучение книжных коллекций помогает определить культурные запросы, круг интересов, уровень осведомленности в вопросах науки и техники, свойственные имевшим доступ к этим собраниям читателей.

Фонд библиотеки Колывано-Воскресенских заводов формировался за счёт непосредственных поставок из типографий Москвы и Санкт-Петербурга, дублетов из библиотек уральских горных заводов, приобретения личных коллекций горных инженеров после их смерти или отъезда с Алтая. Библиотека Колывано-Воскресенских заводов была упорядочена в 1809 г. известным инженером П. К. Фроловым.

Заводское книжное собрание имело универсальный характер. Значительную часть его составляли иностранные, а также переведённые с европейских языков книги.

Безусловно, важное место занимали в библиотеке КВЗ издания по минералогии, химии, металлургии, изучение которых вменялось в обязанность на горных заводах. Подбор литературы, критические и дополняющие авторский материал пометы на отдельных экземплярах [7] свидетельствуют о возможности и желании алтайских горных инженеров к глубокому освоению накопленных мировой наукой знаний по горному делу. Вновь появившиеся значимые научные работы незамедлительно присылались в Барнаул. Материалы библиотеки способствовали развитию технического творчества, конструирования, становились базой для новых изобретений. Стоит упомянуть, в частности, работы, несомненно, повлиявшие на И. И. Ползунова: «Театр машин» Я. Леопольда («Theatrum machinarum hydraulikarum» (Leipzig, 1725)), «Architecture hydrologue» Б. Белидора (Paris, 1737–1739, т. 1–11), «Обстоятельное наставление рудному делу» И. Шлаттера (СПб., 1760).

Весьма интересовали алтайских читателей труды по истории России и других стран. Представлены, например, «Книга степенная царского родословия» (М., 1774), «Русская летопись по Никонову списку» (СПб., 1767), «Российская история жизни всех от начала России государей» Ф. Эмина (1767–1768), «История польская» П. Ж. Солиньяка (СПб., 1766, т. 1–2), «Родословная история о татарах» Абу-л-Гази (СПб., 1768, т. 1–2), труды Г. Байера, Г. Ф. Миллера, И. И. Болтина, М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, Тацита, Диодора Сицилийского, Ж. Б. Босюэ, Г. Кураса, Ш. Роллена и др.

Значителен был интерес к литературе о путешествиях: в коллекции представлены, например, многотомные «Всеобщее повествование о путешествиях» А.-Ф. Прево, «Путешествие вокруг света» И. Ф. Крузенштерна (М., 1809–1812), работы П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова и др.

Стоит отметить также внимание к проблемам педагогики, наилучшего воспитания и обучения детей. В фонде НГОНБ хранится несколько экземпляров журнала «Детское чтение для сердца

и разума» с владельческими записями Матвея Попова и унтер-шихтмейстера Василия Самарского. Можно отметить также сочинения известной французской писательницы М. Лепренс де Бомон «Юношеское училище» (М., 1773), «Правила для общежития или наставление девицам» (М., 1800), книги Дж. Локка. В нескольких экземплярах присутствуют «Воспитание детей как физическое, так и нравоучительное, описанное господином де Мезою» (СПб., 1780), «Детская книга, или Общие мнения и изъяснения вещей, коим детей обучать должно» (1769) – переведенное с французского языка сочинение в вопросах и ответах, содержащее краткие основы Закона Божьего, природоведения, естествознания. Несколько экземпляров последнего издания поступили в фонд горнозаводской библиотеки из частных собраний, о чём свидетельствуют владельческие записи: один из томов принадлежал Ивану Лебёдкину, статскому чиновнику, другой Ивану Фереферову.

Немалое место занимают в собрании КВЗ религиозно-философские сочинения. В частности, известному горному инженеру И. И. Черницыну принадлежал многотомник известного немецкого богослова И. Арндта «О истинном христианстве» (М., 1784), «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета, выбранные из Священного Писания и изряднейшими нравоучениями снабденные» И. Гюбнера (М., 1769) (в НГОНБ хранится 3 зачитанных экземпляра этой книги).

Известна горным инженерам была и философия эпохи Просвещения. В Барнаульском горном училище имелось собрание сочинений Вольтера. Со статьями из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера можно было ознакомиться благодаря отдельным изданиям на русском языке: «Статьи из Энциклопедии о пороке и добродетели» (М., 1773), «Статьи о философии и частях ея из Энциклопедии» (М., 1769), «Статьи о философических толках из Енциклопедии» (М., 1773), «Переводы из Энциклопедии» (М., 1767, ч. 1-3), «Статья о политической экономии» Ж.-Ж. Руссо (СПб., 1777), «Париж» Л. де Жокура (М., 1769), его же «Греция» (М., 1768), «Пелопонис или Морья» (М., 1768), «Спарта» (М., 1768) и «О государственном правлении и разных родах оногo» (М., 1769), «Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции» (М., 1768, т. 1-2), «Статьи о времени и разных счислениях оногo» (М., 1770), «О любви из Энциклопедии» К. Ивона (М., 1768), «О надзирателях при воспитании» А. Лефевра (СПб., 1770), «О ласкательстве» (СПб., 1768), многие из которых сохранились в нескольких экземплярах.

Разумеется, представлена в заводском собрании и беллетристика. Она заказывалась наряду с необходимыми научными, прикладными и учебными книгами [8] и приобреталась в составе лич-

ных библиотек. Читались Ф. Фенелон, Э. Юнг, Д. Баркли, Г. Филдинг, Ж. Ф. Мармонтель, А. Ф. Прево, С.-Ф. Жанлис, А. П. Сумароков, М. М. Херасков и многие другие известные и забытые в наше время авторы (отметим, что французских литераторов нередко читали в немецком переводе).

В собрании КВЗ представлены многочисленные периодические издания научного, прикладного, литературно-философского, политического содержания: «Академические известия», «Экономический магазин», «Труды Вольного экономического общества», «Политический журнал», «Магазин натуральной истории, физики и химии», «Собеседник любителей русского слова», «Сибирский вестник», «Древняя российская вивлиофика», «Полезное увеселение», «Невинное упражнение», «Сочинения и переводы, к пользе и удовольствию служащие», «Утренний свет», «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения», один из первых сибирских журналов «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая, и увеселительная», выпускавшийся типографией купцов Корнильевых в 1793–1794 гг.), газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Многие книги из собрания Колывано-Воскресенских горных заводов содержат автографы лиц различного звания, биографии которых были связаны с Алтаем. Так, на некоторых книгах выявлены владельческие записи горного администратора Гавриила Качки и его детей Александра и Анны. В частности, владельческие записи Александра Качки имеются на книгах И. Ф. Гакмана «Пространное землеописание Российского государства» (СПб., 1767, экземпляр ГПНТБ СО РАН) и А. Л. фон Эльсница «Офицерские упражнения» (М., 1776, экземпляр НГОНБ). Анне Качке принадлежало немецкое издание книги известной в свое время французской писательницы М.-А. де Гомес «Приятные и поучительные рассказы в праздничные дни» («Angenehme und lehrreiche und Erzählungen in vergnügten Tagen» (Berlin, Stettin und Leipzig, 1761). Николаю Делилю де ла Кроеру, племяннику известного французского астронома, занимавшему должности маркшейдера Змеиногорского рудника, управляющего Змеиногорской рудничной конторы, принадлежали хранящиеся в НГОНБ книги Э. Ленобля «Светская школа» (СПб., 1761), «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (СПб., 1755), «История о римских императорах с Августа по Константина» Ж. Б. Л. Кревье (СПб., 1769), один из томов «Всемирного путешественника» Ж. де Ла Порта (СПб., 1782), «Записки Раймунда графа Монтекули, или Главные правила военной науки» (М., 1760). Владельческая запись его сына Якова имеется на книге И. М. Греча «Политическая география» (СПб., 1757).

В НГОНБ имеются книги, принадлежавшие Василию Чулкову, одному из видных организаторов горного производства на Алтае: «Опыт о провидении Божиим» (СПб., 1781), вольное переложение византийского романа «Любовь Исмены и Исменияса» П. Ф. Г. Бошана (М., 1769). Относительно много книг с автографами известных горных инженеров П. К. Фролова и И. И. Черницына. «Минералогия» И. Г. Лемана (СПб., 1772; НГОНБ экземпляр), «Начальные основания пробирного искусства» И. А. Крамера (Стокгольм, 1746, экземпляр НГОНБ), «Церковный словарь» П. Алексеева (М., 1773, экземпляр ГПНТБ СО РАН) принадлежали А. А. Слатину, ученику И. Шлаттера, возглавившему монетное производство в Сузуне. Второй том «Эпических творений» М. М. Хераскова (М., 1785; экземпляр НГОНБ) поступил в 1797 г. от Николая Федоровича Аршеневского, который считается основоположником пчеловодства на Алтае. Полицейстеру Степану Зубареву принадлежала книга указов Петра I «Тетради записные всяким письмам и делам, кому что приказано и в коем числе е. и. в. Петра Великого 1704, 1705 и 1706 годов» (СПб., 1774), (экземпляр НГОНБ).

Весьма читающими были некоторые представители алтайского духовенства, причём они интересовались не только церковной литературой; так, Дементий Комаров в начале 1761 г. приобрел 35 светских книг, в том числе исторического и естественнонаучного содержания. Любопытно, что в то же время светские лица (шихтмейстер, приказчик, канцеляристы и др. [9, с. 33]) купили только Евангелия, катехизисы, Библии, Минеи [9, с. 21]. В заводскую библиотеку попадали и книги, принадлежавшие другим служителям церкви, оставившим след в истории Алтая. Например, «Собрание поучительных слов» (М., 1754, экземпляр НГОНБ) епископа Гедеона Криновского, придворного проповедника Елизаветы Петровны, содержит записи «протопопа», «Шелковникова», одного из первых преподавателей в школе при Барнаульском заводе, занимавшегося миссионерской деятельностью среди коренного населения окрестностей Телецкого озера.

Неясен путь в библиотеку Колывано-Воскресенских заводов книг, принадлежавших петербургскому иерею Иоанну Кирикову, строителю и первому настоятелю Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы, убитому грабителями в 1770 г. [10, с. 456]. В НГОНБ обнаружено 12 книг и 5 рукописей как богословского, так и светского содержания из его личной библиотеки.

На ряде книг обнаруживаются дарственные записи, сообщаются обстоятельства их приобретения. Так, титулярный советник Иван Захаров, судя по его записям на книгах, выписывал их из Москвы, из лавки Глазунова, из Тобольска (ему принад-

лежал комплект журналов «Библиотека ученая...»), покупал в Барнауле.

Как было сказано выше, книжное собрание Колывано-Воскресенских заводов оказалось расплывчатым по различным хранилищам. Так, книги, принадлежавшие одним и тем же владельцам (П. К. Фролову, А. А. Слатину, А. Г. Качке, Ф. Д. Ложникову, И. Г. Захарову), в данный момент обнаруживаются и в ГПНТБ СО РАН, и в НГОНБ. Дальнейшее изучение и описание книг из собрания Колывано-Воскресенских горных заводов, находящихся в фондах различных учреждений нескольких городов, и документов, касающихся деятельности первой сибирской технической библиотеки и, возможно, содержащих информацию о книгах, которые были утрачены, позволит реконструировать эту библиотеку, имевшую большое значение для развития сибирской культуры, в полном объёме. В настоящий момент подготовлены подробные описания русских книг из заводской библиотеки, хранящихся в ГПНТБ СО РАН [11], и части немецких изданий из фондов НГОНБ [12].

Литература

1. Ренованц И. М. Минералогическая, географическая и другая смешанные сведения о Алтайских горах, принадлежащих к Российскому владению. Санкт-Петербург, 1792. [16]. 504, XII с.
2. Лагус В. Эрик Лаксман. Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Санкт-Петербург, 1890. 488 с.
3. Лаксман Э. Письма, относящиеся до Сибирского края, от Линнея к Лаксману и от Лаксмана к Шлецеру и Бекману // Сибирский вестник. 1820. № 9. С. 151–166; № 10. С. 197–210, 249–284.
4. [Спасский Г. И.] Примечания издателя к письму Линнея и первым трем письмам Лаксмана // Сибирский вестник. 1820. № 10. С. 267–284.
5. Лоранский А. М. Исторический очерк Горного института. Санкт-Петербург, 1873. 542 с.
6. Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. 414 с.
7. Драгайкина Т. А. Книги с читательскими записями из библиотеки Колывано-Воскресенских заводов // Индустриальное наследие Сибири. Новосибирск, 2016. С. 61–67.
8. Гузнер И. А. Материалы к истории горно-заводских библиотек Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1995. 51 с.
9. Гузнер И. А., Ситников Л. А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов в XVIII веке // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 9–50.
10. Берташ А. В. Кириков Иоанн // Три века Санкт-Петербурга : в 3 т. Т. 1 : Осьмнадцатое столетие : в 2 кн. Кн. 1. А–М. Санкт-Петербург, 2001. С. 456.
11. Русские книги гражданской печати собрания Колывано-Воскресенских горных заводов в фонде ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2014. 568 с.

12. *Немецкое культурное наследие в Сибири.* Немецкие издания XVIII – XIX веков из коллекции

Колывано-Воскресенских горных заводов. Вып. 1. Новосибирск, 2012. 247 с.

T. A. Dragaikina, Ph. D. in Philology, Research Associate
State Public Scientific and Technical Library,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
leanor@inbox.ru

THE PECULIARITIES OF THE CULTURE OF KOLYVAN-VOSKRESENSK MINING DISTRICT (BASED ON MATERIALS FROM THE BOOK COLLECTION OF THE KOLYVAN-VOSKRESENSK MINING PLANTS)

The article discusses the peculiarities of regional culture of Kolyvan-Voskresensk mining district in the 18th – the first third of the 19th centuries, which features untypical for the province focusing on technical progress and on European culture. In most sources the wide outlook of the mining population of Altai, the interest in technical creativity and in knowledge of nature are noted, as well as favorable conditions for development of these aptitudes, such as the existence of a rich plant library possessing books which provided material that became the basis for new inventions and research. This collection kept today in a fragmented form in several institutions in Novosibirsk, Barnaul and Tomsk is a valuable source of information on the interests of the mining engineers of the Kolyvan-Voskresensk plants, of their level of awareness about the scientific achievements of that time.

The library was universal; its readers could use not only numerous papers on their specialty but also works on history and geography of Russia and foreign countries, the works of philosophers of the enlightenment, books on pedagogy. The books from personal collections as voluntarily acquired and read by mining engineers and the members of their families are especially significant. In Novosibirsk libraries the copies belonged to well-known organizers of mining production (V. S. Chulkov, P. K. Frolov, I. I. Chernitsyn, A. A. Slatin) are identified. Editions with autographs of the members of the lower ranks of the mountain, as well as the clergy, often manifested a considerable interest in the literature of the secular, are also revealed.

In perspective the joint efforts for the study and description of the books from the mining library will make full reconstruction of its content possible that will help to deepen the understanding of cultural history of a unique industrial region.

Keywords: *mining and metallurgical culture, Kolyvan-Resurrection plants library, Altai in 18th and 19th centuries.*

References

1. *Renovantz I. M.* Mineralogicheskaya, geograficheskaya i drugaya smeshannye svedeniya o Altayskikh gorakh, prinadlezhashchikh k Rossijskomu vladeniyu [Mineralogical, Geographical and Other Mixed Information on Altai Mountains Belonging to Russian Possession]. St.-Petersburg, 1792. [16], 504, XII p. [In Russ.].
2. *Lagus V.* Erik Laksman. Yego zhizn, puteshestvia, issledovaniya i perepiska [Erik Laxman. His Life, Travels,

Researches and Correspondence]. St.-Petersburg, 1890. 488 p. [In Russ.].

3. *Laksman E.* Pis'ma, odnosyashchiesya do Sibirskogo kraja, ot Linneya k Laksmanu I ot Laksmana k Shletseru I Bekmanu [Letters from Linnaeus to Laxman and from Laxman to Schloezer and Beckman on Siberian Region] // *Sibirskij vestnik, izdavaemyj Grigoriem Spasskim* [Siberian Bulletin Edited by Grigoriy Spasskiy]. – 1820. No. 9. Pp. 151–166; No. 10. Pp. 197–210, 249–284. [In Russ.].

4. [Spasskiy G.] Primechaniya izdatel'ya k pis'mu Linneya i pervym trem pis'mam Laksmana [Publisher's Comments to the Linnaeus's Letter and the Laxman's First Three Letters] // *Sibirskij vestnik* [Siberian Bulletin]. 1820. No. 10. P. 267–284. [In Russ.].

5. *Loranskiy A. M.* Istoricheskiy ocherk Gornogo instituta [Historical Essay on Mining Institute]. St.-Petersburg, 1873. 542 p. [In Russ.].

6. *Ledebur K. F., Bunge A. A., Mejer K. A.* Puteshestvie po Altajskim goram i dzhungarskoj Kirgizskoj stepi [Journey through Altai Mountains and Dzungarian Kyr-gyz Steppes]. Novosibirsk, 1993. 414 p. [In Russ.].

7. *Dragaikina T. A.* Knigi s chitatel'skimi zapisyami iz biblioteki Kolyvano-Voskresenskikh zavodov [Books of The Library of Kolyvano-Voskresensk Factories with Readers' Records] // *Industrial'noe nasledie Sibiri* [Industrial Heritage of Siberia]. Novosibirsk, 2016. Pp. 61–67. [In Russ.].

8. *Guzner I. A.* Materialy k istorii gorno-zavodskikh bibliotek Sibiri (XVIII v.). [Materials to the History of Mountain Factory Libraries in Siberia (the 18th century)]. Novosibirsk, 1995. 51 p. [In Russ.].

9. *Guzner I. A., Sitnikov L. A.* Biblioteki Kolyvano-Voskresenskikh gornykh zavodov v XVIII veke [Libraries of Kolyvano-Voskresensk Mining Factories] // *Voprosy istorii knizhnoj kul'tury* [Questions of Book Culture History]. Novosibirsk, 1975. Is. 19. Pp. 9–50. [In Russ.].

10. *Bertash A. V.* Kirikov Ioann [Kirikov Ioann] // *Tri veka Sankt-Peterburga : v 3 t. T. 1: Osmnadsatoe stoletie : v 2 kn. Kn. 1. A–M.* [Three Centuries of Saint Petersburg : III vol. Vol. I : The 18th century. Bk. 1. A–M]. Saint Petersburg, 2001. P. 456. [In Russ.].

11. *Russkie knigi grazhdanskoy pechati sobraniya Kolyvano-Voskresenskikh gornykh zavodov v fonde GPNTB SO RAN* [Russian Books of Civil Print from Kolyvano-Voskresensk Mining Factories Librarian Collection in the State Public Scientific and Technical Library of Siberian Branch of Russian Academy of Science fund]. Novosibirsk, 2014. 568 p.

12. *Nemetskoye kul'turnoye nasledie v Sibiri.* Nemetskie izdaniya XVIII–XIX vekov iz kolleksii Kolyvano-Voskresenskikh gornykh zavodov [German Cultural Heritage in Siberia. German Issues of the 18th and the 19th centuries from the Book Collection of Kolyvano-Voskresensk Mining Factories]. Novosibirsk, 2016. 247 p. [In Russ.].

УДК 173.7:392.5(4/5)

М. А. Жигунова, кандидат исторических наук, доцент,
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук (Новосибирск, Омск, Россия)
marizh.omsk@mail.ru

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ: ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Используя междисциплинарный подход, автор анализирует современные представления о браке и семье, уделяя особое внимание межэтническому фактору. Рассматривает причины и возраст вступления в брак, наличие родственников других национальностей у русских и других жителей Сибири, варианты этнического самоопределения в национально-смешанных семьях, предпочитаемых и реальных брачных партнёров, их лучшие личные качества и др. Выявляются основные факторы, оказывающие влияние на межэтническую брачность.

Ключевые слова: *Сибирь в Евразийском регионе; брачно-семейные установки; межэтнические контакты; национально-смешанные браки; этническая самоидентификация и этнокультурная специфика.*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда
в рамках научного проекта № 14-50-00036*

Евразия является самым большим материком нашей планеты, где проживают более 70 % населения. Поскольку «Евразия» – это не только обозначение локальной цивилизации, но еще и интеллектуальный конструкт, привлекательной в исследовательском отношении представляется оценка его востребованности как культурной метафоры [1, с. 52]. Проблемы семьи и брака активно исследуют представители различных научных дисциплин. В данной работе были применены методы, подходы и результаты исследований по истории, этнологии, социологии, философии, психологии, демографии, статистике. Автором использованы сведения из архивов отделов органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС) и управлений федеральной миграционной службы (УФМС), материалы текущего учёта и переписи населения. При сборе материалов употреблялись анкетирование, интервьюирование, экспертный опрос (руководители национально-культурных автономий и религиозных организаций, сотрудники отделов ЗАГС, чиновники различных министерств и ведомств, занимающиеся национально-религиозными и миграционными вопросами). Полевые исследования под руководством автора проводились в 1985–2016 гг. в различных регионах Сибири и Северного Казахстана. Межэтнические контакты народов этого региона отличаются существенной длительностью, значительной активностью и многообразием. Это обусловлено не только совместным проживанием на одной евразийской территории, но и тесными хозяйственными, торговыми, культурными, образовательными, семейными и родственными связями. К этому следует добавить влияние глобализации, урбанизации, «открытость границ», развитие информацион-

ных технологий, высокую миграционную активность, развитие рекреационного и делового туризма (включая международный). Всё это способствовало существенному расширению круга брачных партнеров с конца XX – начала XXI в.

Для смешанных браков в целом характерны те же основные тенденции, что происходят в сфере однонациональной брачности, но имеются и свои специфические особенности. Межэтнические браки представляют собой сложное социальное явление, где зачастую переплетаются различные языки, культуры, традиции, религии. В данной работе рассматриваются только официально зарегистрированные браки между мужчиной и женщиной, принадлежащими к различным этническим общностям, национальностям, государствам. Это вызывает целый ряд дополнительных вопросов и сложностей, возникающих как у самих партнёров такого брака, так и у их потомков: на каком языке общаться в семье, какую выбрать религию и место проживания, каким традициям следовать и т. д. В данном случае этнокультурная идентичность супругов претерпевает существенные изменения. Особую актуальность этой проблематике придаёт тот факт, что именно в семье сохраняются, прививаются и передаются новым поколениям этнически специфические черты культуры, традиции и обычаи.

Вплоть до второй половины 1990-х годов семейная идеология была основана на признании права государства регулировать брачные отношения и даже задавать этические параметры [2, с. 77]. В настоящее время в отечественной социологии семьи существует два основных подхода: традиционалистская концепция «кризиса семьи» (А. И. Антонов, Ю. А. Гаспарян) и концепция

исторических типов семейных отношений, плюрализации семейных моделей, «альтернативных семейных стилей» (С. И. Голод) [3, с. 20]. Интересно, что среди респондентов чётко прослеживаются сторонники этих теорий. Как правило, представители старшего и среднего поколения придерживаются первой точки зрения, среди молодёжи чаще встречаются сторонники второй.

В целом, позже стали создавать семью (это – общеевропейская тенденция). Наиболее активный возраст для заключения брака среди мужчин: 25–30 лет, у женщин: 18–25 лет. В ближайшее время прогнозируется ещё более позднее вступление в брак. Прежде чем создать семью, молодые люди стремятся получить высшее образование и устойчивое положение в обществе. Межэтнические браки чаще встречаются в городской местности, где наблюдается более высокая этническая и конфессиональная гетерогенность, и имеется больше возможностей для знакомства с представителями иных социальных групп. Кроме того, в городах молодые люди более свободны от родительского надзора и консервативного общественного взгляда на семью. Отдельное проживание от родителей и других представителей старшего поколения ведёт к ослаблению и деформации традиций. Наблюдается заметная либерализация общественного мнения по поводу разводов, аборт, сожительство, рождённых вне брака детей и т. д. Можно говорить и об определённом кризисе семейной идентичности, поскольку 37% опрошенной городской молодёжи не хотят, чтобы их будущая семья походила на родительскую.

Основной причиной вступления в брак является любовь и стремление к продолжению рода (80% опрошенных), далее следует незапланированная беременность невесты. Встречаются и браки, заключённые с целью получения определённой выгоды (желание избежать одиночества, получить необходимый социальный статус или гражданство, сменить постоянное место жительства на другую страну или город и пр.). Национально-смешанные браки являются одним из базовых индикаторов этнической адаптации и социальной интеграции общества, своеобразным показателем стабильности межэтнических отношений. Согласно данным архивов ЗАГС, обработанных автором, в 1950–1970-е гг. в отдельных регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73%. В 1970–1980-е гг. количество таких браков стало сокращаться, и уже к началу XXI в. на их долю приходится не более 20–25% от всех зарегистрированных.

После распада Советского Союза у многих респондентов стали возникать определённые трудности при определении своей этнической идентичности: «не знаю, кто я, родители разной националь-

ности», «трудно сказать, много в нас разной крови намешано», «мультинациональная» и др. Начиная с конца 1990-х гг., растёт количество лиц со смешанной (многожественной) этничностью: «русский бело-рус/казах/немец/татарин и др.», «русский мусульманин», «православная казашка», «на ¼ русская, на ¼ украинка, на ¼ немка, на ¼ казашка» и др. Среди основных критериев этнической идентичности чаще всего указываются национальная принадлежность родителей, а также – язык и культура, территория проживания и личные ощущения. Нередко встречаются варианты этнического определения, противоречащие происхождению. Так, например, девушка из казахско-татарской семьи считает, что она – «русская и никакая другая, потому что душа у меня русская», юноша – этнический казах: «Я – русский, т. к. живу в России». Другой молодой человек из казахско-русской семьи считает себя «русским (по матери), а если по отцу считать себя казахом, то это неверно, т. к. я не знаю ни языка, ни обычаев, говорю на русском языке и живу среди русских». И наоборот, юноша с русской фамилией считает себя татарин – по матери, «поскольку с отцом давно не виделись и вместе с ним не проживал».

В конце XX – начале XXI в. всё чаще стали встречаться новые варианты самоидентификации по этническому признаку: «полурусок», «полукровка», «метис», «гибрид», «микс», «сибиряк», «евразиец». Так, например, считает себя евразийской женщина средних лет (кандидат наук), отец которой – якут, а мать – татарка. Поясняет, что обладает русской ментальностью, но не может назвать себя русской, т. к. «на русскую внешне не похожа», но вобрала в себя и русское, и якутское, и татарское. Известно, что казачество, осваивающее Сибирь с конца XVI в., отличалось заметной гетерогенностью и метисацией. Казачий атаман, русский землепроходец и мореплаватель Семён Дежнёв взял в жёны дочь якутского народа – Абакайде Сючо (в крещении – Анастасия). В 2005 г. в Якутске их семье с сыном Любимом поставлен памятник. Горожане называют его «памятником первому сахалюру» – так зовут в Якутии потомков из национально-смешанных семей. Сахалюры зачастую имеют европейскую внешность, но родным языком считают якутский и воспитаны в якутской культуре. Часто встречается и обратная ситуация: человек с типично русской фамилией, именем и отчеством обладает монголоидной внешностью с ярко выраженным эпикантусом. Среди современных людей различных национальностей довольно часто встречаются сочетания европейских и азиатских имен, отчеств и фамилий. Зачастую в паспорте записано национальное имя, а зовут человека «по-русски». Кроме того, в материалах отделов ЗАГС нам встречались сведения о том, что иногда после замужества

девушки выбирают не только русскую фамилию своего мужа, но и меняют своё имя. Так, например, Зейнап становится Зинаидой, Нагима – Надеждой, Сауле – Светланой, Орынбасыр – Ольгой. Как правило, считается, что должны совпадать первые буквы национального и русскоязычного имени.

Анализ данных отделов ЗАГС подтверждает тенденцию, появившуюся в конце XX в. – расширение круга брачных партнеров и рост браков с иностранными гражданами. Так, например, только в Омской области в 2015 году было зарегистрировано 589 таких браков. Из них – с гражданами Казахстана (304), Армении (47), Азербайджана (44), Узбекистана (43), Таджикистана (30), Украины (26), Германии (22), Кыргызстана (21), Турции (12), Молдовы (9), Беларуси, Италии (по 6), Китая (4), Грузии, Латвии (по 3), Литвы, Израиля, Индии, Туниса (по 2), Австралии, Анголы, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Вьетнама, Греции, Иордании, Ирака, Ирана, Канады, Кубы, Нидерландов, Португалии, Сирии, США, Шри-Ланки (по 1). Данные наших этносоциологических исследований свидетельствуют о том, что в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники других национальностей, чаще всего – украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, чувашской, польской, армянской, еврейской.

Среди предпочитаемых брачных партнёров для своих дочерей чаще были названы славянские и европейские народы. Как правило, предпочтение отдаётся наиболее близким в этнокультурном, языковом и религиозном отношении партнёрам. По мнению 43% респондентов: «национальность при вступлении в брак не имеет значения, лишь бы человек был хороший, да любили друг друга». Интересно, что среди русских процент ответивших таким образом существенно превышал количество подобных ответов среди представителей других народов. Сегодня в России частота межнациональных браков у русских значительно превышает количество таковых у большинства других народов, у которых внутриэтнические брачные связи сильнее межнациональных [4, с. 10]. Интересно, что в настоящее время чаще русские женщины (а не мужчины, как на ранних этапах сибирской истории) вступают в брак с партнёром другой национальности. В силу различных причин, в таком браке либо русская женщина перестраивается под традиции другой культуры (учится готовить блюда национальной кухни, осваивает обычаи и обряды, принимает религиозную веру мужа), либо разные этнические культуры мирно сосуществуют, причудливо переплетаясь.

Встречаются случаи проведения параллельных семейных обрядов среди родственников в соответствии с той или иной традицией. Вот, например, типичный рассказ русской женщины, вышедшей

замуж за казаха: «Недели через две после свадьбы, проведённой по русско-советским традициям, и торжественной регистрации в ЗАГСе, мать мужа сказала, что нужно пригласить муллу и сделать никах. Я не стала сопротивляться и согласилась. После проведения мусульманского обряда бракосочетания мулла объявил меня мусульманкой. А в детстве меня мама в православной церкви крестила. Так я теперь и не знаю, кто я. Это без разницы, главное, что семья у нас хорошая, и мы любим наших детей и друг друга». В настоящее время, независимо от вероисповедания, люди совместно отмечают традиционные религиозные праздники, ходят на похороны друг к другу и совместно поминуют умерших. Если рассматривать частоту смешанной брачности в зависимости от религиозной принадлежности, то представители христианства окажутся наиболее лояльными, а представители ислама – наиболее консервативными. Нам неоднократно встречались славянские девушки, которые рассказывали о том, что родители их избранника запрещали сыну жениться на русской.

Между тем, мужчины самых разных национальностей подтверждают мнение о том, что «Лучшие в мире жены – русские». Это связано не только с тем, что они очень привлекательны внешне. Отмечают следующие качества: приветливы, заботливы, душевны, терпеливы, покладисты, воспитаны, жизнерадостны, понимающие, работающие и хозяйственные (особо выделяют кулинарные и кондитерские способности), «не феминистки», легко перестраиваются под традиции культуры мужа, не скрывают своей сексуальности и довольно страстны в постели и т. д. Женщины отмечают, что мужчины из других стран и неславянских народов обычно умеют любить и красиво ухаживать, дарить оригинальные и дорогие подарки, менее требовательны, стараются обеспечивать семью, не пьянствуют, любят детей.

В настоящее время превалирует установка на малодетную семью – подавляющее большинство опрошенных планируют родить 1-2 ребенка. Ежегодно увеличивается количество девушек, нацеленных на успешную карьеру и не планирующих иметь детей. Ориентация на рождение 3-х и более детей чаще встречается у респондентов из многодетных семей.

Существенное влияние на межэтническую брачность оказывает миграционный фактор. Лидером среди регионов Сибирского федерального округа по миграционным потокам является Омская область. Согласно данным УФМС, большую часть мигрантов составляют мужчины репродуктивного возраста из Средней Азии и Кавказа. В данном случае брак зачастую выступает как средство адаптации и получения определённых преимуществ. Значимым фактором является и совместное

обучение. По сведениям Министерства образования Омской области, в 2014–2015 учебном году в регионе обучались иностранные студенты из 39 стран Дальнего и 11 стран Ближнего зарубежья (всего – 9122 человек). Влияние психологических стереотипов выражается в том, что мигранты и их потомки чаще вступают в национально-смешанные браки. Дети из таких семей более склонны к заключению межэтнических браков, чем их сверстники из однопациональных семей.

В настоящее время этническая принадлежность не является решающим фактором при выборе брачного партнера. В то же время, начиная с конца 1990-х гг. наблюдается увеличение влияния религиозной идентичности [5, с. 100–104]. Национально-смешанные браки можно рассматривать как своеобразный индикатор межэтнических отношений, а также – как важный канал обмена этнокультурной информацией и как среду формирования новых этнокультурных традиций. В национально-смешанных семьях складывается особая микросреда, создающая благоприятные условия для межэтнического общения и формирования соответствующих положительных установок. Наиболее высокий процент национально-смешанных браков отмечается среди восточно-славянских народов. Развитие межэтнической брачности зависит от частоты межэтнических контактов и сплочённости внутри этнических кругов общения. Факторами более низкого таксоно-

мического уровня являются этническая мозаичность и миграционная подвижность населения, численность и уровень урбанизации контактирующих этносов, степень этнокультурной близости (понимаемой как языковая, культурная и религиозная), установки на межэтнические контакты как этносов в целом, так и их отдельных представителей.

Литература

1. Анжиганова Л. В., Ерохина Е. А., Жигунова М. А. Современные историко-культурные исследования цивилизационной идентификации народов Евразии: некоторые итоги // Культурологические исследования в Сибири. 2009. № 1. С. 47–52.
2. Пушкарёва Н. Л., Казьмина О. Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89.
3. Разумова И. А. «Гражданский брак»: понятие, статус, исследования // Труды Кольского научного центра Российской академии наук. 2010. № 2. С. 9–23.
4. Троцук И. В., Парамонова А. Д. Приоритеты и стереотипы российской молодёжи в сфере брачности (на примере национально-смешанных семей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2015. Т. 15, № 3. С. 45–62.
5. Жигунова М. А., Коптяева Е. А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2016. № 5. С. 100–104.

M. A. Zhigunova, Ph. D. in History
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
marizh.omsk@mail.ru

MATRIMONIAL EXPECTATIONS AND INTER-ETHNIC MARRIAGES: EUROASIAN CONTEXT

*The reported study was funded by Russian Science Foundation according
to the research project № 14-50-00036*

National-mixed marriages are one of basic indicators of ethnic adaptation and social integration of society, a peculiar indicator of stability of the interethnic relations in Eurasia. The special relevance to the considered perspective is given by the fact that ethnically specific lines of traditional and household culture remain, take root and transferred to new generations in family. The author conducted research in various regions of Siberia and Northern Kazakhstan in 1985–2016. The author used for work cross-disciplinary approach, questioning, interviewing, expert poll. In article the author analyzes modern ideas of marriage and family, considers the reasons and age of marriage, presence of relatives of other nationalities at the Russian and other residents of Siberia. He also reveals the

options for ethnic identity in the national-mixed families, the main factors influencing inter-ethnic marriages, ethnic and civil origin the preferred and real marriage partners, their best personal qualities, etc. The conclusion is that since the end of the 20th century expands the range of marriage partners and a growing number of marriages with foreign nationals. As a rule, preference is given to the closest to ethno-cultural, linguistic and religious relationship partners. Currently, most Russian women (and not men, as in the early stages of the Siberian history) enter into interethnic marriages. The Men of the most diverse peoples affirming that “The world's best wives are Russians”. Today is dominated by the installation of having a small family. Migrants and their descendants are more

likely to engage in national-mixed marriages. Ethnicity is not a decisive factor when choosing a marriage partner. Since the late 1990-ies, the growing influence of religious identity. In the national-mixed families formed special microenvironment favorable conditions for inter-ethnic communication and the development of appropriate positive attitudes. The highest percentage of national-mixed marriages among the Eastern Slavic peoples.

Keywords: *Siberia in the Eurasian region; marriage aims; interethnic contacts; national mixed marriages; ethnic self-identification and ethno-cultural specificity.*

References

1. Anzhiganova L. V., Erohina E. A., Zhigunova M. A. Sovremennyye istoriko-kulturnyye issledovaniya tsivilizatsionnoy identifikatsii narodov Evrazii: Nekotoryye itogi [Modern Historical and Cultural Studies of Civilizational Identification of the Eurasian Population: Some Results] // Kulturologicheskie issledovaniya v Sibiri [Culturological Research in Siberia]. 2009. No. 1. Pp. 47–52. [In Russ.].
2. Pushkaryova N. L., Kazmina O. E. Rossiyskaya sistema zakonov o brake v XX veke i traditsionnyye ustanovki [The Russian Laws System on Marriage in the XX Century and Traditional Intentions] // Etnograficheskoe obozrenie [The Ethnographic Review]. 2003. No. 4. Pp. 67–89. [In Russ.].

3. Razumova I. A. «Grazhdanskiy brak»: ponyatie, status, issledovaniya [«Civil Marriage»: Concept, Status, Researches] // Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences]. 2010. No. 2. Pp. 9–23. [In Russ.].

4. Trotzuk I. V., Paramonova A. D. Prioritety i stereotipy rossiyskoy molodezhi v sfere brachnosti (na primere natsionalno-smeshannykh semey) [The Russian Youth's Priorities and Stereotypes in the Marriage Sphere (on the Example of the Ethnically Mixed Families)] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: "Sociology"]. 2015. Vol. 15. No. 3. Pp. 45–62. [In Russ.].

6. Жигунова М. А., Коняева Е. А. Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2016. № 5. С. 100–104.

7. Zhigunova M. A., Koptyaeva E. A. Natsionalno-smeshannyye braki kak variatsiya etnokulturnoy identichnosti [Ethnically Mixed Marriages as a Variation of Ethnical and Cultural Identity] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya» [Bulletin of the Tomsk State University. Series: "History"]. 2016. No. 5. Pp. 100–104. [In Russ.].

УДК 130.2:[811.161.1+811.161.2+811.161.3]

Л. Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор
Белорусский государственный университет культуры и искусств
(Минск, Беларусь)
levkrishtapovich@gmail.com

РУССКИЙ МИР КАК ОСНОВА БЕЛОРУССКОГО И УКРАИНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье раскрывается историческое значение Русского мира в сохранении и развитии белорусского и украинского самосознания. Отмечается специфика формирования белорусской народности, обусловленная архаизацией древнерусских устоев в условиях чужеземной цивилизации и польско-иезуитской государственности. Подчеркивается ключевая роль русского языка в сохранении белорусского языка и белорусской культуры.

Ключевые слова: *Русский мир, белорусская народность, русский язык, белорусский язык, белорусская культура.*

О русской природе белоруса и украинца

Мысль о русской природе белоруса и малоросса постоянно присутствует на страницах исторических источников. В известном смысле она даже приобретает императивную окраску, когда требуется подчеркнуть национальную особенность коренного жителя на территории современной Белоруссии и Украины. Например, в послании киевского воеводы князя Константина Острожского епископу Владимирскому Ипатию Потею 21 июня 1593 года по поводу замышляемой унии с римской церковью говорится: «...донести князю великому Мос-

ковскому и московскому духовенству, какое гонение, преследование, поругание и уничтожение народ тутошний Русский в порядках, канонах и церемониях церковных терпит и поносит» [1, с. 64–65].

Появление самих терминов Белая Русь, Черная Русь, Красная Русь, Украина свидетельствовало в то время не о национальной и политической характеристике, а о географической или территориальной.

Употребление различных терминов для характеристики одного и того же явления было следствием территориальной, политической и национально-религиозной специфики Великого

Княжества Литовского. Так, в территориальном плане нынешняя Белоруссия называлась Белой Русью; с точки зрения национально-религиозной – это уже была Русь, общерусская цивилизация, в которую входили все русские земли, невзирая на их территориальные особенности и политические границы, а в политическом отношении – Литва. Вот почему коренной житель Белоруссии мог одновременно выступать как бы в трех ипостасях: белоруса, т. е. человека, проживающего на территории Белой Руси; того же белоруса в национально-религиозном, цивилизационном аспекте называли русским человеком, представителем русского народа; а того же белоруса в смысле политического определения именовали литвином как подданного Великого Княжества Литовского. Любопытно отметить, что после образования Речи Посполитой, начиная со второй половины XVII века, белоруса в России часто называли поляком на основании того, что он был подданным Польского государства.

Аналогично обстояло дело с характеристикой коренного жителя Московского государства. В территориальном плане он был жителем Великой России, т. е. великороссом. Как подданного великого князя Московского иностранные писатели именовали его москвитом, то есть представителем народа московского; а с точки зрения национально-религиозной – это был русский человек, ничем не отличающийся от белоруса и украинца. В договорных статьях польского короля Сигизмунда III с московскими боярами 14 февраля 1610 года есть примечательный пункт, где говорится, что «*Русским Московским* (подчеркнуто мною. – Л. К.) в Польше и в Литве торги мають быти вольные» [1, с. 316]. Тем самым сами польские дипломаты подтверждают: кроме русских в Московском государстве, были еще русские в Речи Посполитой, т. е. белорусы и украинцы. Само появление белоруса и украинца следует рассматривать как архаизацию древнего русского народа, оказавшегося в чужеземном государстве (Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая). Ошибка исследователей, которые говорят о формировании белорусской народности в составе Великого Княжества Литовского как некоем эволюционном процессе, заключается в неосознанной подмене архаизации эволюцией. Архаизация – это фактически застой, регресс. Эволюция – это прогресс. Только не понимая принципиального отличия архаизации от эволюции, можно и вести речь о формировании белорусской народности в ВКЛ. Собственно говоря, никакого формирования белорусской и украинской народности в смысле некоего национального поступательного развития в Великом Княжестве Литовском не происходило, а наблюдалось явление именно архаизации, то есть застоя, стагнации древнерусской народности на территории нынешней

Белоруссии и Украины. «Иноземное (литовское. – Л. К.) господство консервировало, замедляло развитие общественного строя Белоруссии» [2, с. 322–323]. Находясь в неблагоприятных политических условиях, древнерусская народность не смогла сохранить в чистоте своей древнерусский язык, который подвергся польско-латинскому, иезуитскому загрязнению. В итоге возник, исковерканный полонизмами и латинизмами, язык, который получил название белорусского и украинского. Как признаёт польский этнограф Вандалин Шукевич, «народ (белорусский. – Л. К.), не имевший возможности пользоваться плодами просвещения, развиваться экономически, отстал в своем развитии и замкнулся в тесных рамках своего быта» [3, с. 253]. Нахождение древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой препятствовало выходу её на более высокий уровень социального и культурного развития. В языковой сфере складывалась следующая ситуация: если великорусский язык на основе древнерусского языка шёл по линии превращения в великий и могучий, мировой язык, то древнерусский язык на территории нынешней Белоруссии и Украины вынужден был остановиться в своем развитии и архаизироваться или, как выражались старые языковеды, археологизироваться. Становится понятным, что белорусская и украинская культура, в том числе и язык, могла продуктивно развиваться лишь в лоне своей общерусской государственности. Говорить же о развитии белорусской и украинской культуры в рамках иноземных государственных образований (ВКЛ и Речь Посполитая) – абсурдно.

Эту языковую специфику архаизации древнерусского этноса в составе ВКЛ уловил белорусский этнограф, подполковник Генерального штаба Российской империи Павел Бобровский, который в своих этнографических материалах о Гродненской губернии (1863), характеризуя белорусский язык того времени, выводил его «из древнерусского языка, который из-за сложной исторической судьбы народа здесь как бы застыл, а поэтому сохранился неизменным» [3, с. 97]. Языковую особенность в Речи Посполитой на территории современной Белоруссии и Украины подчёркивал сотрудник Русского географического общества М. Лебедин. Он писал: «Господствующим языком был русский, он сохранился до наших дней в этом крае в говорах белорусском и малороссийском» [4, с. 137]. Виднейший представитель украинского просветительства в XIX веке Пантелеймон Кулиш прямо отождествлял древнерусский и малороссийский языки, квалифицируя последний как старорусский язык. Основоположник белорусского языкознания Евфимий Карский в своей этнографической карте белорусов значительные территории юго-западной части современной Белоруссии относил до

Украины, тем самым подтверждая единство белорусского и украинского народов и их языков, сохранивших наиболее тесное родство с древнерусской народностью и её языком. Территориальные же характеристики Белой Руси и Украины с течением времени были перенесены на коренное население этих земель в качестве этнических признаков. Так возникли белорусы и украинцы, которые и сегодня в наибольшей степени сохранили историческое родство с древнерусской народностью. Белорусский фольклор и полемическая литература XVI–XVII веков тому красноречивое подтверждение. На эти исторические обстоятельства, обусловившие архаизацию древнерусской народности в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, указал академик Николай Михайлович Никольский, который писал, что «с XIV века древнерусское население, которое жило на современной территории Белоруссии, подпало под иноземное господство, сначала под власть Литовского княжества, а затем, с половины XVI века, под власть Польского королевства» [5, с. 12]. В то же время, говоря о великорусском языке, следует сказать, что это был не только сугубо великорусский язык, ограниченный исключительно великорусской территорией, но также и язык общерусский, в разработке которого принимали участие выдающиеся представители как Великой Руси, так и Белой Руси, и Малой Руси. Не случайно Михаил Ломоносов называл «Славянскую грамматику» Мелетия Смотрицкого «вратами своей учености», а Симеон Полоцкий, переехавший в 1664 году в Москву, активно участвовал в формировании общерусского литературного языка. Феофан Прокопович во времена Петра I фактически был главою Русской Православной Церкви, и он же автор самой идеи Российской империи. На это обстоятельство в своей речи «О единстве русского народа», произнесённой на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского общества 14 февраля 1907 года, справедливо обратил внимание известный русский филолог-славист Антон Семёнович Будилович. В частности, он отметил, что «на этом языке (общерусском. – Л. К.) написаны не только наши древние летописи, жития святых, поучения, но и слово о полку Игореве», а также другие поэтические и прозаические произведения древней и средней эпох вплоть до Ломоносова» [6, с. 335]. Знаменитый русский филолог-славист Алексей Иванович Соболевский, подчёркивая языковое единство великорусов, белорусов, украинцев, писал: «Представитель акающей группы, московский говор, тот, которым мы говорим, есть язык всей русской интеллигенции, не только по происхождению великорусской, но и малорусской, и белорусской» [6, с. 323]. Вот почему великорусский язык как общерусский язык является родным языком,

как для белоруса, так и для украинца. Белорус и украинец по своей этнической, ментальной природе являются самыми настоящими русскими, вековыми русскими.

Польско-шляхетское иго на Белоруссии и Украине

Следует отметить, что ни в одной из стран Европы, в том числе и в России, закон не разрешал феодалу приговаривать своих крепостных крестьян к смертной казни. И только в Речи Посполитой постановлением сейма 1573 года польско-литовским помещикам позволялось наказывать своих крепостных «водлуг поразумения свайго», то есть в соответствии со своим разумом и желанием. Это право было юридически закреплено и в Статуте Великого Княжества Литовского 1588 года. («Будет вольно и теперь каждому пану подданного своего подлуг поразумения своего скарать»). Польский гуманист XVI века Анджей Моджевский писал: «Ни один тиран не имеет большей силы над жизнью и смертью простых людей, чем та сила, какую дают шляхтичам законы. Шляхтичи бесчинствуют, убивают горожан и крестьян, относятся до них, как до собак» [7, с. 50]. И когда в газете «Советская Белоруссия» в статье «Критик из золотого века» (18 июня 2015 года) претендующая на белорусскость Людмила Рублевская резонерствует о демократическом характере Литовского Статута 1588 года, заявляя, что «за убийство простолюдина шляхтича отдавали под суд» [8, с. 12], то это показательный пример, как нынешние так называемые «национально-сознательные» историки, философы и журналисты фальсифицируют исторические документы с целью антиисторического отождествления польско-литовской истории с белорусской историей. Действительно, в Статуте 1588 года есть статья, которая говорит о том, что за убийство крестьянина шляхтич должен быть предан суду. Но речь здесь идёт не об убийстве своего крепостного крестьянина, а об убийстве крестьянина другого шляхтича. В таком случае шляхтич должен был компенсировать нанесённый ущерб другому феодалу, то есть заплатить так называемую «головщизну». Белорусский исследователь второй половины XIX века Иван Еремич, приводя отрывки из белорусских народных песен времен польско-шляхетского господства, отмечал, что их «надо писать бы слезами или кровью», эти песни «сжимают сердце и гнетут душу» [9, с. 213]. Видный белорусский этнограф Евдоким Романов, работавший на рубеже XIX–XX веков, отмечал великую историческую роль белорусского народа, который вытерпел «такую чудовищную историю, вынес на своих плечах многовековой католическо-польский гнет, отстоял свою веру и народность от натиска польщизны, оставивши колонизацию русских земель с запада» [10, с. 119]. Поэтому все

историко-культурологические усилия всевозможных квазиисториков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность, якобы несовместимую с русскостью, носят сугубо софистический характер. Даже больше. История ВКЛ в их изложении – это не реальная история Великого Княжества Литовского, а анти-русская польско-шляхетская инвектива, направленная на отрицание собственно белорусской и украинской истории. Вот почему следует понять, что никакого белорусского национализма в нашей республике не существует. Мы привыкли употреблять привычные понятия, зачастую не понимая, что эти понятия используются совершенно в противоположном смысле. На самом деле под видом белорусского национализма, или так называемого литвинизма, или «укроизма» скрывается польско-шляхетская компания, цель которой превратить Белоруссию и Украину в восточные кресы Польши.

Этой цели предназначена и программа «Восточное партнёрство». Смысл программы «Восточное партнёрство» заключается в том, чтобы Белоруссия и другие постсоветские члены этого проекта ориентировались на так называемые европейские ценности, и, следовательно, на отказ от своей идентичности, от своей отечественной истории, и замену её историей, так сказать, евронатовской. Применительно к Белоруссии и Украине – к отказу от своей общерусской истории и замену её историей польско-шляхетской и бандеровско-фашистской. Итальянская «AgoraVox» прямо говорит, что Евросоюз «закрывает глаза на всё: на бомбардировку беззащитного населения, на ревизионистскую переоценку роли Бандеры и его соратников – кровавых убийц по всей Европе во время Второй мировой войны» [11]. А украинско-канадский центр, находящийся в Торонто, только в Луганский университет поставил 30 тысяч книг, посвящённых бандеровцам и другим фашиствующим группировкам [12]. Совершенно ясно, что все эти восточные партнёрства, ассоциации с Евросоюзом, евроинтеграции носят сугубо конфронтационный, империалистический характер, поскольку они направлены против России.

К сожалению, в истории наших народов всё это уже было. В 1919 году английский военный министр Уинстон Черчилль разработал проект похода 14 государств против Советской России. В тот период это и была программа «восточного партнёрства» для осколков Российской империи, которые по недоразумению считались независимыми государствами. Сегодняшнее «Восточное партнёрство» – это лишь бледная копия с антирусского черчиллевского оригинала 1919 года.

Цель нынешнего «Восточного партнёрства» остается такой же, как и во времена иностранной интервенции против Советской России – крестовый

поход на Москву. Под прикрытием лицемерного словоблудия о демократии, европейской безопасности, экзистенциальных европейских ценностях западная военщина и плутократия стремится осуществить нашествие на Россию в своих геополитических интересах, ничего общего не имеющих с интересами белорусского и украинского народов. Точно так же, как под прикрытием фарисейских заклинаний о территориальной целостности Украины США и Евросоюз стремятся создать на Украине профашистское государство в качестве натовского плацдарма против России, что, разумеется, представляет огромную опасность и для Белоруссии. Именно поэтому «Восточное партнёрство» является не только антирусским, но и антибелорусским проектом.

Не следует забывать, что Польша рассматривает «Восточное партнёрство» в тесной увязке с вопросами так называемого «нарушения прав поляков» в Белоруссии и взаимным продвижением интересов польской стороны и прозападных партий в нашей республике. Под эту стратегию в Польше уже подведена законодательная база. Так, 23 сентября 2009 года польский сейм принял резолюцию об оккупации части территории Польши Красной Армией во время её освободительного похода в Западную Белоруссию и Западную Украину 17 сентября 1939 года. Так что своим участием в «Восточном партнёрстве» мы объективно признаём право польского правительства рассматривать Западную Белоруссию в качестве оккупированной в 1939 году польской территории. Затягивая нас в свое «Восточное партнёрство», Польша таким образом набрасывает петлю на шею белорусской государственности. И никакое переформатирование «Восточного партнёрства» с обычной политики к более тесному конкретному сотрудничеству, основанному на решении экономических проблем, не устранил угрозы превращения Белоруссии в восточные кресы Польши. Подобные аналитические эвфемизмы лишь свидетельствуют о школьническом сознании и профессиональной неподготовленности белорусского экспертного сообщества, не выработавшему в себе такого необходимого качества, как добрая воля, благодаря которому приобретает умение предвидеть, что и как надо делать, чтобы принести пользу стране. «Восточное партнёрство» – это своеобразный троянский конь, который был сконструирован в польско-шовинистических кругах, чтобы затащить его в Белоруссию и взломать цивилизационную основу белорусского общества. Осенью 2015 года президент Польши Анджей Дуда обратился к польскому обществу с предложением готовиться к «возврату восточных территорий» [13]. И хотя его предложение касается Западной Украины, но необходимо помнить, что в восточные крессы Польши входила и Западная Белоруссия.

Беречь Русский мир

Важно отметить, что после русской революции 1917 года, пытаясь оправдать свои вождедения на исконно русские земли, польская шляхта сконструировала ложный этнический аргумент. Она убеждала западную общественность, что белорусы не русские, а «белые *ruteni*». Но, как справедливо указывал Александр Волконский, «*rutenus* есть не что иное, как искажение слова «русин» и, следовательно, синоним слова «русский...» [6, с. 85].

Непонимание специфики формирования белорусского самосознания лежит в основе фальсификаторского тезиса о русификации белорусского народа в досоветский и советский периоды. Надо иметь в виду, что так называемая русификация белорусского народа была изобретена польскими националистами для оправдания своей экспансионистской политики в отношении Белоруссии. Так, например, реакционные польские публицисты и этнографы Стефан Гурский, Нарциз Огоньчик, Ян Булгак, Юзеф Жискар выдавали себя за «настоящих защитников» белорусского народа. Они заявляли, что стремятся «сохранить народную самобытность белорусов в полноте исторических традиций, давая отпор русификации народа» [3, с. 255]. Польский этнограф Петр Зубович в 1909 году приоткрыл тайну, что понимала польская шляхта под русификацией. Оказывается, под русификацией она понимала противодействие государства полонизации белорусов. Так, Петр Зубович резко критикует политику царского правительства, потому что после воссоединения Белоруссии с Россией здесь наблюдается постоянное отступление от польской культуры, стремление к нивелированию и ликвидации польского влияния. И при чём здесь русификация белорусского языка? Можно с уверенностью утверждать, что вопрос о белорусском языке не является ключевым для формирования белорусской идентичности. Данные социологических исследований показывают, что число граждан республики, считающих своим родным языком белорусский или русский, приблизительно равно. В то же время, хотя белорусами себя называют более 80% жителей страны, большинство наших соотечественников в повседневной жизни пользуются русским языком. Признавая себя белорусами, они в то же время считают своим родным языком русский. Тем самым опровергается выдумка русофобов о русификации белорусского народа, подтверждается специфика белорусской идентичности, которую нельзя подвести под шаблоны исторического словаря. Это и выражается в том, что русский язык – это не иностранный язык, а такой же родной язык для белорусов, как и белорусский. Это выражается и в том, что русский народ – это не иностранцы, как например, французы, немцы или поляки, а родной для белорусов этнос. Причём

важно понять, что русский язык был родным языком для белорусов и в досоветский период. Поэтому ни о какой русификации белорусского народа не только в XX веке, но и даже в XIX веке не может быть речи.

Подтверждение этой бесспорной мысли можно видеть в языковой политике польского правительства в Западной Белоруссии в 1921–1939 годах. Так, в секретной записке полесского воеводы В. Костек-Бернацкого министру внутренних дел Польши в январе 1937 года указывается, что «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши» [14, с. 154]. А в аналогичной секретной записке белостокского воеводы Г. Осташевского от 23 июня 1939 года говорится: «Сознательный белорусский элемент придерживается прорусской ориентации. В первом ряду стоят здесь древние русские симпатии... Мы должны одолеть древнюю белорусскую культуру» [14, с. 182].

Таким образом, даже идеологические и политические недруги России, говоря о том, что белорусский учитель русифицирует местное население, тем самым объективно признают тот очевидный факт, что для нашего народа не существовало проблемы выбора между белорусским и русским языками, поскольку последние для белорусов были одинаково родными языками, а белорусская культура, основывающаяся на древних русских традициях, рассматривалась как неотъемлемая часть общерусского культурного мира. Думается, что всё сказанное в полной мере относится и к украинскому народу.

Поэтому традиционная истерика «белорусизаторов» о так называемой русификации белорусов вызвана не заботой о развитии белорусского языка, а совершенно другими соображениями. Какими? Под предлогом возрождения родного языка преследуется цель противопоставить белорусский язык русскому, зачислить русский язык в разряд иностранного наподобие английского и немецкого, т. е., лишив русский язык всякого упоминания о его родстве с белорусским языком, тем самым противопоставить белорусов и русских друг другу как совершенно разные народы, которые не имеют ничего общего между собой. «Белорусизаторы» не дураки, они понимают, что для отрицания этнического родства белорусов и русских необходимо именно отрицание русского языка как родного для белорусов. Зачем это делается? Чтобы осуществить вековую мечту всех русофобов – путем разведения наших братских народов разрушить нашу общерусскую историю, нашу общерусскую цивили-

зацию с целью реализации их программы «Натиска на Восток», будь это крестовые походы немецких рыцарей, агрессивная политика против Руси и православия польской шляхты, «расовая теория» и «жизненное пространство» фашизма или современное продвижение НАТО на Восток. Все это – составляющие части одной и той же геополитической программы. Имя этой программы – русофобия. И «белорусизаторы» в этой геополитической борьбе являются обыкновенными русофобами, а не деятелями белорусской культуры.

Вся их возня вокруг возрождения белорусского языка – это имитация, пыль в глаза доверчивой публике. Ибо, изгоняя русский язык из категории родного для белорусов, «белорусизаторы» тем самым делают белорусский язык незащищённым, производят над ним операцию кастрации. В чём это будет выражаться? Сначала «белорусизаторы» переведут белорусский язык с кириллицы на латиницу, чтобы ликвидировать даже визуальное родство белорусского и русского языков, а затем этот уже наполовину кастрированный белорусский язык доведут до полной кастрации, наспиговав его всевозможными полонизмами. Так что от белорусского языка останутся рожки да ножки. Ни для кого не секрет, на таком белорусском языке наш народ уже не будет способен не только писать, но и разговаривать.

Парадокс заключается в том, что попытка подобной кастрации белорусского языка в нашей истории уже была. Напомним о деятельности в 1920-е годы такого «белорусизатора», как академик Белорусской академии наук Язэпа Лесика. Будучи автором учебников по белорусскому языку и активно участвуя в создании белорусского литературного языка, Язэп Лесик предпринимал все меры, чтобы противопоставить белорусский язык русскому, как можно дальше отдалить белорусский язык от родного ему русского языка. Всякое заимствование в белорусский язык из русского (в том числе даже научно-технической терминологии) Язэп Лесик объявлял недопустимой русификацией. В своих публикациях он выступал против употребления белорусскими писателями и учёными даже извечно белорусского слова, если оно хотя бы внешне совпадало с русским словом.

Вместе с тем Язэп Лесик охотно включал в белорусский литературный язык всевозможные полонизмы. Усилиями Лесика и других аналогичных «белорусизаторов» белорусам навязывался такой «белорусский» язык, который для них был абсолютно непонятен. Такая «белорусизация» мешала, а не помогала белорусам получить образование на родном языке. Да и чего можно было ожидать от этих русофобов, которые в свое время посылали благодарственную телеграмму германскому кайзеру Вильгельму II, где выражали

благодарность ему за освобождение Белоруссии «от тяжёлого гнёта, господства чужого, издевательства и анархии». Эти «белорусизаторы», потеряв последние остатки стыда и совести, заявляли, что «независимость Белоруссии может быть обеспечена только в союзе с Германской империей». Аналогично вели себя «белорусизаторы» в годы немецко-фашистской оккупации белорусской земли. Характерный пример: Антон Лесик, родной брат Язэпа Лесика, работавший в Советской Белоруссии тоже языковедом, после захвата гитлеровцами Минска стал ревностно служить фашистским оккупантам. Он издал книгу «Беларускі правапіс», в которой продолжал антирусскую линию своего брата по созданию белорусского языка.

Сегодня польско-шляхетская трактовка белорусской истории и белорусской культуры преподносятся в разных вариантах: «самостийности», «литвинизме», «шляхетности», антисоветскости. Но во всех этих вариантах сквозная мысль польско-шляхетских коллаборантов сводится к отрицанию древнерусской народности как основы формирования белорусского народа, к антиисторическому признанию Великого Княжества Литовского в качестве «золотого» века белорусской культуры и белорусской государственности, к школьническому отождествлению демократии и государственного устройства Речи Посполитой. Как подчеркивал Президент Александр Лукашенко на церемонии вручения дипломов доктора наук и аттестатов профессора 7 февраля 2012 года, «в научной среде не прекращаются попытки предать забвению славянские корни белорусского народа, растворить наше прошлое в истории как Польши, так и Литвы» [15]. Все эти лживые рассуждения «белорусизаторов» преследуют одну цель – отождествить белорусскую историю с европейскостью и тем самым противопоставить белорусскую историю общерусской истории. В этой фальсифицированной польско-шляхетской писанине нет ничего оригинального, в истории «белорусизации» все это уже было. Известный «белорусизатор» 1920-х годов Аркадий Смолич в 1925 году издал «Кароткі курс геаграфіі Беларусі в качестве учебника для средних школ БССР. В этом учебнике европейскость белорусов он «обосновывал» с расово-антропологической точки зрения. Вот что он писал: «Вообще белорус имеет крепкий, прочный организм. Строение тела у него немного нежнее, чем у русского. Проявляется это и в общем его виде, и в чертах лица – тонких и мягких, как у **подлинного европейца** (выделено мною – Л. К.) и славянина» [16, с. 123]. Стоит заметить, что это почти дословный плагиат у видного белорусского этнографа того времени А. И. Сербова, плагиат, которому Аркадий Смолич сознательно придал антирусскую характеристику. Современные «белорусизаторы» в своих антирус-

ских измышлениях занимаются лишь переписыванием антирусских работ «белорусизаторов» 20-х годов XX века.

Таким образом, под видом возрождения белорусского языка и белорусской культуры современные «белорусизаторы» реализуют давнюю иезуитскую программу: сменить ментальность белорусской интеллигенции, превратить ее хотя бы на первоначальном этапе, так сказать, в «литвинскую». Что касается белорусского народа, то и тут «белорусизаторы» действуют, как иезуиты. Главное, считают они, чтобы интеллигенция отказалась от своей русскости, а народ никуда не денется. Как прикажут ему, так и будет. Но такая «белорусизация» есть ни что иное, как программа ликвидации белорусского народа и Белоруссии. «Белорусизаторов» по своей ментальности, то есть, что они думают сами о себе, следует отнести не к представителям белорусской интеллигенции, а, так сказать, к польско-шляхетской. Именно из этой среды раздавались в прошлом и раздаются в настоящем голоса о том, что «мы не русские, а белорусы», что «унитатство – это национальная религия белорусов», что «Адам Мицкевич – белорусский поэт, а Станислав Монюшко – белорусский композитор». Цель этих упражнений очевидна: убрать из этнонима «белорус» его атрибутивный признак – русскость, чтобы затем заявить, что белорус – это кто угодно – кривич, волот, литвин, белолях, европеец, но только не русский, и тем самым оправдать правомерность своего неприятия России и необходимость «белорусизации». Как прозорливо в 1907 году писал Алексей Соболевский, среди белорусской интеллигенции есть «белорусские поляки или местные люди католического вероисповедания, более польской национальности, чем русской, скорее враги русского народа, чем друзья» [6, с. 322]. В самом деле, вот что проповедует в своих стихах «белорусизатор» Владимир Некляева, который ещё совсем недавно хотел быть президентом Белоруссии: «Нет никакой Белой Руси, а есть Великая Литва!» [17]. И это говорит политик, который якобы собирается защищать государственность и независимость Белоруссии. Какие ещё нужны доказательства, чтобы убедиться в том, что за всей этой мнимой белорусскостью скрывается польско-шляхетский экспансионизм!

Ведь должно быть понятно, что если отдельные люди и могут сменить свою национальность, стать, к примеру, поляками или немцами, то весь народ это сделать не может именно по причине невозможности превратиться в другой народ. Такая ситуация в истории вела лишь к исчезновению самого народа. Посмотрите на судьбу полабских славян – лютичей, ободритов, кашубов и других. Стали ли они немцами? Нет, они исчезли из истории как народы, в лучшем случае некоторые из

них остались этнографическими группками. Хотя, разумеется, отдельные представители полабских славян идентифицировались в качестве немцев. Вот почему в реальности «белорусизаторы» ведут дело не к возрождению белорусского языка и белорусской культуры, а к ликвидации как белорусов, так и Белоруссии. Собственно, это то, что произошло с белорусами в Польше. Вместо большого белорусского этноса, ареал которого находился в Белостокской области, в современной Польше осталась мизерная белорусская этнографическая группа. Вот почему важно понимать, что русский язык – это не только родной язык для белорусов, но это тот язык, который выполняет функцию главного гаранта сохранения и укрепления белорусской идентичности. Поэтому всякое противопоставление белорусского и русского языков, попытка зачислить русский язык в категорию иностранного языка для белорусов будет вести к утрате этнического самосознания нашего народа и к ликвидации самого белорусского языка и белорусской культуры.

В 1110 году ходил богомольцем в Палестину «Русьская земля игумень Данииль». Пришел он к королю Балдуину и поклонился ему. Подозвал его к себе «с любовью князь Балдвинъ» и спросил его: «Что хочещи, игумене русский?» И попросил Даниил позволения поставить у гроба Господня «кандило за русскую землю». Согласился король, и в великую субботу поставил Даниил кандило. И засветилось кандило за русскую землю. Это относится и к общерусской святой Евфросиньи Полоцкой, которую так называемые «белорусизаторы» зачисляют в разряд исключительно белорусской подвижницы, хотя в то время не было еще ни белорусов и ни Белоруссии. Красноречиво тому подтверждение – жизнь этой великой общерусской святой. В 1173 году Евфросинья Полоцкая отправилась к Гробу Господню в Иерусалим, и там умерла. Мощи ее были перевезены в Киев и погребены в Киево-Печерском монастыре – главной общерусской усыпальнице.

Отрицать принадлежность Белоруссии и Украины к Русскому миру – значит отрицать собственную белорусскую и украинскую историю. Что такое Русский мир?

Русский мир – это культурно-историческая и духовно-ментальная общность этносов, наций, людей, которые признают Русскую цивилизацию своей цивилизацией, а русский язык своим родным языком, несмотря на их этническую, национальную и религиозную принадлежность. Можно сказать, не дорожит своим Русским миром лишь тот, кто отказывается от своего цивилизационного родства и от сознания личного достоинства. Фактически это означает отказ от своих гражданских прав.

Литература

1. *Акты Западной России*. Санкт-Петербург, 1851. Т. 4. 459 с.
2. *Белоруссия в эпоху феодализма*. Минск, 1959. Т. 1. 227 с.
3. *Беларусы*. Т. 3. Гісторыя этналагічнага вывучэння. Мінск, 1999. 365 с.
4. *Лебедин М.* О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // *Записки Русского географического общества*. Санкт-Петербург, 1861. Кн. III. С. 18–36.
5. *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956. 285 с.
6. *Украина – это Россия*. Москва, 2014. 432 с.
7. *Абецдарскі Л.* У святле неабвержанага фактау. Мінск, 1969. 110 с.
8. *Рублевская Л.* Критик из золотого века // *Советская Белоруссия*. 2015. 18 июня. С. 12.
9. *Еремич И.* Очерки Белорусского Полесья // *Вестник Западной России*. Вильна, 1867. Кн. 9. С. 187–236.
10. *Романов Е. Р.* Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский // *Памятная книжка Витебской губернии за 1898 г.* – Витебск, 1898. С. 108–146.
11. *Итальянское СМИ «Agora Vox»: Украинские нацисты на пороге Европы* // Коммунистическая партия Российской Федерации. 2005. URL: <https://kprf.ru/international/ussr/141905.html> (дата обращения: 24.04.2015 г.).
12. *Топоров А.* Канада доставила в Луганск 30 тыс. книг о бандеровцах // *Regnum.ru*. 2015. <https://regnum.ru/news/polit/1917656.html> (дата обращения: 22.04.2015 г.).
13. *Комитет 17 сентября учрежден в Белоруссии* // *Materik.ru*. 2016. URL: http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=25300&phrase_id=2348796 (дата доступа: 23.09.2016 г.).
14. *Польша – Беларусь (1921–1953)*. Минск, 2012. 369 с.
15. *Матвеев В.* Лукашенко: Нужна ли стране такая громоздкая Академия наук? // *TUT.by*. 2012. URL: <https://news.tut.by/it/272771.html> (дата доступа: 20.12.2016 г.).
16. *Смоліч А.* Кароткі курс геаграфіі Беларусі. Менск, 1925. 214 с.
17. *Добровольский П.* На сваё 70-годдзе Някляеў прачытаў вершы ў цэнтры Мінска // *TUT.by*. 2016. URL: <http://www.news.tut.by/society/503959.html> (дата доступа: 12.07.2016 г.).

L. E. Krishtapovich, Dr. of Philosophical Sciences, Professor
Belarusian State University of Culture and Arts (Minsk, Belarus)
levkrishtapovich@gmail.com

THE “RUSSKIY MIR” AS THE BASIS OF THE BELARUSIANS’ AND THE UKRAINIANS’ SELF-CONSCIOUSNESS

At present, there is no doubt about the importance of the Belarusian national development. In a formal sense, this is indisputable. The controversial begins when it comes to the content of national development.

The history of the Belarusian people can be understood when it is considered in the context of a wider community. Belarus was a member of the wider community, which we have every reason to call the concept of the Russian world. The real spatial and temporal field, on which the life of the Belarusian lived, always was all-Russian. Belarusians are much more Russians than Great Russians. We can say that the essence of Belarusianness is the all-Russian patriotism. That's why no one doubts that along with the Western world there is a different Russian world.

The fundamental influence of the Russian world on the formation of the Belarusian national character is a documentary source of fact and a philosophical and historical truth. In this regard, it is important to clarify the characteristic features of the Russian world, which are also the mental definitions of the national self-identity of the Belarusian and Ukrainian peoples.

From the historical point of view, the Russian world is a special type of civilization, inextricably linking the history of Kievan Rus' with the present time. From the cultural point of view, the Russian world is

an exponent of the cultural and moral tradition, the fundamental values of which are best described as the values of a working person.

From the national point of view, the Russian world is a superethnic community based on the national nucleus of Belarusians, Great Russians and Ukrainians.

Thus, it is absolutely indisputable that the Belarusian people from the very beginning of their history were formed as an organic part of the Russian world.

The Belarusian, like the Great Russian and the Ukrainian, is a Russian by his theoretical and practical life, and Belarus, like Russia and Ukraine, forms part of the united Russian world.

Thus, the arguments of pro-Western historians, writers, and journalists about some European (Uniate) Belarusian history in practice render a disservice to the Belarusian people and the Belarusian statehood. The Polish-Pan chimeras about the gentry Belarusian history lead to a change in the spatiotemporal and spiritual and moral orientations of our people, to the separation of Belarus from its all-Russian roots. Only being in the orbit of the Russian world, the Belarusian nation and the Belarusian statehood can develop fruitfully.

Keywords: “Russian world”, Belarusian people, Russian language, Belarusian language, Belarusian culture.

References

1. *Akty Zapadnoy Rossii* [The Acts of Western Russia]. St. Petersburg, 1851. Vol. 4. 459 p. [In Russ].
2. *Belorussia v epohu feodalizma* [Belorussia in Feudalism]. Minsk, 1959. Vol. 1. 227 p. [In Russ.].
3. *Belarusy* [Belarusians]. Vol. 3. *Historia etnalogichnaga vyvuchennia* [The History of Ethnological Studying]. Minsk, 1999. 365 p. [In Belaruss.].
4. *Lebedkin M.* O plemennom sostave narodonaseleniya Zapadnogo kraya Rossiyskoy imperii [On Ethnical Composition of the Russian Empire's Western Lands Population] // *Zapiski Russkogo Geographicheskogo obshchestva* [The Russian Geographical Society Notes]. St. Petersburg, 1861. Bk. III. Pp. 18–36. [In Russ.].
5. *Nikolsky N. M.* Proishozhdenie i istoria belorusskoy svadebnoy obriadnosti [The Origins and History of the Belarussian Wedding Rituals]. Minsk, 1956. 285 p. [In Russ.].
6. *Ukraina – eto Rossia* [Ukraine is Russia]. Moscow, 2014. 432 p. [In Russ.].
7. *Abecedarski L.* U sviatle neabverzhanay faktau [In the Light of Proved Facts]. Minsk, 1969. 110 p. [In Belaruss.].
8. *Rubliovskaya L.* Kritik iz zolotogo veka [A Critic from the Golden Age] // *Sovetskaya Belorussia*. 2015. June 18. P. 12. [In Russ.].
9. *Eremich I.* Ocherki Belorusskogo Polessia [The Essays on the Belarussian Polessie] // *Vestnik Zapadnoy Rossii* [Bulletin of the Western Russia]. Vilnia, 1867. Bk. 9. Pp. 187–236. [in Russ.].
10. *Romanov E. R.* Materialy po istoricheskoy topografii Vitebskoy gubernii. Uezd Velizhskiy [Materials on Historical Topography of the Vitebsk Province. The Velizh Region] // *Pamiatnaya knizhka Vitebskoy gubernii za 1898 g.* [The Little Memory Book of the Vitebsk Province for the year 1898]. Vitebsk, 1898. Pp. 108–146. [In Russ.].
11. *Italianskoe SMI 'Agora Vox': Ukrainskie natsisty na poroge Evropy* [“Agora Vox”, an Italian Mass-Media: The Ukrainian Nazis near with the Europa's Door] // *Kommunisticheskaya partiya Rossijskoj Federacii* [Communist Party of the Russian Federation]. 2005. URL: <https://kprf.ru/international/ussr/141905.html> (24.04.2015). [In Russ.].
12. *Toporov A.* Kanada dostavila v Lugansk 30 tys. knig o banderovtsah [Canada Brought 30 Thousand Books about Banders to Lugansk] // *Regnum.ru*. 2015. <https://regnum.ru/news/polit/1917656.html> (22.04.2015 г.). [In Russ.].
13. *Komitet 17 sentiabria uchrezhden v Belorussii* [Committee of 17th September was established in Belarus] // *Materik.ru*. 2016. URL: http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=25300&phrase_id=2348796 (23.09.2016). [In Russ.].
14. *Polsha – Belarus (1921–1953)* [Poland – Belarus (1921–1953)]. Minsk, 2012. 369 p. [In Russ.].
15. *Matveev V.* Lukashenko: Nuzhna li strane takaya gromozdkaya Akademia nauk? [President Lukashenko: Does the Country Need Such an Enormous Academy of Sciences?] // *TUT.by*. 2012. URL: <https://news.tut.by/it/272771.html> (20.12.2016 г.). [In Russ.].
16. *Smolich A.* Karotki narys geagrafii Belarusi [The Brief Course of the Belarussian Geography]. Mensk, 1925. 214 p. [In Belaruss.].
17. *Dobrovosky P.* Na svajo 70-goddze Njajkljaeŭ prachytaŭ vershny ŷ centry Minska [On His 70th Anniversary Nyaklyaeu Read His Poems in the Center of Minsk] // *TUT.by*. 2016. URL: <http://www.news.tut.by/society/503959.html> (12.07.2016). [In Belaruss.].

УДК 069(1-22):(571.1/.5)

А. И. Мартынов, доктор исторических наук, профессор
Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия),
prof_martynov@mail.ru

В. А. Каплунов, кандидат культурологии,
заслуженный работник культуры Российской Федерации
Природный и историко-культурный музей-заповедник «Томская писаница»
(Кемерово, Россия)
mztp@bk.ru

МУЗЕИ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СИБИРИ

В статье анализируются музеи сельских районов Сибири, отмечаются их особенности и недостатки. Особое внимание обращается на музеефикацию, использование объектов историко-культурного значения сельских территорий, решении современных задач развития регионального туризма.

Ключевые слова: *сельская территория, музеи, наследие, музеефикация, региональный туризм, ресурсы, современные проблемы.*

Особенности, традиции и тенденции в культурно-историческом развитии Сибири. России, обладающей большим пространством в Евразии, досталось огромное количество недвижимых па-

мятников материального историко-культурного наследия от палеолита до XX века. Особенностью Сибири является сосредоточение на её территории большого количества уникальных памятников

историко-культурного наследия. Это курганы с мерзлотой, древние святилища с наскальными изображениями, «царские» курганы древнейшей евразийской цивилизации I тыс. до н. э., памятники начальной поры освоения Сибири XVI–XVIII вв., поселения, древние дороги, памятники горнорудного дела и металлургии, историко-архитектурные комплексы в сибирских городах и поселения, возникшие в период Столыпинской реформы.

Надо отметить, что использование этого богатейшего наследия не отвечает в должной мере современным требованиям. В современной Сибири мало музеев, музеефицированных объектов и музеев-заповедников. Огромное количество объектов наследия не используется. Мы вправе сказать, что Сибирь – территория нереализованных возможностей использования объектов историко-культурного наследия современным обществом.

С конца XVII в., с Сибирской золотой коллекции Петра I, установилась традиция всё ценнейшее из Сибири передавать в столицы, в европейскую часть России, в Императорскую археологическую комиссию, так эти предметы поступали в Эрмитаж, Государственный исторический музей и другие музеи. В XX в. все материалы археологических исследований, проводимых в зонах строительства сибирских гидроэлектростанций, тоже увозились из Сибири. Ценнейшие недвижимые памятники превращались в движимые. Может быть, поэтому в Сибири до сих пор нет ни одного музея федерального значения?

Мы вправе задать вопрос Министерству культуры: почему на территории регионов Южной Сибири, где сконцентрировано огромное количество недвижимых памятников археологического наследия, представляющих евразийскую и мировую историко-культурную ценность, остаются не музеефицированными комплексы курганов: в долинах Пазырык, Башадар в Республике Алтай; уникальные комплексы древних наскальных изображений на берегах Енисея; комплекс «царских» курганов в долине «Аржан» в Республике Тыва. Много лет ведутся разговоры о музеефикации комплекса наскальных изображений Сикачи-Алян в Хабаровском крае. Достоин музеефикации уникальный комплекс памятников, включающий ценнейший палеонтологический объект и уникальные курганы в районе с. Шестаково в Кемеровской области. Видимо, нет четкого представления о том, что должно делать Министерство культуры в Сибири, а что местная власть.

Тревожно, что в современном обществе нет сколько-нибудь реальных представлений об историко-культурных ценностях Сибири и страны. В обществе сложилась ситуация, когда современный человек лучше знает ценности зарубежья, чем своего отечества. Очевидно, это серьезный изъян нашего общего исторического образования. Поче-

му окончивший среднюю школу молодой человек не имеет представления о памятниках своего региона, и весьма туманные представления об исторических памятниках истории отечества? Может, Министерству образования и науки следует подумать о более глубокой реформе содержания исторического образования. Наше массовое историческое образование основано на изучении только социально-политической истории в рамках формационной теории исторического развития и европоцентризма. Очевидно, надо больше внимания уделять формированию знаний об истории территории страны, регионов, памятниках отечества.

Странную позицию занимает археологическая наука, отстраняясь от решения задач музеефикации богатейшего археологического наследия Сибири. Не занимается серьезно проблемами музеефикации археологического наследия и музееведческая наука.

О музеях сельских территорий Сибири. Учитывая территориальные и географические особенности России, надо иметь в виду, что большинство территории страны составляют сельские районы и более мелкие сельские территориальные образования. На этих территориях сосредоточено большинство недвижимых памятников историко-культурного наследия страны. Эта особенность хорошо прослеживается в Сибири, где сельские территории занимают значительно большее пространство, чем в других регионах страны. Если обратить внимание на музеи сельских территорий Сибири, то можно отметить три типа сельских территорий: 1. Территории, в составе которых имеется город или крупное поселение городского типа с музейным учреждением. 2. Сельский район, в административном центре которого располагается музей. 3. Районы, в которых нет музейных учреждений. Таких территориальных образований – значительно больше. Причем, на территории таких районов имеются, как правило, недвижимые памятники наследия.

Большинство районных краеведческих музеев испытывают недостаток экспозиционных площадей, кадровые проблемы, плохие условия хранения экспонатов, экспозиции, построенные по стандартному образцу: природа территории, включая геологию и географические особенности территории, история и предметные исторические ценности, сведения о народонаселении, этнографические материалы и показ предметов советского периода, материалы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Вопрос о состоянии музеев и проблема музеефикации историко-культурных объектов, расположенных на территориях сельских муниципальных образований Сибири, приобретает сейчас особое значение в связи с Государственной программой

развития регионального туризма в России. Районные краеведческие музеи должны стать центрами развития регионального туризма. У нас есть свой опыт истории создания так называемых местных провинциальных музеев в Сибири, когда в конце XIX века стали возникать местные краеведческие музеи. Сейчас это известные в регионе музеи, имеющие свои особенности, богатую историю и фондовые ценности. Среди них можно отметить в Алтайском крае Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки, в Красноярском крае – Минусинский им. Н. М. Мартянова и Енисейский музей, в Кемеровской области – Мариинский районный краеведческий музей, в Забайкалье – Кяхтинский, в Приморье – Уссурийский и другие. Они возникали, как потребность самосознания народа, самоопределения территорий, идентичности. Они сыграли значительную роль в просвещении, сохранении культурно-исторических ценностей в регионах Сибири, стали центрами научной работы в XIX и начале XX вв., и «пришли» в наше время из прошлого вместе с выстроенными для них тогда зданиями. Разве это не пример для нас сейчас? Надо отметить, что в сельских местностях и сейчас инициативно возникают общественные музеи. Например, известный в Кемеровской области музей крестьянского быта в с. Красное, Ленинск-Кузнецкого района, музей советской истории в п. Промышленный Кемеровской области. Возросло количество этнографических музеев, стали возникать первые экомuzeи. Если оценивать ситуацию с музейными учреждениями в сельских местностях, то очевидно, надо признать, что она не отвечает современным потребностям и задачам общества.

Надо понять, что музеи сельской территории должны быть в наше время опорой, основой современного социокультурного развития территорий. Нужен новый организационный и научный подход к их деятельности в современном обществе.

Недвижимые памятники наследия как ресурс современного общества. Острой современной проблемой является использование потенциала недвижимых историко-культурных памятников, которыми обладают абсолютно все сельские территории регионов Сибири. Эти возможности, к сожалению, плохо используются или совсем не используются как объекты музеефикации и туризма.

В 1960–1980 гг. в стране была проведена большая научно-организационная работа по выявлению и паспортизации объектов историко-культурного наследия. Она охватила все регионы страны, были привлечены научные силы по подготовке многотомного издания «Свод памятников истории и культуры СССР», составлялись «Паспорта» на памятники, устанавливалась категоричность памятников: федерального, регионального или местного значения. В областях, краях и республиках

публиковались сборники материалов, карты расположения памятников историко-культурного наследия. Эта работа, в силу объективных обстоятельств, на некоторых территориях осталась незавершённой. К сожалению, выявленный в регионах потенциал историко-культурного наследия остается не использованным в наши дни. Почему мы, проделав колоссальную работу, плохо используем возможности доставшегося нам недвижимого историко-культурного наследия? Может быть, причина в том, что мы, вместе с администрацией сельских территорий, продолжаем считать, что памятники историко-культурного наследия надо не использовать, а только лишь охранять и сохранять, забыв о том, что другие страны мира согласно современной концепции ЮНЕСКО и Хартии ООН по культурному наследию с 1970-х годов активно используют памятники историко-культурного наследия своих территорий в целях современного развития образования, науки, культуры и туризма.

Надо обратить внимание на наличие во всех сельских территориях характерных групп памятников: 1. Памятники археологического наследия. Они есть на всех сельских территориях, иногда в большом количестве, как например, в районах Южной Сибири. 2. В Сибири достаточно много сохранившихся сел, исторических ландшафтов, мест, связанных с начальным освоением Сибири в XVI–XVIII вв., и сёл, возникших в XIX в. в результате Столыпинской реформы, многочисленные Владимировки, Тамбовки, Астраханки, Орловки и др. 3. В сибирских сёлах имеются постройки, представляющие историко-архитектурную ценность. В Сибири достаточно много сохранившихся исторически ценных мест: участки древних дорог, памятники производственной деятельности, представляющие особый культурно-исторический ландшафт двух типов – с остатками исторических объектов или их следов на земле и без них, когда сохранилась в народе только память об историческом ландшафте. Их надо не только знать, хранить в памяти, но и по возможности музеефицировать, превращать в объекты туристического использования [1, с. 11–34].

В этих целях полезно обратить внимание на опыт музеефикации и использования недвижимого наследия в странах Северной Европы: Швеции, Норвегии, где без особых затрат музеефицируются памятники археологии, привлекающие внимание туристов, создаются сельские гостиные дворы, сельские пекарни, сыроварни, кузницы, демонстрирующие процесс работы.

Музеефикация памятников археологии.

В наши дни особенно остро стоит вопрос об использовании археологического наследия. Проведённый в прошлом веке в стране учёт недвижимых археологических памятников показал, что во многих

регионах, особенно в Южной Сибири, памятники археологии превосходят по количеству другие памятники наследия. Известно, что объекты археологического наследия расположены, в основном, в сельских территориях. В XX в. памятники археологии в стране рассматривались как объекты сохранения и раскопок в научных целях. Музеефикация их в России делает практически первые шаги. До начала XXI в. были музеефицированы несколько античных поселений, палеолитический комплекс Костенки и культурный слой старой Москвы на Манежной площади. К 1990-м гг. за Уралом был музеефицирован только один памятник – комплекс древних поселений на Андреевском озере в Тюменской области. В 1990-е гг. был создан музей-заповедник «Томская писаница» в Кемеровской области. Сейчас в регионах Сибири, особенно в республиках Хакасия, Тыва, Бурятия, на Алтае и в Ханты-Мансийском национальном округе Югра на более 30 археологических объектах проводится в разной степени (от принятия решений до проведения необходимых работ) музеефикация памятников археологии. Так, например, создан музей-заповедник «Салбык», археологический музей «Полтаково» в Республике Хакасия, музей-заповедник «Калбак-Таш», зона покоя Укок, Уч-Эмек в Республике Алтай. Этого недостаточно, учитывая огромную территорию Сибири и большое количество археологических памятников, представляющих историко-культурную ценность. Большое количество археологических памятников остается не музеефицировано и находится за пределами современного цивилизованного использования [2, с. 8–12].

Вместе с тем можно отметить, что проведённая музеефикация объектов археологического наследия в Сибири привела к созданию музеев разных типов на базе археологических памятников: от археологического парка «Лангепас» в Югре, до комплексного музея-заповедника «Томская писаница» [3, с. 209].

В музеефикации археологических объектов нам надо шире использовать зарубежный опыт. Заслуживает внимания опыт так называемой частичной музеефикации археологических объектов, как раскопанных, так и не исследованных курганов, и мест с древними наскальными изображениями, широко применяемый в Швеции. Принципы частичной музеефикации в том, что музей или музей-заповедник на месте памятника не создается, а около него делается смотровая площадка, устанавливается тумба с пояснительным текстом и делается простая ограда. На проезжей дороге устанавливается указатель, а в ближайшем посёлке, в магазине или кафе продают буклеты, путеводители и сувениры, посвящённые этому памятнику. Такую простую музеефикацию археологических памятников на месте надо использовать и в регионах Сибири.

Музеефикация других объектов наследия сельских территорий. Речь идет о поселениях, возникших в начале освоения Сибири в XVI–XVIII вв. по берегам Иртыша, Оби, Томи, места сибирских острогов, где жили служивые люди (карта С. У. Ремизова), о деревнях, возникших в XIX – начале XX вв., в связи со Столыпинской реформы. Что знают об истории своих поселений те, кто в них живет сейчас, что сделано местной властью по их простейшей музеефикации? Чтобы музеефицировать исторически ценный объект, не надо создавать повсюду музеи. Для этого достаточно установить памятную доску с пояснительным текстом на исторически ценный дом, привести его в надлежащий вид, заключить договор с собственником о возможности туристического осмотра. В исторических деревнях, где формировалось коренное население Сибири, целесообразно ставить поклонные кресты, памятные знаки с пояснительными текстами. Это позволило бы использовать исторически ценный ландшафт или древнее поселение в качестве объекта современного познавательного туризма. Возможностей на территориях сельских поселений много: это создание эко-музеев, эко-поселений, отдельных исторических сельских дворов с живой экспозицией и многое другое. Нужно желание и научный подход для сохранения исторической памяти, помня, что село умирает тогда, когда умирает историческая память о нём. Простейшая музеефикация недвижимых историко-культурных объектов на местах открывает возможность перевести памятники наследия в состояние активнодействующих объектов познавательного туризма [4, с. 35–44].

Таким образом, решение современных задач развития регионального туризма во многом зависит от умного использования имеющегося ресурса памятников историко-культурного наследия на территориях сельских административных образований, где, кстати, и расположено большинство недвижимых памятников историко-культурного наследия страны. Проблема не в отсутствии исторических и культурных объектов в Сибири, наоборот, они присутствуют в разной степени во всех сельских территориях, проблема, видимо, в другом, – в отсутствии интереса, иногда знаний, нежелании, неумении использовать недвижимые памятники наследия в интересах современного общества. Надо понять, что приведение в порядок памятников историко-культурного наследия, их музеефикация, – это не только возможность развития туризма, это формирование привлекательного образа наших сельских территорий, формирование исторических знаний, представлений о ценностях страны и её регионов.

Литература

1. Каулен М. Е. Музеи под открытым небом: многообразие моделей и проблемы выбора // Музеи-заповедники – музеи будущего. Елабуга, 2015. С. 11–34.
2. Мартынов А. И. Современные проблемы

использования историко-культурного наследия // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. Кемерово, 2002. С. 8–12.

3. *Каплун В. А.* Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип

современного музея: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2016. С. 209.

4. *Мартынов А. И.* Особенности и проблемы музеефикации культурно-исторического наследия России // Музеи-заповедники – музеи будущего. Елабуга, 2015. С. 35–44.

A. I. Martynov, Dr. of Historical Sciences, Professor
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)
prof_martynov@mail.ru

V. A. Kaplunov, Ph. D. in Culturology
Historical Cultural and Natural Museum-Preserve "Tomskaya Pisanitsa"
(Kemerovo, Russia)
mztp@bk.ru

PROBLEMS OF MUSEUMIFICATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF SIBERIAN RURAL TERRITORIES

The article draws attention to the fact that in Russia, which has a large space in Eurasia, there are a huge number of immovable monuments of historical and cultural heritage from the Paleolithic to the 20th century. In Siberia, a large number of unique monuments of historical and cultural heritage are concentrated: barrows with permafrost, ancient sanctuaries with rock paintings, "royal" mounds of the oldest Eurasian civilization I thousand. AD, monuments of the initial period of the development of Siberia in the XVI-XVIII centuries, settlements, ancient roads, monuments of mining and metallurgy, settlements that arose during the Stolypin reform. The use of this rich heritage does not adequately reflect the current tasks of using them. In modern Siberia, there are few museums and museum facilities. A huge number of heritage sites are not used.

About museums of rural territories of Siberia. The peculiarity of Russia is that most of the country's territory consists of rural areas and smaller rural territorial entities. Most of the immovable monuments of the country's historical and cultural heritage are concentrated in these territories. Most regional museums of local lore lack the exposition areas, personnel problems, poor conditions for storing exhibits, expositions built according to a standard pattern: the nature of the territory, including geology and geographic features of the territory, history and subject historical values, population data, ethnographic materials and display of Soviet subjects period, materials of the Great Patriotic War of 1941-1945.

Features of Russia, one must bear in mind that most of the country's territory consists of rural areas and smaller rural territorial entities. Most of the immovable monuments of the country's historical and cultural heritage are concentrated in these territories.

Museums of rural territory should be the basis of modern social and cultural development of territories, a new organizational and scientific approach to their activities in modern society is needed.

Immovable heritage monuments as a resource of modern society. An acute modern problem is the use of the potential of immovable historical and cultural monuments, which are possessed by absolutely all rural territories of the regions of Siberia. Unfortunately, heritage monuments are poorly used or not used at all as objects of museification and tourism.

Museification of monuments of archeology. Today, the issue of using the archaeological heritage is especially acute. The calculation of archaeological monuments carried out in the last century showed that in many regions, especially in South Siberia, archaeological monuments outnumber other monuments of heritage. It is known that the objects of the archaeological heritage, they are located, mainly in rural areas. In the 20th century. monuments of archeology in the country were considered only as objects of conservation and excavation for scientific purposes. Museification of them in Russia makes almost the first steps.

In the museumification of archaeological sites, we need to make greater use of foreign experience. The experience of partial museumification of archaeological sites, both excavated and unexplored burial mounds in Sweden, deserves attention.

Museification of other heritage sites in rural areas. We are talking about the settlements that arose in Siberia in the 16th – 18th centuries, about the villages of the 19th and early 20th centuries

Museification of historical and cultural sites on the ground, opens the possibility to transfer heritage monuments to the state of active objects of cognitive tourism. Thus, the solution of modern problems of the development of regional tourism depends to a large extent on the intelligent use of the resource of monuments of historical and cultural heritage in the territories of rural administrative entities.

Keywords: *rural area, museums, heritage, museumification, regional tourism, resource, modern problems.*

References

1. *Kaulen M. E.* Muzei pod otkrytym neбом: mnogoobrazie modelej i problemy vybora [Open-Air Museums: Variety of Models and Difficulties of Choosing] // Muzei-zapovedniki – muzei budushhego [Museums-Reserves Are Museums of the Future]. Elabuga, 2015. Pp. 11–34. [In Russ.].

2. *Martynov A. I.* Sovremennye problemy ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo nasledija [Today's Problems of Historical and Cultural Heritage Using] // Problemy sohraneniya i muzeifikacii pamjatnikov istoriko-kul'turnogo nasledija v prirodnoj srede [Problems of Preserving and Museumfication the Objects of Historical and Cultural Heritage on Natural Sphere]. Kemerovo, 2002. Pp. 8–12. [In Russ.].

3. *Kaplunov V. A.* Kompleksnyj muzej-zapovednik na osnove arheologicheskogo pamjatnika kak tip sovremennogo muzeja [A Complex Museum-Reserve on the Basis of an Archaeological Monument as a Type of a Today's Museum]. Kemerovo, 2016. P. 209.

4. *Martynov A. I.* Osobennosti i problemy muzeifikacii kul'turno-istoricheskogo nasledija Rossii [Peculiarities and Problems of Museumfication of Cultural and Historical Heritage of Russia] // Muzei-zapovedniki – muzei budushhego [Museums-Reserves Are Museums of the Future]. Elabuga, 2015. Pp. 35–44. [In Russ.].

УДК [069.01::069.5]:001.891.3

Е. Н. Мастеница, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
(Санкт-Петербург, Россия)
elenamast@yandex.ru

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОБЪЕКТ МУЗЕИФИКАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В статье рассматриваются музеологические подходы к дефиниции «нематериальное наследие». Анализируется спектр идей современных европейских и российских исследователей по вопросам сохранения, изучения и трансляции нематериального наследия, которые могут послужить методологическим базисом его музеефикации. Выявлена корреляция свойств музейного предмета и объекта нематериального наследия в рамках теоретических представлений.

Ключевые слова: культура, нематериальное наследие, музей, музеефикация, музейный предмет, объект нематериального наследия.

В современной гуманитаристике понятие «нематериальное наследие» появилось в последней четверти XX века, что было обусловлено как расширением границ музейного мира, так и трансформацией представлений о культурном наследии, видоизменившими научную парадигму музеологии. Сегодня она может быть определена как междисциплинарная сфера знания о всемирном, национальном и региональном наследии, о музейных способах и формах его сохранения и интерпретации, о путях его актуализации в современной культуре. Несмотря на непродолжительный срок существования, понятие «нематериальное наследие» прочно закрепилось в терминологическом аппарате не только музеологии, но и других наук: археологии, истории, философии, культурологии и т. д. Однако, по мнению И. А. Куклиной, именно сторонники «новой музеологии», французские ученые А. Девалье, Б. Делош, Ж. Давалон, Ф. Мэро одними из первых сделали акцент на выявлении и исследовании нематериальных составляющих наследия, придерживаясь расширенных взглядов на те элементы природной и культурной среды человека, которые могут быть музеефицированы [1, с. 71–75].

На современном этапе постижение прошлого и окружающей действительности в материальной и духовной ипостасях выдвигается в качестве приоритетного направления музеологии, при этом акцентируется одинаковая важность изучения, сохранения и трансляции как материального, так и нематериального культурного наследия: фольклора, обрядов, традиций, ритуалов, песен, танцев и т. д. «Целостность нематериального наследия как явления требует, чтобы внимание уделялось не только артефактам, но, прежде всего, людям, а также их габитусу и среде обитания, понимаемой как жизненное пространство и социальный мир», отмечает Барбара Киршенблатт-Гимблет [2, с. 5].

Осмысление нематериального наследия долгое время было связано с проблематикой сохранения и интерпретации, прежде всего, материального культурного наследия. Нематериальный мир выступал лишь его дополнением или составной частью. В силу этого поиск теоретических и методологических оснований, которые легли бы в основу процесса музеефикации наследия, был не только затруднён, но и невозможен. Размышляя об этом, А. З. Крейн писал: «Сколько долгий путь нужно пройти, дабы увековечить живые по сей день

традиции, которым угрожает исчезновение, изменение или какое-либо искажение? Как можем мы сохранить артефакты и представить (на всеобщее обозрение) коллекции, от которых зависит их выражение? И, в конце концов, сможем ли мы выставить и привлечь внимание публики к этому типу наследия? Эти назревшие вопросы трудны: мы слишком далеко ушли по пути приоритета материального...» [3, с. 50].

Период 1980–1990-х гг. был временем выявления и фиксации форм нематериальной культуры, обретавших статус музейных объектов, и одновременно важным этапом поиска концептуальных подходов к определению новой дефиниции. Предложенный Томиславом Шолой в 1982 г. термин «heritology» («наследиеология», «наследиеведение»), можно рассматривать как попытку обозначить новую область знания, которая должна была преодолеть сложившиеся границы музеологии. Новая наука получила название, в котором была возможность выхода за пределы институциональных рамок музея и обращения к собственно феномену наследия. По мнению Шолы, наука о наследии уже своим названием призвана охватить обширный комплекс проблем, связанных с отношением к наследию, а музейная деятельность будет являться лишь частью этой широкой сферы [14, р. 228–241].

В расширенном понимании трактовал понятие «наследие» Иво Мароевич, который также писал о нематериальном наследии в контексте изменения границ самого понятия «наследие». По его мнению, основу европейской модели музейной институции, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая 1980-ми гг., составляли собирание, хранение и демонстрация ценностей материального мира. Смысловое содержание предметов коллекций и собраний воспринималось как неотделимое от материального объекта. Разделяя музеологическую концепцию З. Странского, фундаментальным понятием которой была «музеальность», Мароевич рассуждает о том, что нематериальное наследие не исчерпывается только лишь музеологической теорией. Автор считает упрощённым и односторонним взгляд на нематериальное наследие как только на смысловое наполнение материального музейного предмета. В русле идей Томислава Шолы о необходимости создания науки о наследии Мароевич делает вывод о том, что нематериальное наследие непосредственно участвует в создании и сохранении коллективной и индивидуальной памяти. Кроме того, по его мнению, музеология и музеологи оставляют открытым вопрос о сохранении и репрезентации нематериального наследия в музее как части социальной идентичности [15, р. 84–89].

Очевидно, что нематериальное наследие и его постижение обусловлено определённым контек-

стом. Петер ван Менш указывал на то, что наряду с так называемым первичным или историческим контекстом подлинного проявления нематериального наследия в аутентичной среде его бытования, необходимо выделить и музеологический контекст, который следует трактовать как обращение к нематериальному наследию в рамках деятельности музея, культурного центра или центра наследия. Менш также выделял и археологический контекст нематериального наследия, когда неосознанные элементы культуры, такие как традиции, обряды, фольклор и т. д., обнаруживаются под слоями забвения или слоями отторжения [16]. Такой подход к исследованию связан с постоянной изменчивостью нематериального наследия, а также с концепцией культурной памяти. Уязвимым к изменениям, подверженным им и способным к перевоплощению делает его уникальная неосознанная природа.

С середины 1990-х гг. наступает следующий этап осмысления феномена нематериального наследия, рассматриваемого как самостоятельный объект музейного значения и потенциальный объект музеефикации. К этому времени относятся серьёзные музеологические исследования зарубежных учёных. Петер ван Менш справедливо отмечал, что как материальное, так и нематериальное наследие может соответствовать критериям сохранения, коммуникации и исследования в музее, с той разницей, что формы работы отличаются от тех, которые применяются в работе с физическим наследием [16, р. 135]. Сохранение нематериального наследия сводится к документации и фиксации любого его проявления. Современные формы и методы работы по сохранению нематериального наследия стремятся к реконструкции, репрезентации и ревитализации уникальных форм проявления наследия. Зачастую сохранение нематериального мира, по мнению Менша, происходит одновременно с реализацией музейной коммуникации. В конечном счёте, комплексная музейная работа с нематериальным наследием сводится к стимулированию интереса посетителей к познанию нематериального мира и обретению собственной идентичности в нём. Участие нематериального наследия в процессах музейной коммуникации только лишь способствует расширению и разнообразию коммуникационных практик. Потенциальными в актуализации нематериального наследия остаются выставочные формы коммуникации. Обращение к нематериальному наследию в музейно-педагогических программах, мероприятиях, лекциях, событиях, на занятиях в музейных мастерских способствует взаимному процессу обмена сообщениями между отправителем и получателем. Музейное сообщение одновременно и отправляется, и принимается. Передача нематериального наследия может происходить при помощи известных каналов связи (театр,

представление, зрители), или в ситуации, когда происходит активное участие посетителей в создании предметов, исполнении танца, выполнении обряда и церемоний, приготовлении традиционной пищи, дегустации традиционных продуктов питания и напитков и т. д. Не только моделируя текст нематериального наследия, но и внедряя наследие в современное бытие, посетители одновременно передают и принимают музейное сообщение. Все эти процессы происходят в контексте аутентичного или музеефицированного материала, за счёт ресурсов, которые могут быть частью сохранившейся материальной культуры [17, р. 187]. Что касается специальных исследований феномена нематериального наследия, то общенаучные методы, а также методы социальных и гуманитарных наук могут применяться к нематериальному наследию без каких-либо ограничений.

Значимыми для осмысления нематериального наследия стали симпозиумы, культурные программы, фестивали и учебные курсы по сохранению и возрождению нематериального наследия коренных групп. В период с 1989 по 2003 гг. состоялись Всемирный форум по охране фольклора (Пхукет, Таиланд, 1997), симпозиум по вопросам охраны традиционных знаний и форм культурного выражения коренного населения островов Тихого океана (Нумеа, Новая Каледония, 1999), программы «Живые сокровища человечества» (1993) и «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия человечества» (1997) [4, с. 11].

Итогом интенсивных научных дискуссий и одновременно руководством к активным действиям явилась Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия, принятая ЮНЕСКО в Париже (2003). В ней дано определение термина «нематериальное культурное наследие», которое трактуется как «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека» [5]. С целью конкретизации понятия в Конвенции выделяются области проявления нематериального культурного наследия:

– устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;

– исполнительские искусства;

– обычаи, обряды, празднества;

– знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной;

– знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [5].

Указанный порядок позволяет классифицировать элементы нематериального наследия. Ведущими направлениями в сохранении нематериального культурного наследия в Конвенции указаны мониторинг, учёт и актуализация. В данном документе впервые легитимировано создание репрезентативного списка нематериального культурного наследия; списка нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране; программ и проектов по охране нематериального культурного наследия.

В Российской Федерации Конвенция до сих пор не ратифицирована. В «Список шедевров устного и нематериального наследия», составляемый в рамках программы ЮНЕСКО, от России занесены два историко-этнографических памятника: культурное пространство и устное народное творчество старообрядческой общины семейских на территории Забайкалья (2001) и национальный якутский эпос «Олонхо» (2005). В Концепции по сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации трактовка нематериального культурного наследия совпадает с положениями Конвенции ЮНЕСКО 2003 года [6, с. 5].

Обращаясь к вопросу о том, как именно нематериальное наследие представлено в музеях разных профилей, мы можем сказать, что объекты нематериальной культуры хотя и в достаточно скромных масштабах, но уже являются объектами музеефикации, а, следовательно, сохранения и презентации. Нематериальное наследие всё шире подвергается документированию и вследствие этого включается в процесс научного комплектования музейных собраний. Однако, по нашему мнению, полноценное «вхождение» элементов нематериального наследия в сферу музейной деятельности требует преодоления еще бытующих стереотипов, целенаправленных усилий по определению теоретических и концептуальных оснований музеефикации нематериального наследия, разработки и апробации методов работы с нематериальным наследием.

Соглашаясь с мнениями упомянутых зарубежных авторов о том, что границы наследия неизмеримо шире границ музея, мы считаем целесообразным рассмотреть соотношение объекта нематериального наследия с музейным предметом как первоосновой всех направлений музейной деятельности в рамках сложившихся теоретических музеелогических представлений, в том числе развивая и наши собственные представления в данной области [7, 8].

Современная наука трактует музейный предмет как «включённый в музейное собрание историко-культурный или природный объект, являющийся первоисточником знаний и эмоционального воздействия и обладающий музейной ценностью» [9, с. 405]. Однако нематериальное наследие не может быть в прямом смысле слова материализовано в объекте. Действительно, трудно дать теоретическое обоснование и чёткие практические рекомендации по поводу того, как именно работать с идеальными, с философской точки зрения, объектами. Культурный феномен в виде традиционного ремесла или ритуала можно достаточно продолжительное время фиксировать и сохранять, описывая последовательность действий, которые приведут к результату. Но при этом музеефикация не распространяется на главные составляющие ритуала или ремесла: отношение человека к создаваемому, импульс и развитие его творческой мысли, возможность импровизации.

Осмысление нематериального наследия как объекта музеефикации необходимо начать с рассмотрения свойств объекта нематериального мира, который нельзя в прямом смысле слова назвать музейным предметом, но, как нам представляется, можно с ним коррелировать. Отметим, что объекты нематериального наследия обладают всеми признаками материальных объектов музейного значения за исключением одного – они неосвязаемы. По отношению к такому свойству как информативность следует подчеркнуть, что объекты нематериального культурного наследия зачастую содержат гораздо больший объем информации, чем материальные музейные предметы, так как первые представляют собой процесс, ментальные представления, абстрактные образы, ценностные нормы, нравственные критерии, эстетические категории в разнообразных проявлениях человеческой деятельности. В случае, если это процесс (или историческая технология), доступность его обозрения и возможность личного участия достигаются сложным путём приспособления и интерпретации «неклассического» для музея языка репрезентации. Экспрессивность объекта нематериального наследия выражается в степени эмоционального воздействия объекта на посетителя, и она также может быть очень высока. Аттрактивность и репрезентативность, как и экспрессивность, характеризуют нематериальный объект музейного показа как феномен, имеющий особый статус в силу специфики своего сущностного содержания. Так, М. Е. Каулен, уделяя специальное внимание анализу традиционной культуры, называет «музейным объектом нематериального наследия <...> основанную на традиции форму культурной деятельности, признанную человеческим сообществом частью историко-культурного наследия и музеефицированную полностью или частично» [10, с. 11].

Очевидно, что статус и характер репрезентации наследия в музее зависят от его сохранности. Каулен полагает, что прежде, чем стать музейным предметом, объекты нематериального наследия, как и материального, проходят несколько этапов включения в смысловое пространство экспозиции. Ею выделены и обозначены следующие этапы: фиксация, ревитализация, моделирование, конструирование. Кроме того, исследователем была предложена классификация музейных объектов нематериального наследия. Одним из принципов, положенных в основу этой классификации, является способ музеефикации наследия. Каулен выделяет также такую важную категорию, которая отражает полноту репрезентации наследия в музее или «полноту погружения посетителя» [11, с. 76] в процесс репрезентации. Определенную сложность представляет попытка классифицировать объекты на основании того, как именно музеи репрезентируют нематериальное наследие. Музеология и современные исследования в области нематериального наследия, по мнению автора, сталкиваются с задачей одновременного моделирования наследия и реконструкции смыслового пространства, культурного и информационного поля, в которых ранее бытовали конкретные объекты [12, с. 124–126].

Заслуживают внимания и другие подходы к музеефикации нематериального наследия, обоснованные зарубежными исследователями. Так, Р. Байер-де Хаан выделяет несколько способов работы с нематериальным наследием в музее: медиальное собрание наследия, что представляет собой фокусирование внимания на нематериальном мире как на сложной и неотъемлемой части культурной памяти с помощью изобразительных материалов, сопроводительных звуков, электронных медиа материалов; эвоцированное нематериальное наследие, задачей которого является визуализация сложных понятий «ценности», «настроение», «менталитет» с помощью экспозиционных комплексов и инсценировок нематериального наследия; демонстрация в пространстве музея традиций, ритуальных и обрядовых действий, ремесленных технологий [13, с. 19].

Согласно прогностическим утверждениям И. Мароевич, в дальнейшем современные музеи будут двигаться в направлении интеграции материального и нематериального наследия. В связи с расширением музеологической концепции музеи призваны выявлять и представлять всё более широкие слои музеальности объектов – все больше обращаться к нематериальной части их содержания или ценности. Таким образом, всё более и более значительная часть нематериального мира будет интерпретироваться с помощью доступных ресурсов материального мира, тем самым создавая

все большую взаимозависимость между ними [15, p. 87].

Некоторые интересные позиции по вопросу сохранения и презентации нематериального наследия обозначил Мишель ван Прет. Он полагает, что главный контекст исследования нематериального мира опирается на изучение широкого спектра традиций, обрядов, ритуалов, на которых основываются культурные отношения между социумом и средой. Изучение этих процессов направлено на сохранение традиционной культуры сообществ. Вторая позиция позволяет рассматривать нематериальное наследие как неотъемлемую часть музея, который не только создает и реализует выставочные проекты, осуществляет коммуникацию с посетителем, но и объясняет естественные процессы, происходящие в обществе. В результате такой точки зрения нематериальное наследие стало экспонироваться как самостоятельный музейный предмет не только в музеях этнографии, истории, но и в музеях науки и техники. Третья современная позиция позволяет изучать нематериальный контекст объектов природного наследия. Национальные парки, заповедные зоны и ландшафты также могут быть сохранены и музеефицированы комплексно, включая ареалы подвергающихся угрозе видов растений и животных, территории, ценные с научной или эстетической точки зрения, изменение климата и взаимодействие природного наследия с человеком, обществом [18, p. 11].

На рубеже XX–XXI вв. в связи с нарастанием глобализационных процессов проблема сохранения объектов нематериального наследия оказалась в центре внимания ввиду угрозы полного исчезновения многих важных для самоидентификации человека форм культуры. Музеефикация нематериального культурного наследия набирает темпы и требует углубленной разработки вопросов его сохранения и презентации. По нашему убеждению, активное включение проблематики нематериального наследия в сферу интересов теоретической и практической музейной герменевтики, несомненно, повлечёт за собой не только изменение методов музейной работы, повлияет на развитие экспозиционных и интерпретационных практик, но и приведёт к созданию музеев нового типа, как это уже произошло с возникновением экомузеев, живых музеев. Очевидно, что приоритетным направлением научной и культурно-образовательной деятельности таких музеев будущего станет интерактивное постижение нематериального наследия наряду с материальным, способное раздвинуть границы и горизонты самого музея в физическом и метафизическом смыслах.

Литература

1. Куклинова И. А. Понятие «наследие» в системе научных взглядов представителей «новой музеологии» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 1. С. 71–75.
2. Кириенко-Гимбет Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство // Вопросы музеологии. 2013. № 2. С. 3–16.
3. Крейн А. 3. Жизнь в музее. Москва, 2002. 608 с.
4. Климов Л. А. Нематериальное наследие и музей // Музей. 2013. № 7. С. 10–12.
5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: принята 17 окт. 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединённых Наций, 2003. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (23.04.2017 г.).
6. Белугина Г. К. Актуализация нематериального культурного наследия в музейно-выставочной и туристическо-рекреационной деятельности (на примере Ивановской области): автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2011. 22 с.
7. Мастеница Е. Н. Музейный предмет как объект информации и факт культуры // Человек в информационном пространстве цивилизации. Краснодар, 2000. С. 87–90.
8. Мастеница Е. Н., Шляхтина Л. М. Музейный предмет как объект культуры: актуальные проблемы интерпретации // Рубежи памяти: музей и наследие современной культуры. Санкт-Петербург, 2015. С. 178–190.
9. Дукельский В. Ю. Музейный предмет // Российская музейная энциклопедия. Москва, 2001. Т. 1. С. 405.
10. Каулен М. Е. Вторая жизнь традиции // Музей и нематериальное культурное наследие. Москва, 2005. Вып. 6. С. 13–24.
11. Музейное дело России. Москва, 2003. 614 с.
12. Каулен М. Е. Роль музея в сохранении и актуализации нематериальных форм наследия // Культура памяти. Москва, 2003. С. 123–140.
13. Байер-де Хаан Р. Несколько замечаний по поводу нематериального наследия // Музей. 2013. № 7. С. 18–19.
14. Šola T. Essays On Museums and Their Theory: Towards the Cybernetic Museum. Helsinki, 1997. 293 p.
15. Maroević I. Museology and the Intangible Heritage together against the Traditional Museum or Are We Returning to the Original Museum? // ICOFOM Study Series. 2000. No. 32. Pp. 84–89.
16. Mensch P. van. Towards a Methodology of Museology // Information Centre of Estonian Museums, 1992. URL: http://www.muuseum.ee/en/erialane_areng/museoloogialane_ki/p_van_mensch_toward (26.04.2017 г.).
17. Mensch P. van. Museology as a Scientific Basis for the Museum Professions. Professionalising the Muses. Amsterdam, 1989. Pp. 85–95.
18. Praët van M. Natural Heritage – Three Perspectives on Intangibility // ICOM News. 2004. Vol. 57, No. 1. P. 11.

E. N. Mastenitsa, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Culture (Saint Petersburg, Russia)
elenamast@yandex.ru

INTANGIBLE HERITAGE AS AN OBJECT OF MUSEUMIFICATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES

At the present time comprehension of the past and modern reality in material and spiritual forms moves forward as the priority direction of a museology. Its prominent representatives accent identical importance of preservation both material, and non-material cultural heritage. In article the stages of non-material heritage phenomenon since the last quarter of the 20th century are allocated so far. Museological approaches to a definition «non-material heritage» which was strongly fixed in the humanities are considered by the author. The wide range of the ideas modern European (T. Shola, I. Maroyevich, P. von Mensch, R. Bayer Haan, B. Kirshenblatt-Gimblet, etc.) and also the Russian (M. E. Kaulen, L. A. Klimov, G. K. Belugina, etc.) researchers are analyzed. These ideas concerning preservation, studying and transfer to new generations intangible heritage can serve as methodological basis of its museumification. The general idea that full "occurrence" of intangible heritage elements to the sphere of museum activity demands overcoming still the occurring stereotypes, purposeful efforts on definition of the theoretical and conceptual bases of representing intangible heritage in museum as well as approbation of its interpretation methods is approved. In this regard the author has revealed correlation between a museum subject properties and object of intangible heritage within theoretical frame of a museum subject properties and functions. In the conclusion it is noted that active inclusion of non-material heritage problems in the sphere of interests of theoretical and practical museum hermeneutics will cause not only change of museum activities methods, but also will lead to creation of new type museums. Intensive and interactive comprehension of non-material heritage along with material, capable to move apart borders and the horizons of the museum in physical and metaphysical meanings will become the priority direction of scientific, cultural and educational activity of such museums in the future.

Keywords: culture, non-material heritage, museum, museumification, museum subject, object of intangible heritage.

References

1. Kuklinova I. A. Ponyatie «nasledie» v sisteme nauchnykh vzglyadov predstavitelei «novoi muzeologii» [“Heritage” Concept in Context of New Museologists’ Views] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art Studies]. 2014. No. 1. Pp. 71–75. [In Russ.].
2. Kirshenblatt-Gimblet B. Nematerial'noe nasledie kak metakul'turnoe proizvodstvo [Intangible Heritage as

Metacultural Production] // Voprosy muzeologii [Questions of Museology]. 2013. No. 2. Pp. 3–16. [In Russ.].

3. Krein A. Z. Zhizn' v muzee [Life in a Museum]. Moscow, 2002. 608 p. [In Russ.].

4. Klimov L. A. Nematerial'noe nasledie i muzei [Intangible Heritage and a Museum] // Muzei [Museum]. 2013. No. 7. Pp. 10–12. [In Russ.].

5. Konvencija ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo nasledija: prinjata 17 okt. 2003 g. General'noj konferenciej Organizacii Ob#edinennykh Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage: adopted by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Oct. 17, 2003]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (23.04.2017). [In Russ.].

6. Belugina G. K. Aktualizatsiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya v muzeino-vystavochnoi i turistichecko-rekreatsionnoi deyatel'nosti (na primere Ivanovskoi oblasti) [Intangible Cultural Heritage Actualization in a Museum Exhibition and Touristic Activities (the Ivanovo region example)]. Yaroslavl, 2011. 22 p. [In Russ.].

7. Mastenitsa E. N. Muzeinyi predmet kak ob"ekt informatsii i fakt kul'tury [A Museum Item as an Object of Information and A Fact of Culture] // Chelovek v informatsionnom prostranstve civilizatsii [Human in Informational Field of Civilization]. Krasnodar, 2000. Pp. 87–90. [In Russ.].

8. Mastenitsa E. N., Shlyakhtina L. M. Muzeinyi predmet kak ob"ekt kul'tury: aktual'nye problemy interpretatsii [A Museum Item as An Object of Culture: Actual Problems of Interpretation] // Rubezhi pamyati: muzei i nasledie sovremennoi kul'tury [Memory Borders: Museum and Today's Culture Heritage]. Sankt-Peterburg, 2015. Pp. 178–190. [In Russ.].

9. Dukelsky V. Yu. Muzeinyi predmet [A Museum Item] // Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya [Russian Museology Encyclopaedia]. Moscow, 2001. Vol. 1. P. 405. [In Russ.].

10. Kaulen M. E. Vtoraya zhizn' traditsii [The Second Life of A Tradition] // Muzei i nematerial'noe kul'turnoe nasledie [Museum and Intangible Cultural Heritage]. Moscow, 2005. Is. 6. Pp. 13–24. [In Russ.].

11. Muzeinoe delo Rossii [Russian Museology]. Moscow, 2003. 614 p. [In Russ.].

12. Kaulen M. E. Rol' muzeya v sokhranении i aktualizatsii nematerial'nykh form naslediya [A Museum's Role in Conservation and Actualization of Intangible Culture Forms] // Kul'tura pamyati [Culture of Memory]. Moscow, 2003. Pp. 123–140. [In Russ.].

13. Baier-de Khaan R. Neskol'ko zamechaniy po povodu nematerial'nogo naslediya [A Few Notes On Intangible Heritage] // Muzei. 2013. No. 7. Pp. 18–19. [In Russ.].

14. Sola T. Essays On Museums and Their Theory: Towards the Cybernetic Museum. Helsinki, 1997. 293 p. [In Eng.].

15. Maroević I. Museology and the Intangible Heritage together against the Traditional Museum or Are We

Returning to the Original Museum? // ICOFOM Study Series. 2000. No. 32. Pp. 84–89. [In Eng.].

16. *Mensch P. van.* Towards a Methodology of Museology // Information Centre of Estonian Museums, 1992. URL: http://www.muuseum.ee/en/erialane_areng/museoloogialane_ki/p_van_mensch_toward (26.04.2017). [In Eng.].

17. *Mensch P. van.* Museology as a Scientific Basis for the Museum Professions. Professionalising the Muses. Amsterdam, 1989. Pp. 85–95. [In Eng.].

18. *Praët van M.* Natural Heritage – Three Perspectives on Intangibility // ICOM News. 2004. Vol. 57, No. 1. P. 11. [In Eng.].

УДК 316.7:[(=112.2):(571.1)]

О. М. Рындина, доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Россия)
gynom_97@mail.tomsknet.ru

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ: РЕТРОСПЕКЦИЯ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НАРЫМСКОГО КРАЯ

В статье определяются основные тенденции в научной рефлексии по поводу традиции. Рассматривается диалектика традиции и инновации как адаптивного механизма этнической культуры в период социальных катаклизмов. Прослеживается динамика этнической культуры российских немцев, депортированных в Нарымский край.

Ключевые слова: этнос, культура, традиция, инновация, депортация, российские немцы, Нарымский край.

Вплоть до второй половины XX в. традиция рассматривалась в гуманитаристике с позиций эволюционизма как элемент предшествующей стадии развития общества, основа инертности, заостренности общества, оппозиция его развитию. В этнологии базовым стал метод «пережитков», предложенный Э. Тайлором, согласно которому выявление и изучение в современности элементов культуры предшествующих эпох позволяет реконструировать черты этих эпох. «Когда с течением времени происходит общая перемена в положении народа, то и в изменившейся действительности обыкновенно приходится встречать много, что, очевидно, имеет свои корни не в новом порядке вещей, а является просто наследием старого. Устойчивость пережитков позволяет утверждать, что цивилизация народа, у которого обнаруживаются подобные пережитки, является продуктом какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставших непонятными обычаев и воззрений. Таким образом, собрания подобных фактов должны служить предметом разборки как рудники исторического знания» [1, с. 66].

Со второй половины XX в., вместе с серьёзно пошатнувшимися позициями эволюционизма, происходит и переосмысление роли традиции. Активно в указанном направлении развивалась отечественная гуманитаристика, этнология и культурология. В 1970–1980-е гг. прокатилась волна дискуссий о роли и месте традиции в обществе. Наиболее убедительной, хотя и с некоторыми оговорками, была признана позиция культуролога

Э. С. Маркаряна. Согласно ей, «культурная традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путём пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [2, с. 153]. Будучи автором адапционно-деятельностного подхода к культуре, Э. С. Маркарян отводил традиции роль механизма в процессе приспособления культуры к новым условиям. При этом он рассматривал традицию в диалектике с инновацией, подчёркивая, что если первая срабатывает при адаптации к предвидимым культурой условиям, то вторая – к непредвидимым [3, с. 82].

На раскрытии диалектики традиции и инновации остановился и С. А. Арутюнов, выделив 4 стадии в процессе внедрения инновации в культуру. Во-первых, селекция, которая состоит в отвержении одних и отборе других элементов, чуждых культуре. Во-вторых, воспроизведение, которое заключается в простом копировании не известных ранее элементов культуры. В-третьих, модификация, которая предполагает приспособление инновации к специфическим чертам культуры. В-четвёртых, структурная интеграция, которая ведёт к превращению инновации в органическую часть культуры, её переосмыслению и превращению в традицию [4, с. 15–16].

Как видим, традиция трактуется как имманентное свойство культуры в любом хронологическом диапазоне её существования, как основа стабильного развития общества. Диалектика традиции

и инновации обеспечивают существование культуры меняющихся природных, исторических, социальных и политических условиях. При взаимодействии двух начал базовым является традиция. Во-первых, именно она осуществляет селекцию инноваций, и результат определяется степенью их согласованности, соответствия друг другу. Во-вторых, традиция выступает в роли начала, преобразующего инновацию, но при этом и сама отличается пластичностью, способностью к трансформации под воздействием инновации. Укоренившаяся инновация превращается в традицию, являя по сути их симбиозный вариант, который может осмысливаться как этнопоказательная черта культуры.

Укрепление со второй половины XX в. позиций конструктивизма скорректировало и подход к традиции. Э. Хобсбаум поставил вопрос о конструировании традиций в современности и назвал таковые «изобретённая традиция». Под нею исследователь понимает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью её является внедрение определённых ценностей и норм поведения, а средством достижения – повторение. Последнее автоматически предполагает преемственность во времени... Специфика «изобретённых» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивна. Говоря коротко, эти традиции представляют собой ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой» [5, с. 48], т. е. репрезентацию. Субъектом конструирования может быть как отдельная личность, так и определённая социальная группа, а потребность в конструировании наиболее остро ощущалась в периоды «радикального преобразования общества, когда быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали новые формы, к которым эти традиции уже невозможно было приложить» [5, с. 51].

Автор оставляет за скобками вопрос о том, «сколь много новые традиции могут заимствовать из старых материалов, сколь далеко заходят творцы традиций в процессе изобретения нового языка или символа, насколько они при этом преступают допустимые пределы использования старого словаря» [5, с. 54]. Вместе с тем именно указанный вопрос представляется ключевым, по сути это вопрос о взаимоотношении традиции в её классическом понимании и инновации/«изобретённой» традиции. Опираясь на отечественную методологию и исследовательский опыт, можно заключить, что «изобретённая» традиция только тогда станет действительно традицией, если будет изобретена с учётом уже имеющего культурного опыта и базовых для данного общества ценностей. Не опирающийся на

корни прошлого конструкт может быть отвергнут, предан забвению.

Изучение этнической культуры в условиях социальных катаклизмов проливает свет на характер взаимодействия традиции и инновации. Данное положение в полной мере приложимо к трансформации этнической культуры российских немцев в условиях депортации. При этом следует учитывать ещё одно положение отечественной этнологии – разграничение сопряжённых понятий «этническая культура», вбирающая в себя «индивидуальное, своеобразное сочетание различных элементов культуры», и «культуры этноса» как совокупность способов жизнедеятельности, которые обеспечивают функционирование этноса как социального организма и лишены неповторимости и своеобразия [6, с. 53].

Одним из мест, куда направляли переселенцев из Республики немцев Поволжья и Украины, стал образованный 26 мая 1932 г. Нарымский округ, который в 1937 г. включал территорию восьми современных северных районов Томской области. Миграционный поток состоял из нескольких волн разной интенсивности. На 1930-е гг. приходится выселение сюда «кулаков» и «врагов народа». На осень 1942 г. пришлось вторичная депортация немцев для обеспечения рабочими руками лесной и рыбной отраслей хозяйства. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край было вывезено 15 тыс. человек [7, с. 433]. Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории края. Незначительно дополнили её численность лица, попавшие под репатриацию.

Легитимизированный механизм депортации включал в себя меры по обеспечению переселенцев жильём, пищей, работой. На деле всё, кроме работы, было отдано на откуп самим переселенцам, которые оказались на грани физического выживания, поскольку хлебного пайка, продуктов и зарплаты, выдаваемых соответственно на лесозаготовках, в колхозах и на рубзаводах, катастрофически не хватало. Особенно тяжёлым стало время с осени 1942 г. по осень 1943 г., пока не созрел первый урожай картошки на посаженных переселенцами огородах. В экстремальных условиях на первый план вышла «предпосылочная» функция культуры – функция физического выживания этнической общности.

При этом задействованными оказались все «подручные средства», нетрадиционные ни для этнической культуры, ни для культуры этноса. Во-первых, продавали или обменивали на продукты всё привезённое с собой из Поволжья или с Украины: костюмы, пуховые подушки, одеяла, музыкальные инструменты, кольца, швейные машинки. Во-вторых, измождённые на работе, истощённые от постоянного недоедания матери в свободное

от работы время нанимались к местным жителям обрабатывать огороды, копать картошку, доить коров и в качестве платы за труд получали продукты. В-третьих, дети становились няньками, нередко ходили по дворам и просили подавание. *«Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента... нередко прогоняли и называли «фашисткой», но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем... чаще и ходила»* [8, с. 105]. Приходилось ребятишкам побираться и по помойкам: *«собирали и ели выброшенные косточки от рыб. Летом варили лебеду и крапиву, их в деревне не росло – всё сорвали и съели»* [9]. Весной тайком перекапывали поля с картошкой, пытаясь найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепёшки. В-пятых, ещё одним способом избежать голодной смерти стал активный сбор в лесу летом дикоросов. Порой незнание особенностей местной флоры оборачивалось трагическими последствиями. *«Весна 1943 года была голодной, поэтому, когда пошли грибы сморчки, люди обрадовались, стали собирать их и варить, но не знали, как правильно готовить... Агафья рассказывала, что когда попробовала воду, то она показалась ей вкуснее, чем куриный бульон, как будто молоком заправлена. Но что-то удержало её, и она съела немного грибов. Спасло родственников то, что Роман ловил рыбу, щук и окуней, обменивал их на молоко... и отпаивал молоком и кормил ухой своих отравившихся родственников и знакомых... Они выжили, но много людей умерло»* [10, с. 123].

Востребованными в Нарымском крае оказались архаические традиции, пребывавшие в этнической культуре в рецессивном состоянии. Так, все собеседники сообщали об оставленных в Поволжье и на Украине деревянных или кирпичных домах. В Нарыме зафиксирован случай возрождения традиции постройки жилища из дёрна – «пластянки». *«Сначала семью поселили у хантов в срубном доме. Позднее Альберт построил из дёрна свой. Лопатой нарезал дёрн на прямоугольные куски, срезал траву, перевернул каждый кусок, подравнивал землю. Затем вкопал 4 столба по углам будущего дома, посередине поставил 3 опоры под балки. Между столбами из пластин дёрна выложил стены, обмазал их глиной, смешанной с навозом, а внутри – ещё и илом. Пол укрепил илом с навозом. Внутри соорудил нары»* [11, с. 72]. К. В. Чистов определил подобную вторичную форму традиции как регенерированную, т. е. изжитую, но восстановленную под влиянием каких-либо факторов [12, с. 50].

Регенерированная форма вторичной традиции массово проявила себя при сооружении «землянок», как называют их информаторы. Речь идёт о полуземлянках, сооружаемых сразу по прибытии в Нарымский округ. Она представляла собой «вы-

рытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым атрибутам мебели относились скамейки, сделанные своими руками» [13, с. 113]. Зимой окна затягивали «бычьим пузырьём». Зафиксированы и сведения о полуземлянке, наземную часть которой составляли два венца сруба, в которых вырубалось окно. Сооружались полуземлянки преимущественно женскими и детскими руками, как правило, на несколько семей.

По мере преодоления послевоенных трудностей, либерализации политики по отношению к депортированным народам, из экстремального состояния постепенно выходила не только культура этноса, но начали возрождаться и элементы этнической культуры. Применительно ко второй половине 1950-х гг. указанные процессы уже хорошо фиксируются в Нарымском крае.

После войны старались обзавестись собственным жильём: строили небольшие срубные дома, размером иногда 4х4,5 м, с двускатной крышей, к ним примыкали бревенчатые или дощатые сени. Здесь сразу поселилась немецкая аккуратность. *«В доме часто белили, особенно печь, следили за порядком, тщательно заправляли кровать и следили за её опрятным видом: красиво складывали подушки, крахмалили наволочки, пользовались накидушками. Полы были деревянными»* [14, с. 71].

В 1950–1960-е гг. разраставшиеся немецкие семьи переселялись и в более просторные дома, двух-, а позднее и четырёхкомнатные. Характерную планировку немецкого дома задавало расположение печи, выдвинутой к середине. Она представляет собой симбиозный вариант немецкой и русской печи. Её стенки намечают расположение комнат: боковые – прихожей и кухни, задняя – спальни и гостиной. Печь пользовалась особым вниманием хозяек: она должна была выглядеть всегда опрятно и аккуратно, поэтому её часто белили. В немецком доме именно печь и кровать задавали тон интерьеру и являлись его безусловными доминантами. Отношение к кровати нашими информаторами признано чертой немецкой ментальности. *«Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое*

покрывало было предметом семейной гордости... На заправленную кровать никому не позволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях» [15, с. 40–41]. Вместе с тем в немецком доме не прижилась классическая для русского жилища основополагающая диагональ: печь – красный угол. Тому препятствовали католические и протестантские, прежде всего лютеранские, конфессиональные традиции, в которых икона не заняла видного места.

Чертой немецкого подворья в Нарымском крае стало соединение под одной крышей дома и летней кухни, чтобы вход в них был надёжно защищён от непогоды. Расположение хозяйственных построек обнаруживает два варианта: рядное, параллельное или перпендикулярное дому, и Г-образное, примыкающее к нему. Немецкая хозяйственность проявилась и во внутреннем обустройстве стоек, тщательно спланированных с учётом разных пород домашнего скота и санитарных условий.

Нормализация питания возродила в нём традиции немецкой кухни. Наиболее показательным в ней стало блюдо, зафиксированное в трёх вариантах приготовления и имеющее четыре названия. Наиболее часто употребляемое название – «штрудель». Тесто, замешанное на соде, раскатывали в лепёшку, смазывали маслом, скатывали в рулет, разрезали на ломтики и клали поверх тушащейся с мясом капусты. Второе название блюда – «Strombes». Различие касается лишь способа приготовления теста – на простокваше. Воздействие инновации сказалось на втором варианте блюда – «квике́льте»: ломтики рулета из теста, замешанного на простокваше, тушили, уложив поверх картофеля. Для депортированных немцев первого поколения картофель не мыслился как традиционное блюдо. Третий вариант – «штрюли», или «штрудель»: поверх тушащейся капусты кладут не ломтики рулета, а галушки из теста на простокваше или соде. Ещё одним любимым блюдом и по сей день является «Kraut und Prei» – тушёная со свиными рёбрышками и чесноком капуста, которую клали поверх картофельного пюре. Выпечка так же чётко очерчивает специфику немецкой кухни, прежде всего «Riewelkuche» – пироги, посыпанные крошкой из муки, масла и сахара, главное блюдо во время праздничного застолья. Инновационным элементом стало использование варенья для приготовления выпечки. Популярны и поныне «кребли» наподобие хвороста. Их пекли к чаю. Правда, чай, согласно немецкой традиции, старались по возможности заменить киселем, компотом, какао. Нетрадиционность чая сказалась и в том, что по праздникам варили компот.

Итак, современная наука трактует традицию как имманентное свойство этнической культуры,

основу её стабильности, но адаптивные возможности культуры обусловлены взаимодействием традиции и инновации и превращением последней в традицию, правда в виде, трансформированном по сравнению с первоначальным вариантом. Воздействие инноваций актуализируется в периоды социокультурных катаклизмов. Задействованными оказываются и традиции, пребывавшие в рецессивном состоянии, они переводятся в актив. Данные теоретические постулаты подтверждаются материалами по культуре российских немцев Нарымского края.

Литература

1. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. Москва, 1989. 573 с.
2. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Москва, 1983. 284 с.
3. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.
4. Арутюнов С. А. Процессы и закономерности внедрения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.
5. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
6. Арутюнов С. А., Мелконян Э. Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах // Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 53–60.
7. Герман А. А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 401–443.
8. Ситников В. А. Суровые испытания (о Трифоновой (Вагнер) Полине Петровне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 104–107.
9. Полевые материалы автора. М. Ф. Греф (Вельш), с. Новоникольское Александровского района, 2016.
10. Малахова Г. Р. Трудный путь семьи Батц // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016. С. 110–138.
11. Рындина О. М. «Оставайся хозяином!» (об Альберте Генриховиче Симоне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Александровский район. Томск, 2014. С. 71–75.
12. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Ленинград, 1986. 304 с.
13. Кретова С. А. Преодолевая трудности (о Целуйко (Пауль) Фриде Яковлевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 112–116.
14. Галактионова Е. А. Соединил Тогур (о Чичигиной (Кильман) Фриде Георгиевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016. С. 70–72.
15. Сысоева М. С., Рындина О. М. Две «мясорубки» (о семье Баймлер) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016. С. 34–42.

O. M. Ryndina, Dr. of Historical Sciences, Professor
National Research Tomsk State University (Russia, Tomsk)
rynom_97@mail.tomsknet.ru

TRADITION AND INNOVATION: RETROSPECTION OF RUSSIAN GERMANS' CULTURE IN NARYM KRAI

The article based on field data of the author and participants of ethnographic expeditions to Alexander, Kargasovsky, Parabel and Kolpashevsky districts of the Tomsk region, took place in the years 2013-2016 deals with the problem of the transformation of ethnic culture in the extreme socio-political situation; the mechanism of interaction between tradition and innovation as a mechanism of cultural transformation is investigated. The problem is investigated in relation to the culture of the Russian Germans who were deported to Narym Territory at different times, but mostly in the secondary deportation autumn of 1942. The process of adaptation to difficult conditions of the Great Patriotic War and in the post-war are reconstructed. The proposed division of the national historiography of culture on "ethnic culture" and "culture of ethnos" is used to explain uncovered adaptation processes and mechanisms. A change in attitude towards tradition in scientific discourse, beginning with evolutionism is retraced. As a methodology, domestic developments are applied to the cultural tradition. The main features of its interpretation are characterized: the basic property of culture, the factor of social stability, the leading role in interacting with innovation, including the "invented" tradition. Non-traditional ways of the self-sustaining of deported Germans are reviewed. Updating the archaic traditions that were in the parent culture in the recessive state – "plastyanka" (small residential or auxiliary building made up of sod) and half-dugouts are demonstrates. The loss of ethnic and cultural traditions in the post-war decade are observes. There are identified the German traditions in the house (role of an oven in a plan the house, oven and bed in the interior) and household building (parallel, perpendicular, and L-shaped arrangement in relation to the house, fusion constructions in a row), food (prevalence of starchy foods, vegetable and meat ingredients, the most typical dishes – «Strudel», «Kraut und Prei», «Riewelkuche»).

Keywords: *ethnos, culture, tradition, innovation, deportation, Russian Germans, Narym Territory.*

References

1. *Taylor E. B.* Pervobytnaia kultura [Primitive Culture]. Moscow, 1989. 573 p. [In Russ.].
2. *Markaryan E. S.* Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka [Theory of Culture and Modern Science]. Moscow, 1989. 284 p. [In Russ.].
3. *Markaryan E. S.* Uzlovye problemy teorii kul'turnoj tradicii [Key Problems of the Cultural Tradition Theory] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1981. No. 2. Pp. 78-96. [In Russ.].
4. *Arutyunov S. A.* Processy i zakonomernosti vnedreniya innovacij v kul'turu etnosa [Implementation of Innovations in the Ethnic Culture Context: Processes and Consistent Patterns] // *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1982. No. 1. Pp. 8-21. [In Russ.].
5. *Hobsbaum E.* Izobretenie tradicii [The Invention of a Tradition] // *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia]. 2000. No. 1. Pp. 47-62. [In Russ.].
6. *Arutyunov S. A., Melkonyan E. L.* Kul'tura zhizneobespecheniya v etnicheskikh sistemakh [Culture of Life Support in Ethnic Systems] // *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [Culture of Life Support and an Ethnos]. Erevan, 1983. Pp. 53-60. [In Russ.].
7. *German A. A.* Deportaciya sovetskih nemcev iz evropejskoj chasti SSSR [The Deportation of Soviet Germans from the European USSR] // *Istoriya i etnografiya nemcev v Sibiri* [History and Ethnography of the Siberian Germans]. Omsk, 2009. Pp. 401-443. [In Russ.].
8. *Sitnikov V. A.* Surovye ispytaniya (o Trifonovoj (Vagner) Poline Petrovne) [Ordeals (About Polina Petrovna Trifonova (Vagner))] // *Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre Tomskogo Severa: Parabel'skij rajon* [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk, 2015. Pp. 104-107. [In Russ.].
9. *Polevye materialy avtora.* M. F. Gref (Vel'sh), s. Novonikol'skoe Aleksandrovskego rajona [The author's Field Research Data. M.F. Gref (Vel'sh), Novonikolskoye village, Aleksandrovsky district], 2016. [In Russ.].
10. *Malakhova G. R.* Trudnyj put' sem'i Batc [Batzs' Hard Path] // *Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskij rajon* [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk, 2016. Pp. 110-138. [In Russ.].
11. *Ryndina O. M.* «Ostavajasya hozyainom!» (ob Al'berte Genrihoviche Simone) ["Stay An Owner!" (About Albert Genrihovich Simon)] // *Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre Tomskogo Severa: Aleksandrovsckij rajon* [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Aleksandrovsckij District]. Tomsk, 2014. Pp. 71-75. [In Russ.].
12. *Chistov K. V.* Narodnye tradicii i fol'klor [Ethnic Cultural Traditions and Folklore]. Leningrad, 1986. 304 p. [In Russ.].
13. *Kretova S. A.* Preodolevaya trudnosti (o Celujko (Paul') Fride Yakovlevne) [Overcoming Life's Difficulties (About Celujko (Paul') Frida Yakovlevna)] // *Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre Tomskogo Severa: Parabel'skij rajon* [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Parabel District]. Tomsk, 2015. Pp. 112-116. [In Russ.].
14. *Galaktionova E. A.* Soedinil Togur (o Chichiginov (Kil'man) Fride Georgievne) [Togur Has Connected (About Chichigina (Kil'man) Frida Georgievna)] // *Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre Tomskogo Severa: Kolpashevskij rajon* [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk, 2016. Pp. 70-72. [In Russ.].

15. Sysoeva M. S., Ryndina O. M. Dve «myasorubki» (o sem'e Bajmler) [The Two “Mincing Machines” (About Bymlers)] // Rossijskie nemcy v etnokul'turnoj palitre

Tomskogo Severa: Kolpashevskij rajon [Russian Germans in the Ethnic and Cultural Palette of the Tomsk North: Kolpashevo District]. Tomsk, 2016. Pp. 34–42. [In Russ.].

УДК 398.1(=512.1)

А. Т. Турдугулов, доктор филологических наук, профессор
Институт фундаментальных и социально-гуманитарных исследований
при государственном комитете по науке и новым технологиям Кыргызской Республики
(Бишкек, Кыргызская Республика)
ali.turdugulov@inbox.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ФОЛЬКЛОРА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

В докладе рассматриваются опросы изучения и классификация мифологических парадигм с позиции фольклористики; фольклорное наследие коктырков и созвучие с тюркоязычной мифологией; архетипичные факторы мифологии в тюркском фольклоре средних веков; мифо-фольклорные мотивы средновековой тюркоязычной литературы.

Ключевые слова: миф, мифологические парадигмы, древнешумеры, прототюрки, мифические явления, мифические образы, символы, аномалистика, коды и источники мифического начала, фольклористика.

Если считать художественную литературу зеркалом действительности жизни, то мифология – духовная ценность и источник жизни народа, основавший свое начало в глубинах древних веков, тесно переплетающаяся с судьбой народа. Рассматривая развивающееся в течение многих столетий, человеческое сознание и мышление в качестве сформированного социально-духовного явления, можно сказать, что мифология – это реальность, которая все время обновляется в процессе формирования человеческой цивилизации, опираясь на новые ступени развития общества.

Искусство, культура и литература (в данном случае фольклор) народа не может развиваться в изоляции от культуры и искусства, а также других духовных ценностей соседствующих народов. Фольклорные наследия, мифы пережили разные формы в различные исторические вехи человечества, однако они дошли до нас, сохранив свои своеобразия, став сложнее и глубже.

Несомненно, тема мифологии своей таинственностью в познании бытия, особенностью изображения искусства, логичными предпосылками при передаче исторического знания, порождает большой интерес и исследовательский азарт. Изучение мифических парадигм в фольклорных традициях тюркоязычных народов, полного таинственности и загадочного величия, является подчеркиванием эстетической образной силы их мифов.

При когнитивном исследовании мифологических парадигм тюркоязычных народов, следует учесть следующие основные факторы:

– всесторонне изучить социальную созвучность генезиса происхождения древнетюркской мифоло-

гии с мифами античного периода с выявлением их общего начала;

– рассмотреть художественно-эстетические и мифологические ценности начиная с «Авесты» и других тюркоязычных мифологий;

– проанализировать мифологическую и традиционную преемственность в истории фольклора тюркских народов, начало которой уходит в древнетюркскую мифологию;

– сопоставить древнетюркские мифологические архетипы в фольклорных традициях средних веков в виде былин и мемуаров;

– выявить использование в фольклорных традициях религиозно-мифической тематики в фольклорных произведениях тюркских народов;

– изучить с позиции эстетических парадигм общечеловеческий образ мифических героев мифологического отображения народом, изоморфные образы животных и птиц в фольклорных произведениях.

Вопросы изучения и классификация мифологических парадигм с позиции фольклористики

В данном случае изучаются предпосылки фольклорно-мифологических традиций и особенности развития тюркоязычного фольклора, а так же художественное своеобразие природы мифов, это первое, второе – типология мифологических образов древних шумеров и прототюрков, всесторонне анализируя историческую преемственность мифов как фольклорный жанр.

У каждого народа есть свои способы отображения собственной системы мышления и восприятия мира. Они формировались в течение многих веков в сознании народа, переплетаясь с обычаями

и обрядами, верованиями, в которых обрисовывается мир национального миропознания и ценностей, составляющих основу национальной культуры, всемерно раскрывающих взаимосвязи с внешним миром.

Созданные на ниве духовного пространства тюркских народов, легенды и мифы, героические эпосы, киссы и дастаны, пословицы и поговорки и другие фольклорные произведения не только отражают культуру прошедших лет, но и создают востребованность рассмотрения их в качестве весомой социальной силы, предоставляющей возможности при систематизации социальных вопросов современности. В действительности мифология как наука не только рассматривает *миф*, как *понятие вне обычая*, а указывает на миф, как на особое знание и особое, полное таинства, понятие, выражающее единство миропонимания.

Внедренный из философии и психологии в теорию литературы (в данном случае фольклористику) термин «архетип» по Юнгу воплощается в виде мифа или сновидения, становясь основным материалом фантазий и воображения в произведениях литературы и искусства. Целью, которой занялся К. Г. Юнг, является взять во главу идею «найти скрытые основы человеческой личности» в раскрытии взаимоотношений взаимосвязи сознательного и бессознательного в человеческой психике. Архетип – это затемненная часть, совмещенная с частью бессознательной психики человека. Само понятие определяется как – предварительные состояния единства личности и его обоснование. Сохраненный в глубинах психики архетип, проявляется в различных функциях различной духовной деятельности и обычно отражается в традициях и обычаях и мифических взглядах. Проблему рассматривает Юнг связи мифами древних шумеров.

Идею родства, побратимости шумер с тюркскими народами можно проследить в научных трудах следующих известных учёных: А. Окладникова, А. Филькенштейна, Г. Шеффера, В. Бунака, Х. Иенсена, И. Дьяконова, в том числе кыргызские, казахские и турецкие исследователи рассматривали происхождение, искусство, культуру и мифологию. В связи с этим необходимо отметить труды кыргызского ученого С. Закирова, казахского тюрколога-лингвиста А. Аманжолова, шумеролога-поэта О. Сулейменова, ученых историков С. Кляшторного и Т. Турсынова, азербайджанского ученого Ю. Юсипова, кабардино-балкарских ученых К. Т. Лайпанова и И. М. Мизиева; башкуртских ученых В. С. Юматова и А. Н. Киреева и других. Отдельно можно выделить труды Р. Барта. В своей работе Р. Барт называет поступки героев «*проаиретическим кодом*» [6, с. 204]. Этот «*проаиретический код*» важный способ при рассмотрении в мифологическом направлении героев

таких, как Урал батыр, Коркыт Ата, Огуз каган и Гильгамеш.

В «Эпосе о Гильгамеше» прослеживается мечта о поиске «*вечной жизни*», берущее начало еще в древности. Это великое древнее поэтическое наследие восхищает не только своим глубоким художественно-философским мировоззрением, но и является наидревнейшим и объемным из всех дошедших до нас произведений. По результатам исследований известно, что о Гильгамеше существует пять шумерских и три аккадских поэм. В «Песне о Гильгамеше» человек отделившись от природы, начиная осознавать окружающий мир, ищет способы противостояния явлению «смерти», получая пищу из сложных познавательных-эпистемиологических начал человеческого сознания, стремящегося к познанию основного значения, рождающего чувство страха.

Мы должны воспринимать использование мифов о мифологическом герое Огуз кагане, о Коркыте и Гильгамеше в художественных произведениях не как художественное проявление новейшей мысли, а как проявление на уровне архетипичного сознания в ходе воздействия творческой деятельности великих личностей целого народа, его воздействия на других. Мы рассматриваем содержательную основу, вид, форму и структуру отношения к внешнему миру тюрков и шумер в произведениях, имеющих отношение к указанным личностям.

В принципе, еще у сакских народов возникает культ поклонения огню. По археологическим исследованиям археолога Толстова, оно имело зарождение на территории Хорезма, в Согдиане во времена Сияшских «Петушинок» (Атешхана), Маздака и Мухана. Толстов приводит пример «алухана», в которых днем и ночью, зимой и летом горел огонь от внешнего круга города до главного. В них собирались только мужчины. Данный архетип сохранился в кыргызских и казахской традициях при вхождении невесты в дом жениха, поливанием масла в огонь. В древности у кыргызов были каменные масляные светильники. Огонь не гасили, пока он самостоятельно не погас. Из этого следует, что мифология тюркских народов, как и культура, имеет богатый мир во взаимосвязи с мировой мифологией, в качестве наследника Авесты. Можно обосновать написание «Авесты» и «Готтов» на территории Центральной Азии, а точнее в Хорезме, по встречающимся в них названиям.

Фольклорное наследие Коктюрок и созвучие с тюркоязычной мифологией

Культурное наследие любой нации, так и кыргызской, казахской, алтайской, или монгольской, имеет свои глубокие корни, связанные с античными временами, художественные ценности и фольклор основывается на мифологических источниках.

Мы должны помнить, что с одной стороны фольклор и литературу объединяет искусство слова, со второй стороны порождает только им свойственные особенности. Содержательная структура мифологии формировалась в соответствии с целями, идейно-эстетическими потребностями наших предков в их повседневной жизни. Считается, что мифологически-религиозное миропознание в художественном наследии коктырков основывается в основных понятиях, сформированных на взаимоотношениях человека с природой или с космосом.

Придерживаясь точки зрения, о периодах развития мифического сознания, рассматриваемого в единстве в родственности развитых последующими поколениями в качестве примера наследия коктырков. В общих тюркских литературных источниках «Яглакар», «Тонукок», «Культегин», «Огузнаме» передается старое шаманское мировоззрение, тюркская мифология перемежается с человеческими характеристиками, тогда как в творчестве акынов-импровизаторов, а у казахов жырау, у алтайцев каши, находит отражение, в соответствии с духом времени, художественный метод передачи романтического воинского духа, победы и возможного поражения.

Ничто не возникает ниоткуда, и не исчезает в никуда. Задачей ученого, изучающего тюркскую мифологию, является не изучение сходства слов, а описание художественной и традиционной преемственности в бесценном наследии дошедшей до нас в истории литературы, обнаружить важные материалы необходимые с научной точки зрения для возрождения его разнообразия в литературные периоды. В связи с чем, нужно подробно остановиться на единственных источниках, дошедших до нас от коктырков «Ырык битиг», «Яглакар», «Тонукок», «Культегин», «Огузнаме» и «Книга о Коркут Ата».

Архетипичные факторы мифологии в тюркском фольклоре средних веков

Следует рассмотреть такие вопросы, как сущность мифа в средневековой тюркской фольклористике, где раскрываются религиозно-мифические влияния и его духовное родство с произведениями классиков тюркоязычной литературы. Имеющие отношение к кыргызской, казахской, алтайской и татарской культуре в целом, являющейся частью тюркоязычной литературы, созданной мусульманским миром средних веков, являются объектом исследования уже давно. Требуется пристального изучения мифологические парадигмы в трудах Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари, Ахмеда Яссави, Сулеймена Бакыргани, в киссах Рагбузи и Фирдауси, «Чингиз наме» Утемиса хаджи, «Бабырнаме» Захреддина Бабура, «Маджума ат Таварих» Аксыкенти, «Тарих-и Рашиди» М. Х. Дулати, и «Тюркской летописи» Абулгази хана. Огромный вклад в дальнейшее формирование гуманистической мысли внесли мусульманские мыслители того времени.

Появилось особое явление в мусульманской культуре так называемое по западной манере «суфизм», а среди мусульман распространенное как «тасаввуф». Свою лепту в развитие и распространение суфизма кроме арабов внесли персы и турки.

Не вызывает споров, что изучение тюркского суфизма начинается с Юсуфа Баласагуни и получает продолжение у Ахмеда Яссави. Во времена правления Караханидов Юсуф хас хаджиб Баласагуни пишет свой знаменитый труд «Кутагду билиг» (Благотворное знание). В них заново возрождаются древние тюркские мифологические архетипы ***Кунтууду Элик*** – символ справедливой власти. ***Айтолду*** – символ богатства и достатка. ***Акдилмиш*** – символ мудрости. ***Өткүрмүш*** – символ гуманизма и толерантности.

Изучение с позиции научного и мифологического аспекта творчества Ахмеда Яссави, духовного вождя представителей религиозно-просветительского течения всей тюркской литературы, питавшей свои идеи из основ ислама, в истории всемирной литературы только берет начало. В трудах многих исследователей в основном рассматривается вопрос о его месте и вкладе в суфийскую литературу, тогда как вопрос древнетюркской мифологической архетипичности в большинстве случаев оставался нераскрытым. Красной нитью прослеживается религиозная приверженность древних тюрков в хикметах Ахмеда Яссави. Им мифологическая позиция поэтическим языком была внедрена в суфийскую литературу, став позднее примером для суфийских поэтов. Огромный вклад Яссави, внедрившего архетипичные элементы тюркской мифологии в мусульманский суфизм, таинственный метод передачи внутренней правды жизни суфийского символизма. Тюркские приверженцы суфизма, часто использовали архетипичные знаки, оставшиеся от своих предков, в своих произведениях указанного течения. В данном случае важно разграничить местный колорит и общую символику в суфизме.

Одним из проявлений такого веяния мотив спасения от всемирного потопа, т. е. поиск нового места «Поиск земли обетованной» прослеживается в кыргызском и казахском, туркменском и каракалпакском фольклоре, а именно в мифе об Асанкайгы, в котором прослеживается скрытое желание предотвратить опасность. В том числе и в поэзии этого уникального жырау присутствует древнетюркский миф (скажем, мифический мотив поиска Эдема), связанный с «Жер уюк» – «землей обетованной». Так в народной памяти его имя сохранилось в качестве героя кыргызского и казахского, туркменского и каракалпакского утопического мифа. Его древний образ лежит в языке и мифологии Шумер. Таким образом, в развитии мифологии алаш жырау донесли до нас в характерной для тюркоязычной культуры своего времени манере

архетипы шумерской культуры. Относя себя к законным наследникам произведений жырау, обладающих сакральными знаниями древних времен, необходимо обосновать для тюркских народов с научной точки зрения развитие мифологии алаш в качестве предархетипа в их творчестве.

Мифо-фольклорные мотивы средневековой тюркоязычной литературы

В прозаическом жанре средневековой тюркской литературы раскрывались не только религиозные темы, но и историко-родословные летописные истории о великих личностях, особенно ярко заявивших о себе, внесших свой неповторимый вклад в мировую культуру, что расширило литературное пространство общей для всех тюркских народов литературы на чагатайском языке. В этот период начал формироваться костяк писателей, остановившихся на данном жанре. Они установили процесс формирования образца выбора темы, которые раскрывались в данном жанре, что стало основой для литературной традиции чежире. Сюжеты этого фольклорного жанра в большинстве случаев основываются на мифы и легенды.

На основе реальных исторических событий возникли исторические чежире и летописи такие как: «Чингизнаме», «Бабурнаме», «Шейбанинаме», «Маджума ат таварих», о личностях великой степи мирового значения. Среди указанных произведений следует рассматривать предархетипичные знаки, указывающие на тюркское мифологическое бытие, основанные на фактах, относящихся только к Чингиз кагану по произведению «Чингиз наме» Утемиса хаджы ибн Мулан МуХХамеда Досты. Данное произведение Утемиса хаджы является самым ценным среди подобных летописей, посвященных истории не только казахов, но и ряд других народов тюркского мира.

Мифические понятия в произведениях «Бабурнаме», «Маджума ат таварих» и «Шежире ат тюрк» поднимается вопрос о летописном мифическом повествовании в тюркской литературе средних веков. Произведение «Бабурнама» Захреддина Бабура – правнука Тамерлана, оставившего свой неповторимый след в прозаическом жанре мировой литературы, является общим культурным наследием для всех народов Центральной Азии. Неспроста получила продолжение в «Тюркской летописи»

Хивинского хана Абулгази литературная традиция, отраженная в произведении «Бабурнаме». Правители, которые по праву считаются великими и неповторимыми личностями в тюркской литературе оставили после себя неиссякаемое наследие. Продолжателем их идей в мифологическом осмыслении мира явился Дулати. В произведении Дулати «Тарих-ирашиди» всесторонне проанализирована мифологическая преемственность в тюркской литературе.

Мифологизация и ремифологизация в тюркоязычной литературе раскрывают религиозно-мифическое веяние мистики в духовном созвучии с произведениями классиков мировой литературы.

Выводы:

аргументированное отражение историко-генетического, художественно-сюжетного сходства и различия мифов древних шумеров и мифов прототюрков;

фольклористика и художественная проза и поэзия берут свое начало из источников древнетюркской мифологии, тем самым обогащает уникальные национальные и культурно-духовные ценности тюркских народов;

рассмотрены использование мифологии как религиозное оружие в разных временах, особенно в средние века;

представлена оценка мифорелигиозных сюжетов в прозаических тюркских произведениях средних веков в качестве всестороннего объекта исследования;

определена важнейшая роль мифологических мотивов отображения современного мира;

выявлены особенности мифологических персонажей, превращение изоморфных образов в произведениях классиков тюркского мира.

Литература

1. Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у кыргызов // Собрание сочинений. Алматы, 1985. Т. 4. С. 48–71.
2. Аюпов Н. Религиозная система древних тюрков. Алматы, 2006. 137 с.
3. Юнг К. Г. Архетип и символ. Москва, 1971. 297 с.
4. Мифологический словарь. Москва, 1990. 672 с.
5. Мелетинский Е. Поэтика мифа. Москва, 1976. 407 с.
6. Барт П. S/Z. Москва, 1994. 232 с.

A. T. Turdugulov, Dr. of Philological Sciences, Professor
Institute of Fundamental and Social and Humanitarian Studies under the State Committee for Science and New Technologies of the Kyrgyz Republic
(Bishkek, Kyrgyzstan)
ali.turdugulov@inbox.ru

THE MYTHOLOGICAL PARADIGMS OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES FOLKLORE

The subject of the study in this article is the mythological paradigms in the folklore traditions of the

Turkic-speaking peoples. In the study, the author considers a number of factors, including the social conso-

nance of the genesis of ancient Turkic and ancient mythology; the continuity of the Turkic mythological tradition from the ancient Turkic, etc.

According to the author, art, culture, folklore of any people cannot develop in isolation, without borrowing from neighboring peoples and without affecting, in turn, their culture. Analyzing folklore paradigms, the researcher finds numerous points of contact, proof of the mutual influences of Turkic-speaking peoples with other peoples. At the same time, each nation has its own ways of displaying its own system of thinking and perceiving the world. Folklore works are the national property of the people, its wealth that allows restoring the picture of the development of the people in its interconnection with the outside world.

The author considers the folklore heritage of the Göktürks and notes its consonance with the Turkic-speaking mythology. Archetypal factors of mythology and mythological and folkloric motifs of medieval Turkic literature are characterized. Mythoreligious plots in prosaic Turkic works are presented, and the

most important role of mythological motives in mapping the world is determined.

Keywords: *myth, mythological paradigms, ancient Sumerians, proto-Turks, mythical phenomena, mythical images, symbols, anomalistics, codes and sources of the mythical beginning, folkloristics.*

References

1. Valikhanov Ch. Ch. Sledy shamanstva u kyrgyz [Shamanism Traces in Kyrgyz Culture] // Sobranie sochinenij [Collected Works]. Almaty, 1985. Vol. 4. Pp. 48–71. [In Russ.].
2. Ayupov N. Religioznaya sistema drevnih tyurkov [Ancient Turks' Religious Views]. Almaty, 2006. 137 p. [In Russ.].
3. Jung K. G. Arhetip i simvol [The Archetypes and the Symbols]. Moscow, 1971. 297 p. [In Russ.].
4. Mifologicheskij slovar' [Dictionary of Myths]. Moscow, 1990. 672 p. [In Russ.].
5. Meletinskij E. Poehtika mifa [The Myth's Poetics]. Moscow, 1976. 407 p. [In Russ.].
6. Barthes R. S/Z. Moscow, 1994. 232 p. [In Russ.].

УДК 37.046.16:316.7(4/5)

И. С. Цыремпилова, доктор исторических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный институт культуры (Улан-Удэ, Россия)
irina161073@mail.ru

ЕВРАЗИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ

В статье на примере основных направлений деятельности Восточно-Сибирского государственного института культуры раскрывается роль вуза в изучении и сохранении евразийских культурных ценностей. Рассмотрена эффективность разработки и реализации приоритетных научно-исследовательских направлений, опыт реализации образовательных программ и творческих проектов по заявленной проблеме.

Ключевые слова: *евразийские культурные ценности, вуз культуры, научные исследования, образовательная деятельность, регион.*

Одной из определяющих характеристик развития современного мира является глобализация, которая выступает как процесс усиления взаимозависимости разных стран, обществ, культур. Это в свою очередь приводит к обострению противоречий, связанных с неравномерностью развития территорий, углублением разрывов между уровнями благосостояния населения, военными, национальными и конфессиональными столкновениями и др. В этих реалиях особое звучание получают идеи сохранения и развития евразийского культурного пространства.

Евразийская идея, обладая мощным интеграционным потенциалом, основывается на духовно-нравственном императиве, основные принципы которого проявляются в укреплении культурно-цивилизационных контактов, способствующих обеспечению единства и согласия народов. Именно

в евразийском пространстве возможно слияние самобытных ценностей восточной культуры и универсальных западных идей, таких как демократия, свобода, личностное развитие и права человека. Поэтому в целом евразийская цивилизация подразумевает единство традиции и модернизации, гармоничное сосуществование человека и окружающего мира [1, с. 68–69].

Сохранение и развитие этого уникального историко-культурного опыта представляет собой актуальную проблему, как в научном осмыслении, так и в практическом плане. Сложность ситуации обусловлена многочисленностью исследовательских подходов и методов в изучении данной темы: от континентального до локального подходов, от общенаучных до частных методов. Накопленный опыт исторических, политических, экономических, этнографических, философских, культурологиче-

ских и других исследований подтверждает необходимость дальнейшей разработки теории и практики евразийского пространства и евразийской культуры.

В современных условиях необходим переход от стадии сотрудничества на евразийском пространстве к стадии интеграции, где ключевое место должно занять взаимодействие культур, синтез традиционных и новых форм народной культуры и творчества. К положительным примерам межкультурных связей и диалога цивилизаций относится и Байкальский регион. Включение озера Байкал в список объектов Всемирного наследия является фактом признания исключительной ценности самого озера и прилегающих к нему территорий. Кроме того, согласно Конвенции по охране Всемирного культурного и природного наследия озеро Байкал и прилегающие к нему территории (Прибайкалье и Забайкалье) рассматриваются не только как геолого-географический водосборный регион, но и как уникальное культурное пространство. Байкальский регион демонстрирует одну из новых моделей интеграции этносов и субэтносов, населяющих эту территорию, не только на основе политических и экономических факторов, но и культурных детерминант. Речь идет о смыслах, ценностях и символах, имеющих наднациональный характер и образующих своеобразный менталитет жителей этого региона [2, с. 1–12].

Своеобразие Байкальского региона обусловлено и его полиэтничностью, и его многоконфессиональностью, что определяет особенности социокультурного пространства. Эти особенности сформировались в ходе исторического развития территории как трансграничного региона, где происходили «многочисленные миграционные взрывы, оказавшие существенное влияние на обитателей всего евразийского континента» [3, 4]. Байкальский регион можно рассматривать как место встречи и диалога восточной и западной цивилизаций. Восток и Запад — это два геополитических полюса мира, две цивилизационные противоположности, от взаимодействия которых зависит устойчивое развитие человечества [5, с. 46].

Байкальский регион, имея многовековую историю взаимодействия с приграничными областями, и, шире, с государствами Восточной Азии, демонстрирует тенденции к сохранению самобытной культуры народов, сохраняя готовность к дальнейшему изучению разнообразия и многогранности культур соседних сообществ и осмыслению своей роли и места в конгломерате культур и цивилизаций евразийского континента [6, с. 39]. Именно евразийское культурное пространство в Байкальском регионе, как интеграционное направление, имеет большой потенциал в расширении международных контактов России с азиатскими странами, соблюдении национальных интересов на востоке и

формировании модели будущего общества устойчивого развития.

Активные процессы сотрудничества с соседями по евразийскому трансграничью свидетельствуют о современной тенденции в сторону укрепляющейся регионализации. В этой связи и географическое положение, и богатое историческое прошлое, и наличие толерантной этнической составляющей Байкальского региона могут способствовать комплексному изучению культурных ценностей в евразийском пространстве. И одним из проводников в этом процессе является Восточно-Сибирский государственный институт культуры, который более полувека не только готовит профессиональные кадры в области культуры и искусства, но и развивается как ведущий трансграничный центр в области образовательной, научной и творческой деятельности со странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Одним из стратегических направлений в деятельности ВСГИК является эффективное сотрудничество с зарубежными партнерами — научными и образовательными организациями, учреждениями культуры, профессиональными творческими объединениями, ассоциациями, союзами Польши, Казахстана, Киргизии, Монголии, Китая, Южной Кореи и других стран. На сегодня вузом подписано и действует 50 договоров и соглашений о сотрудничестве в области образования, науки и культуры. Эти документы регламентируют возможности обмена студентами, магистрантами, аспирантами, преподавателями, особенности организации практик и стажировок, проведение совместных мероприятий. Всё это позволяет реализовывать совокупность образовательных программ, научно-исследовательских, творческих и социально-культурных проектов. Наряду с этим в вузе сформирована нормативно-правовая база, определяющая цель, задачи, организацию и основные направления международной деятельности: Положение об отделе международных и межрегиональных связей, Положение о пребывании иностранных учащихся, Положение об академической мобильности, Положение о зарубежной практике.

Ежегодно увеличивается число студентов, желающих получить образование в вузе, особенно из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Свыше 30 иностранных граждан получают высшее образование по направлениям подготовки бакалавров, магистров, аспирантов: «Хореографическое искусство», «Народная художественная культура», «Вокальное исполнительство». Наряду с обучением по образовательным программам института успешно реализуется включённое обучение по программам студенческого обмена в вузе-партнере. Так, с 2010 г. подписано соглашение о сотрудничестве с Университетом Семьенг (Южная Корея), в рамках которого

осуществляются студенческие обмены по специальности «Менеджмент», «Дизайн».

Одной из постоянных форм академической мобильности являются зарубежные студенческие практики. Так, студенты вуза получили международные сертификаты прохождения курсов по культуре и литературе Монголии в Хулун-Буирском университете автономного округа Внутренняя Монголия, г. Хайлар (КНР). Студенты направления «Туризм», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в ходе учебно-практических туров в страны Европы (Франция, Польша, Германия и др.) и Азии (Китай, Монголия, Таиланд и др.) имеют возможность познакомиться с объектами природного и культурного наследия, получить языковую практику.

В современных условиях перспективным направлением международного сотрудничества в деятельности образовательных организаций является повышение квалификации и переподготовка кадров. Положительным примером может служить проведение международного круглого стола «Бурятия и Монголия: перспективы сотрудничества в сфере театрального искусства» для 60 специалистов из Монголии. Монгольские коллеги прошли краткосрочные курсы повышения квалификации в форме мастер-классов по следующим направлениям: «Режиссура театра», «Менеджмент в социально-культурной сфере», «Моделирование музейной и экскурсионной деятельности» в форме мастер-классов. Результатом стало подписание 20 договоров о сотрудничестве с музыкально-драматическими театрами, творческими коллективами, музеями Монголии. 15–20 августа 2015 г. Восточно-Сибирский государственный институт культуры совместно с Министерством образования, культуры и науки Монголии, Монгольской академией работников искусства провели международные курсы повышения квалификации «Менеджмент в социально-культурной сфере», слушателями которых стали 50 работников учреждений культуры и искусства Монголии и Южной Кореи.

Восточно-Сибирский государственный институт культуры накопил положительный опыт научных разработок в исследовании культурного пространства. Так, в вузе определены и успешно реализуются приоритетные научные направления: «Культурное пространство Восточной Сибири: становление, современное состояние и тенденции развития», «Традиционная культура народов Восточной Сибири», «История и культура народов Сибири, стран Восточной и Центральной Азии: межэтническое взаимодействие культур Байкальского региона», «Историко-культурная среда как фактор устойчивого развития Байкальского региона» и др.

В настоящее время реализуется ряд научных и творческих проектов, которые служат делу укреп-

ления дружбы народов и диалога культур. Среди наиболее значимых научных мероприятий можно назвать: традиционные научно-практические конференции «Байкальские встречи» и «Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии», «Батыевские чтения: межкультурное взаимодействие Сибири и стран Азиатско-Тихоокеанского региона», «Полонийные чтения», долгосрочный международный проект по исследованию и сохранению культуры, быта и истории кочевых народов «Древо культуры» (Южная Корея, Монголия, Россия).

В число реализуемых перспективных исследовательских направлений института входят:

а) теоретико-методологические аспекты изучения культурного пространства Байкальского региона – концептуализация понятийного аппарата, основных форм, содержания и структуры, типологизация, генезис и историческая эволюция культурного пространства региона и др.;

б) региональные аспекты изучения евразийского наследия – анализ евразийского учения в контексте Байкальского региона, изучение проблем взаимодействия культурных традиций Востока и Запада, потенциал евразийства как ресурса культурной политики; этно- и культурогенез, этническая история, генезис и семантика традиционных верований и культов народов Восточной Сибири;

в) прикладные исследования – исследовательские проекты по фиксации, сохранению и изучению этнокультурного наследия региона, в частности, музыкального и хореографического фольклора, устного народного творчества, обрядов и праздников; проекты по музеефикации, интеграции мультимедийных ресурсов об объектах культурного и природного наследия, по моделированию экскурсионной деятельности в музейном и туристском пространстве.

В качестве приоритетных направлений вуза следует рассматривать участие профессорско-преподавательского состава в образовательной и научно-исследовательской деятельности международных учреждений и организаций (чтение лекций, проведение мастер-классов, участие в научно-исследовательских проектах). В период с 2012 по 2015 гг. преподаватели вуза направлялись в Монголию, Китай, Южную Корею, США, Германию, Францию, Турцию, Тунис, Польшу, Таджикистан, Узбекистан, Италию, Ирландию с целью прохождения стажировок и повышения квалификации, для участия в научных конференциях, форумах, выставках, фестивалях, для участия в совместных творческих и научных проектах и др.

Д. и. н., профессор Николаева Д. А. по приглашению государственного образовательного учреждения им. М. Кюри, г. Вальсугана (Италия) прочитала цикл лекций по шаманизму, приняла участие в конференции «Близкие миры – дальние миры»; д. филос. н. Чебунин А. В. завершил трёхлетнюю

научную стажировку в Нанькинском университете (Китай); к.и.н., доцент Семёнов Е. В. является постоянным участником исследовательских программ Генерального консульства Республики Польша; к.и.н., доцент Неманова Э. А. являлась соисполнителем международного гранта Фонда «Open Society» (г. Будапешт, Венгрия), в рамках которого прочитаны тематические лекции в Грузинском государственном университете (г. Тбилиси) и др.

Одним из показателей международного сотрудничества института является публикационная активность за рубежом: издание монографий, коллективных исследований, научных статей в ведущих рецензируемых изданиях (Польша, Германия, Украина, Казахстан, Грузия, Кыргызстан, Монголия, Китай, Тайвань, Индия и др.)

В вопросе сохранения евразийских культурных ценностей особое место занимают творческие проекты ВСГИК, получившие международное признание. Это международный фестиваль игры на национальных инструментах «Звуки Евразии», международный конкурс сольного национального танца «Венок дружбы», международный конкурс исполнителей на струнных народных инструментах стран Евразии «Кубок Байкала». В качестве успешного примера творческих мероприятий можно привести совместную постановку оперы Генри Пёрселла «Дидона и Эней», осуществленную силами профессорско-преподавательского состава и студентов института, Улан-Баторского музыкально-хореографического колледжа и Дарханского театра «Залуучууд театр».

Творческие коллективы вуза: ансамбль «Эврика», этно-театр песни и танца коренных народов Сибири и Севера «Мунгэн Сэргэ», театр песни и танца «Беловодье» принимали участие в Международном фестивале искусств среди студентов России и Китая в г. Цицикар, Международном конкурсе монгольского танца (г. Хух-Хото, Китай). В качестве перспективного и долгосрочного проекта вуза следует отметить воссоздание знаменитого ансамбля народной музыки и танца «Сибирский сувенир». Этот коллектив под руководством профессора В. В. Китова работал в 1980-1990-х гг. и стал настоящей визитной карточкой института, его ярким брендом. Программы ансамбля, в которую входили бурятские, русские, якутские, тувин-

ские и монгольские номера, видели не только в России, но и во многих странах мира – США, Канаде, Польше, Франции, Англии, Германии. В современных условиях сохранение концептуальной идеи коллектива – полиэтничность художественного содержания – будет способствовать интеграции вуза в международное творческое пространство.

В деятельности института большое внимание уделяется трансляции евразийских ценностей среди студенческой молодежи. Образовательное и воспитательное пространство института способствует культивированию и популяризации гражданских и традиционных семейных ценностей, идей коллективизма, приоритета духовного над материальным и формированию межкультурной толерантности. Таким образом, многоплановая и всесторонняя деятельность Восточно-Сибирского государственного института культуры свидетельствует о развитии эффективных механизмов взаимодействия с партнерами, обеспечения трансграничного трансферта образовательных технологий, научных и творческих достижений вуза на евразийском пространстве.

Литература

1. *Евразийское измерение жизненного самоопределения молодежи: традиции, инновации и ценности*. Уфа, 2015. 288 с.
2. *Лыгденова Т. Н.* Социокультурные аспекты развития полиэтничного общества: тенденции и перспективы (на примере Байкальского региона): дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Москва, 2003. 188 с.
3. *Мантатова Л. В.* Стратегия развития: ценности новой цивилизации. Улан-Удэ, 2004. 242 с.
4. *Назаров В. К.* Евразийский вектор в культурном развитии Байкальского региона // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия. Улан-Удэ, 2015. С. 112–116.
5. *Аржитова Ю. С., Сандакова Л. Г.* Вовлечение экспертного сообщества в процесс разработки стратегии Байкальского региона // Проблемы развития региона с особыми режимами хозяйствования в условиях создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Улан-Удэ, 2008. С. 45–52.
6. *Болдонова И. С.* Евразийский фронт в Байкальском регионе в контексте междисциплинарных исследований трансграничья // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 2. Ч. 2. С. 38–40.

I. S. Tsyrepilova, Dr. of Historical Sciences, Associate Professor
East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russia)
irina161073@mail.ru

EURASIAN CULTURAL VALUES: THE EXPERIENCE OF RESEARCH AND CONSERVATION IN AN ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION OF CULTURE

In terms of globalization, the issues of recreation and development of the Eurasian cultural space have been

lighted up. It represents itself as the burning issue in scientific and practical fields. Within this, the difficulty

of the research is connected with the plenty of ways and methods to study this problem: from continental to local ways, from general to special methods. Baikal region can be taken as the positive example of the integration and cooperation between cultures and civilizations. The geographical position, impressive historical past, the presence of tolerant ethnic feature in the region are contributing to complex study of cultural values in the Eurasian space. One of the compiler in this process is the East-Siberian State Institute of culture, which nowadays plays role of the leading trans-border center in the educational, scientific and creative activities with European and Asia Pacific region countries. So, that has given a chance to study the institute's experience of the realization of educational programs, scientifically-practical, creative and socio-cultural projects, which are working on the research and conservation of Eurasian cultural values. The great experience was obtained with the research of theoretically-methodological aspects of cultural space in the Baikal region, the cooperation problems of cultural values between East and West, the potential of Eurasianism as the source of cultural policy, ethnic and cultural genesis, genesis and semantics of traditional beliefs among the people of Eastern Siberia and etc. The institute's projects about fixation, conservation and research of ethno-cultural heritage have obtained the practical direction, particularly musical and choreographic folk, oral folk arts, ceremonials and holidays; moreover, it also is about museification, integration of multimedia resources of cultural and natural heritage objects, also about planning excursion activity in museum and tourist space. The international art projects such as the festival of ethnic instruments "Sounds of Eurasia", the contest of solo ethnic dance "Friendship Wreath", the competition between performers on stringed instruments of Eurasian countries "Hamlet of Baikal" take special place in the question of the conservation of Eurasian cultural values. It all leads to the conclusion that diversified and comprehensive activity of the ESSIC points out the development of effective cooper-

ation mechanisms with the partners, providing of trans-border transfer of educational technologies, scientific and art achievements of the institute in the Eurasian space.

Keywords: *eurasian cultural values, institute of culture, science researches, educational activity, region.*

References

1. *Evrazijskoe izmerenie zhiznennogo samoopredelenija molodezhi: tradicii, innovacii i cennosti* [Eurasian Dimension of Youth's Vital Self-Identification: Traditions, Innovations And Values]. Ufa, 2015. 288 p. [In Russ.].
2. *Lygdenova T. N.* Sociokul'turnye aspekty razvitiya polijetnicheskogo obshchestva: tendencii i perspektivy (na primere Bajkal'skogo regiona) [Social and Cultural Aspects of the Multinational Society Development: Tendencies and Perspectives (the Baikal Region Example)]: dis. Ph. D. in kulturology. Moscow, 2003. 188 p. [In Russ.].
3. *Mantatova L. V.* Strategija razvitiya: cennosti novoj civilizacii [Development Strategy: Values of the New Civilization]. Ulan-Ude, 2004. 242 p. [In Russ.].
4. *Nazarov V. K.* Evrazijskij vektor v kul'turnom razvitii Bajkal'skogo regiona [Eurasian Vector of the Baikal Region Cultural Development] // Kul'turnoe prostranstvo Vostochnoj Sibiri i Mongolii: tradicii i innovacii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya [The Cultural Space of the East Siberia and Mongolia: Traditions and Innovations of Intercultural Cooperation]. Ulan-Ude, 2015. Pp. 112–116. [In Russ.].
5. *Arzhitova Ju. S., Sandakova L. G.* Vovlechenie jekspertnogo soobshhestva v process razrabotki strategii Bajkal'skogo regiona [The Involvement the Experts into the Working Out of in the Baikal Region Development Strategy] // Problemy razvitiya regiona s osobymi rezhimami hozhajstvovanija v uslovijah sozdaniya osobyh jekonomicheskikh zon turistsko-rekreacionnogo tipa. [Development Problems of the Region with Special Modes of Administration in Context of Making the Special Economic Zones for Tourism and Recreation]. Ulan-Ude. 2008. Pp. 45–52. [In Russ.].
6. *Boldonova I. S.* Evrazijskij frontir v Bajkal'skom regione v kontekste mezhdisciplinarnyh issledovanij transgranič'ja [Eurasian Border in the Baikal Region in Interdisciplinary Researches of Trans-Border Areas] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International Scientific and Research Journal]. 2015. No. 2. Vol. 2. Pp. 38–40. [In Russ.].

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

УДК [124.5::021]:351.85

Г. М. Вихрева, кандидат педагогических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
vihreva@spsl.nsc.ru

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье рассматривается соответствие установок «Основ государственной культурной политики» как документа, определяющего идеологию российского культурного строительства, с положениями формирующейся ценностной парадигмы современной российской библиотеки.

Ключевые слова: библиотека, ценностная парадигма, «Основы государственной культурной политики», функции, миссия.

На протяжении многих столетий одной из важнейших функций библиотеки как социокультурного института является ценностно-ориентировочная, которая реализуется в направленности библиотечной деятельности на созидание духовных ценностей, их воспроизводство и сохранение. Библиотека не просто транслирует культуру во времени, служит посредником между ресурсами и их потребителем, но сама создает духовные ценности тем, что пропагандирует чтение, организует межличностное общение, участвует в правовом ликбезе населения и т. д. При этом она, будучи открытой системой, всегда находится в контексте господствующих в социуме морально-этических норм. Столь актуальное сегодня этическое самоопределение российского библиотечного сообщества складывается под воздействием аксиологических (ценностных) установок, детерминируемых рядом факторов, среди которых важное место занимают исторические традиции, мегатенденции развития современного мира, специфические особенности развития страны.

Именно на этой основе библиотека определяет свои приоритеты в мире вечных и временных ценностей. Ее аксиологическая концепция опирается на систему ценностей, исповедуемых государством и именуемых национальной идеей. Однако современные социокультурные и экономические условия, в силу своей сложности и неоднозначности, значительно затрудняют формирование ценностной системы библиотеки. Если говорить о мировых тенденциях, то данный период характеризуется негативными направлениями в развитии современ-

ной цивилизации, перманентным социально-экономическим кризисом для многих стран мира, утратой или трансформацией ориентиров и ценностей в системе человеческих отношений, во взаимоотношениях общества и природы, в международных взаимодействиях.

Исследователи указывают сегодня на такое явление, как социокультурная модернизация, под которой понимается формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, а также поведенческих паттернов [1, с. 5]. Изменения касаются в большей или меньшей степени всех общественных систем, стремящихся реагировать на вызовы времени, особенно в условиях глобализации и выхода многих важных социальных процессов на международный уровень. Динамика социокультурных изменений, происходящих в мире, ставит библиотеки перед необходимостью осмысления своей новой роли в общественной жизни, определения нового положения в иерархии информационно-культурных ценностей социума, выработки современных мировоззренческих и методологических подходов, обеспечивающих ее жизнеспособность.

Сложность задачи в значительной мере усугубляется спецификой современной стадии российской модернизации: многомерным, комплексным характером изменений, охватывающих все сферы общественной жизни, в том числе и область её ценностных ориентаций. Политические изменения, реформирование государственных структур, децентрализация управления, переход к открытому рыночному обществу, смена идеологических приоритетов – вот далеко не полный перечень факторов,

непосредственно влияющих на все сферы отечественной культуры, в том числе и на деятельность библиотек различных уровней. Российская культурная политика последних десятилетий, сведённая к развитию отдельных программ и проектов, к механизму раздачи ограниченных бюджетных средств, в итоге долгое время практически отсутствовала в стратегии развития государства.

В условиях государственного идеологического и аксиологического «вакуума» реализация важнейшей библиотечной функции – ценностно-ориентировочной – стала весьма затруднительной. Как отмечала М.Я. Дворкина в статье 1994 г., библиотекари, не видя никакой «главенствующей идеи» своей деятельности, «испытывают растерянность» [2, с. 53]. Российское профессиональное сообщество было вынуждено самостоятельно определять свои приоритеты, опираясь на «исконные», исторически присущие библиотеке традиции, с одной стороны, а с другой – руководствуясь логикой новых социокультурных реалий.

В результате было утрачено единое понимание основной миссии библиотеки в постсоветском социуме. Это очень ярко проявилось в процессе создания первой и второй версий «Кодекса профессиональной этики российского библиотекаря». Страсти, разгоревшиеся вокруг этого документа, отразили наличие по крайней мере двух альтернативных мировоззренческих подходов к основному назначению современной российской библиотеки: коммуникативного и социокультурного. Суть первого – ограничение деятельности библиотеки ролью высокотехнологичного, но бесстрастного посредника между потребителем и информацией. Второй подход, помимо выполнения сугубо информационной функции, возлагает на библиотеку обязанность сохранения культурных традиций, трансляции в общество исторически выверенных нравственных и эстетических идеалов, необходимость оценки кумулируемой информации с точки зрения её социальной полезности. Различие между этими двумя концепциями имеет, как мы видим, не просто функциональное, но онтологическое значение, и определяет в конечном итоге научный и дисциплинарный статус библиотековедения, цели и идеологию библиотечного социального института, его ценностно-смысловые ориентации.

В таких условиях появление «Основ государственной культурной политики» [3] было чрезвычайно значимо для отечественного библиотечного дела, особенно в части формирования и унификации его ценностных установок. Не случайно С. А. Басов, член правления Российской библиотечной ассоциации, оценил этот акт как «беспрецедентный шаг по укреплению роли культуры в экономике страны и жизни общества». Он отметил, что закрепление за культурой статуса важнейшего

ресурса, обеспечивающего развитие страны, подразумевает выработку стратегии осуществления этой ключевой и в принципе традиционной для нашей культуры роли. В документе перед органами власти всех уровней была поставлена задача «сохранения сложившейся сети организаций культуры, создания условий для их развития, освоения ими новых технологий культурной деятельности» и, что особенно для нас важно, сказано о «сохранении библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятии мер по модернизации их деятельности». Было подчеркнуто, что только при условии сохранения и развития сети организаций культуры в городе и на селе можно усилить социальную роль «таких организаций культуры, как музей, библиотека, архив, театр, филармония, концертный зал, дом культуры, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания» [4, с. 2–3].

Отношение государства к культуре как к «миссии, как к общественному благу, как к историческому наследию, как к системе ценностей и нравственных идеалов», декларируемое «Основами...», создает базу для «выверки» ценностных приоритетов, определенных современной российской библиотекой самостоятельно. И прежде всего – для разрешения «драмы библиотечных функций» в пользу социокультурного подхода к общественной роли современной библиотеки.

Так, положения «Основ...» подтверждают важность национальной культуры, которую можно рассматривать как специфическую систему выживания народа, сформировавшуюся в процессе совместной жизнедеятельности, как комплекс отобранных и закрепившихся в истории и памяти народа способов и навыков обработки имеющихся в его распоряжении ресурсов и материалов. Государственная культурная политика признаётся неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации. С позиций культурологического подхода библиотека – это часть культурного континента, то есть библиотека существовала внутри культуры на протяжении многих веков, изменяясь и преобразуясь внешне и внутренне. На библиотеку возлагается особая миссия и значительная работа по созданию духа культуры, его формирования и укрепления.

Главное достояние любой библиотеки – это её фонды, хранящие историческую память наших наций и обеспечивающие доступность обществу новой информации, идей и знаний. Критерии отбора информации напрямую зависят от ценностных ориентаций, господствующих в данное время в данном социуме. И здесь важнейшей для реализации библиотекой ценностно-ориентировочной функции позицией «Основ государственной культурной политики» является следующая: у России

есть свой цивилизационный код, а у народа – своя духовно-культурная матрица, поэтому «государство должно поощрять и развивать только то в культуре, что соответствует нашей системе ценностей». Другое дело, что «наша система ценностей» находится пока ещё в стадии активного становления.

Положение «Основ...», провозглашающее главной стратегической задачей сохранение наследия русской культуры и культур всех народов России в качестве универсальной ценности, поддерживает позицию центральных региональных библиотек как центров местных краеведческих исследований. Опираясь на богатые собрания документов, изданных на своей территории или посвященных ей, эти учреждения в качестве элемента территориальной инфраструктуры играют важную роль в системе краеведения. Их работа с региональными документами создаёт основу для использования краеведческих знаний в современной практической, научной, образовательной, общественной деятельности; формирует документную базу для будущих исторических исследований.

Задача «развития и защиты русского языка как основы гражданского и культурного единства Российской Федерации», поставленная «Основами...», также соответствует социальной роли российских библиотек, их стратегии поддержания и развития

русскоязычного информационного пространства, «русскоязычного мира».

Рамки статьи позволили нам рассмотреть лишь несколько примеров того, как положения «Основ...» соотносятся с установками формирующейся ценностной парадигмы современной российской библиотеки. Но и их достаточно, чтобы увидеть в главном документе, определяющем идеологию российского культурного строительства, подтверждение правоты сторонников социокультурного подхода к определению ее миссии и основные векторы дальнейшего развития российского библиотечного дела.

Литература

1. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5–19.
2. Дворкина М. Я. От идеологии к философии библиотечного дела // Библиотековедение. 1994. № 2. С. 51–53.
3. Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808. URL: http://base.garant.ru/70828330/#block_1000 (19.08.2016 г.).
4. Басов С., Аврамова М. Библиотечная политика в 2012–2017 гг. Как выполняются указания Президента России // Библиотечное дело. 2017. № 8. С. 2–3.

G. M. Vikhreva, Ph. D. in Pedagogics
State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
vikhreva@spsl.nsc.ru

THE BASICS OF THE RUSSIAN STATE CULTURAL POLICY AND THE FORMATION OF A RUSSIAN LIBRARY VALUES CONCEPTION

One of main library functions as a social institution is value orientation, realized in directness of library activities on creating spiritual values, their reproduction and preservation. Being an open system, library always is in the context of moral-ethic norms prevailing in sociality, value presumptions, determined by a number of factors, among which an important place is taken by historical traditions, megatendencies of modern global evolution, specific peculiarities of the country development. Its professional axiological conception is based on the system of values, engrained by the state and named “national idea”.

However, today the formation of this conception is substantially difficult because of complicity and ambiguity of modern socio-cultural and economic conditions both in the country and in the modern world. Dynamics of global and multifarious changes of the social being put the library in front of the necessity of thinking over its new place in the hierarchy of information-cultural values of the sociality, working out

optimal ideological and methodological approaches, supplying to its vitality.

In the conditions of long standing state ideological and axiological “vacuum” the Russian professional society was enforced to self determination of its priorities, basing on “inherent”, historically intrinsic for the library traditions, on the one hand, on the other – taking into account the logic of new socio-cultural realities. As a result, the united comprehension of the basic library mission was lost in the pos-soviet sociality. Two alternative ideological approaches to the basic mission of the modern Russian library formed: communicative and socio-cultural. The difference between these two conceptions has not only functional but also ontological meaning and defines, finally, scientific and disciplinary status of the library science, the goal and ideology of the library social institution, its value-sense orientations.

“The bases of the state cultural policy” as the main document, determining ideology of the Russian

cultural construction, are greatly important for the native librarianship, especially in terms of forming and unification its value presumptions. They contain confirmation of rightness of the partisans of socio-cultural approach to the definition of the library mission and also the basic vectors of further development of the Russian librarianship.

Keywords: *library, value paradigm, “The Bases of the State Cultural Policy”, functions, mission.*

References

1. *Tikhonova N. E.* Dinamika normativno-tsennostnoj sistemy rossijskogo obshchestva (1995-2010 gody) [The Dynamics of the Russian Society's Rules and Values System, 1995–2010] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2011. No. 4. Pp. 5–19. [In Russ.].

2. *Dvorkina M. A.* Ot ideologii k filosofii bibliotchnogo dela [Librarianship: from Ideology to Philosophy] // *Bibliotekovedenie* [Library Science]. 1994. No. 2. Pp. 51–53. [In Russ.].

3. *Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki:* utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 [Basics of the State Cultural Policy, Dec. 24, 2014]. URL: http://base.garant.ru/70828330/#block_1000 (19.08.2016). [In Russ.].

4. *Basov S., Avramova M.* Bibliotchnaya politika v 2012–2017 gg. Kak vpolnyayutsya ukazaniya Prezidenta Rossii [The State Policy Toward Libraries, 2012–2017. About Implementation of the Russian Federation President's Directives] // *Bibliotchnoe delo* [Librarianship]. 2017. No. 8 Pp. 2–3. [In Russ.].

УДК 379.8:719

Е. И. Григорьева, доктор культурологии, профессор
Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
grigorev_tmb@list.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИЙСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В КУЛЬТУРООХРАННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрываются проблемы сохранения и возрождения народной художественной культуры. Особое внимание уделено основным тенденциям в развитии центров традиционной культуры. Дается анализ понятию «традиция», а также выявляются факторы, влияющие на состояние народной художественной культуры в России.

Ключевые слова: *традиция, традиционная культура, факторы, народная художественная культура.*

В современных условиях, под воздействием происходящих социальных, культурных и экономических преобразований, как никогда важной и актуальной является проблема сохранения и развития традиций самобытной народной культуры.

В России практически каждый регион имеет свои отличные от других культурные традиции. Вместе с тем, сегодняшние усилия государства по сохранению и развитию российской традиционной культуры всё ещё далеко не соответствуют степени её значимости для общества и государства.

Народная традиционная культура сопровождает народ всю его историю, а личность, через обряды, ритуалы, праздники, всю её жизнь, начиная от рождения и до похорон. Россия, с ее многогранной культурой, существует более тысячи лет, и уникальность русского народа состоит в его многонациональности, а своеобразие культуры в её отзывчивости, притягательности и взаимообогащении для всех народов, в неё входящих.

Несмотря на то, что Россия переживала трудные периоды в своей истории, тем не менее, она всегда поднималась из небытия благодаря народной традиционной культуре с ее системой ценно-

стей, выраженной народом через многообразие художественных форм. Именно музыка, песни, танцы, окультуренные в обряды и обычаи, взаимоотношения между людьми становились той путеводной звездой, которая помогала преодолевать любые трудности и невзгоды. Основой крепких дружественных взаимоотношений русского народа являлась традиция, которая позволяла через множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение, распознавать чужеродные разрушительные тенденции современного мира и не поддаваться порокам. Академик Д.С. Лихачёв сказал, что «Культура – это огромное целостное явление, которое делает людей из простого населения народом, нацией». И в этом плане Россия является уникальным примером, где в ходе ставшей многовековой традицией в государственной и общественной жизни, диалога культурной цивилизации народов разных этнических и языковых групп, сформировалась основанная на общих ценностях общероссийская культурная общность как синтез разных культур. Именно общероссийская культурная общность является одним из мощных

факторов, связующих разные народы в единый государственный организм, способствующий сохранению целостности Российской Федерации [1, с. 2].

Традиция эта – доброта чувств, позитивное отношение друг к другу, ответственность в работе, бодрое отношение к препятствиям и невзгодам, устойчивость и неповреждённость души при контакте со злом!

Традиции имеют отчётливо выраженный двойственный характер: с одной стороны, в них объединяется предшествующий опыт коллективной деятельности людей, с другой стороны, они представляют собой проект и предписание будущего поведения. Традиция позволяет человеку быть звеном в цепи поколений, что выражает его пребывание в историческом времени, присутствие в «настоящем» как звене, соединяющем прошлое и будущее. Для русского народа традиция – это мир между народами, потому что, когда народы начинают петь вместе, орудия умолкают, и межнациональные конфликты сходят на нет [2].

Народная традиционная культура, несмотря на всевозможные усилия государства в виде разработки комплексных программ их сохранения и развития, создания центров фольклора, домов ремёсел, народных художественных коллективов всё ещё остается в состоянии разрушенности под натиском различных негативных явлений, господствующих в обществе.

Важное значение в сохранении традиций народного художественного творчества имеют научные исследования, в которых участвуют различные научно-исследовательские институты (Государственный институт искусствознания, Российский научно-исследовательский институт культурологии, Научно-исследовательский институт этнологии и антропологии Академии наук РФ, Российский институт культурного и природного наследия и другие); образовательные учреждения различного уровня и прежде всего высшие учебные заведения; Государственный Российский дом народного творчества и дома народного творчества во всех регионах страны; Государственный республиканский центр русского фольклора; Центры традиционной культуры, дома фольклора, национальные культурные центры и т. д.

Именно благодаря активной творческой позиции руководителей подобных учреждений и ведомств сегодня в России создаётся целостная многоуровневая система выявления и учёта фольклорных явлений и процессов. С целью развития традиций народного художественного творчества проводятся фестивали, смотры, конкурсы народного творчества.

Примером может служить ежегодная премия «Душа России», которая присуждается выдающим-

ся деятелям культуры, отдавшим большую часть своей жизни народному искусству и народному образованию, начиная с 2002 года. Это люди, внесшие значительный вклад в народную культуру и создавшие собственные системы передачи народных традиций – школы, мастерские, студии и др.

Нельзя не отметить Всероссийский фестиваль народного творчества «Вместе мы – Россия», который проводится во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 8 июня 2012 года № Пр–1820 и в соответствии с реализацией Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Проведение фестиваля призвано способствовать сохранению единого культурного пространства, взаимообогащению культур, гармонизации межэтнических и межнациональных отношений, укреплению дружеских связей между народами России. В задачи фестиваля входит: сохранение и развитие преемственности всего многообразия национальных культур народов Российской Федерации; стимулирование деятельности и развитие сети коллективов народного творчества; повышение уровня исполнительского мастерства участников и расширение репертуара художественных коллективов и отдельных исполнителей на основе лучших традиций национальных культур народов России; выявление лучших коллективов различных жанров народного творчества; создание условий для широкого вовлечения населения в сферу народного творчества.

Интересно взаимодействие Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова с Московским государственным музыкальным театром фольклора «Русская песня» по созданию Учебно-творческой лаборатории для руководителей народно-певческих коллективов России, стран СНГ и дальнего зарубежья на тему «Современные формы и методы освоения музыкального фольклора». Программа работы лаборатории включает в себя: лекционно-практические занятия по комплексу смежных дисциплин (формирование репертуара, постановка голоса в народной манере, основы хоровой аранжировки, специфика работы с детским фольклорным коллективом, народный музыкальный инструментальный, традиционный и сценический костюм и др.); посещение открытых репетиций творческих коллективов театра фольклора «Русская песня»; обмен практическим опытом [3].

Народная традиционная культура – наше общее достояние, переданное нам предшествующими поколениями, составляющая суть и нашего бытия. А потому мы обязаны её постигать, хранить, воскрешая её животворную силу.

Возврат к истокам, возвращение к духовности – вот самая насущная государственная задача сегодня.

Прежде всего, потому, что духовность – это универсальное, присущее всему человечеству качество и необходимо исследовать исторические корни процессов, происходящих в сфере культуры.

Сегодня, к сожалению, уходят вглубь веков национально-культурные традиции многочисленных народов нашей страны, которые неразрывны с нашей исторической памятью и связывают поколения и эпохи, являясь при этом источником формирования морально-этических норм.

Работа по сохранению и восстановлению традиций народной духовной и материальной культуры требует применения программных средств и методов, действенной организационной и финансовой поддержки. Лишь объединение в специально организованном и целенаправленном процессе усилий общества и государства позволит нейтрализовать опасную зону культурной деградации, восстановить целостность социокультурного пространства, на основе этнических традиций выработать действительно продуктивные виды и формы государственного и общественного устройства [4].

В условиях переходного этапа в жизни страны непосредственное влияние на развитие центров народной художественной культуры оказывает ряд взаимосвязанных тенденций общественного развития.

К числу основных тенденций в развитии центров традиционной культуры можно отнести:

- активацию деятельности по сохранению, возрождению и развитию региональных центров народной художественной культуры на базе учреждений культуры и образования городов Центральной России;
- повышение значимости традиционных технологий сохранения, возрождения и развития форм народной художественной культуры в главных региональных центрах народной художественной культуры Центральной России;
- возрождение и развитие различных форм народной художественной культуры за счет появления инновационных институтов, творческих лабораторий, мастер-классов, предоставляющих жителям Центральной России возможности участия и влияния на процессы развития региональных центров народной художественной культуры.

Среди факторов, влияющих на состояние народной художественной культуры, можно выделить как позитивные, так негативные.

Позитивные:

Исторически сложившиеся на протяжении веков центры развития народных художественных промыслов и ремёсел (вышивка изделий, изготовление игрушек, лаковая живопись, художественная керамика и др.).

Государственная поддержка программ, направленных на сохранение, возрождение и раз-

витие народной художественной культуры в регионах Центральной России.

Финансирование международными фондами и национально-культурными общественными организациями проектов в сфере возрождения, сохранения и развития региональных центров народной художественной культуры.

Активный рост численности центров народной художественной культуры, народных художественных промыслов и ремёсел на большей части территории России.

С учётом государственной поддержки проектов и программ сохранения, развития и использования народных художественных промыслов и ремесел, а также самой народной художественной культуры происходит развитие всей системы культурного образования региона.

Повышение конкурентоспособностей субъектов народных художественных промыслов и ремесел.

Подготовка бакалавров и магистров народной художественной культуры в ведущих вузах культуры и искусств высших учебных заведений Центральной России.

Негативные:

Стремительная глобализация, ведущая к унификации культур и нивелированию этнокультурной самобытности народов.

Низкий уровень знаний населения о культурном потенциале разнообразных форм народной художественной культуры на территории Центральной России.

Проблема обеспечения учреждений культуры разных областей России высококвалифицированными специалистами в области развития региональных центров народной художественной культуры и народных художественных промыслов и ремёсел.

Таким образом, для решения проблемы сохранения и возрождения народной художественной культуры необходимо:

- укрепление диалога между органами государственной власти, местного самоуправления и национально-культурными общественными организациями в деле сохранения, возрождения и развития региональных центров народной художественной культуры на территории России;
- увеличение числа проектов и программ, направленных на развитие, сохранение и возрождение региональных центров художественной культуры на территории России;
- расширение ресурсной базы сотрудничества государственно-частного партнерства и малого предпринимательства в сфере производства и реализации изделий народных художественных промыслов и ремёсел, а также поддержки коллективов художественной самодеятельности;
- формирование в детской и молодёжной среде целостного представления об исторических и

национальных традициях празднично-обрядовой и семейно-бытовой народной культуры, приобщение к различным видам народного художественного творчества на территории Центрального Федерального округа;

– развитие образовательной деятельности учреждений культуры и искусств, направленной на просвещение населения о мерах по сохранению, возрождению и развитию народной художественной культуры России;

– привлечение внимания населения к важности вопроса сохранения и развития ведущих форм народной художественной культуры России;

– сохранение традиций, культуры и самобытности народных художественных промыслов России;

– укрепление существующей инфраструктуры отрасли культуры, содействие гастрольной деятельности театральных и концертных организаций, проведение областных конкурсов, смотров, фестивалей, праздников [5, с. 5].

Литература

1. Чернова В. Е. Актуальные задачи сохранения и развития традиций народной художественной культуры в современных условиях // Народная художественная культура. Смоленск, 2009. С. 2.

2. Гимназия им. С. П. Дягилева (Пермь): сайт, 2016. URL: <http://www.diaghilev.perm.ru> (15.12.2016 г.).

3. Государственный Российский Дом народного творчества им. В. Д. Polenova (Москва): сайт, 2017. URL: <http://www.rusfolk.ru/> (22.01.2017 г.).

4. Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 годы: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 17 дек. 2008 г. № 267 // Кодекс, 2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902160920> (18.12.2016 г.).

5. Григорьева Е. И. Опыт приобщения студенческий молодежи к основам народной художественной культуры // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. Том 9. С. 250–254.

E. I. Grigoreva, Dr. of Cultural Sciences, Professor
Russian State Social University (Moscow, Russia)
grigorev_tmb@list.ru

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE RUSSIAN PEOPLE'S TRADITIONAL CULTURE AND ITS USING IN CULTURAL PROTECTION TECHNOLOGIES OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

The article highlights the urgency of the problem of preserving the original folk traditional culture. The efforts of the state in this direction do not correspond to its importance for society, according to the author.

An analysis to the notion of tradition is given, emphasizing the importance of preserving the traditions of scientific research conducted within the framework of various programs in research institutes, educational institutions of various levels and in state and public organizations.

At the present stage, a multi-level system for identifying and recording folklore phenomena and processes is being created. In order to develop the traditions of folk art creativity, festivals, shows, competitions are held. The article analyzes the work experience of individual institutions, for example, the State Russian House of Folk Art, the Moscow State Musical Theater of Folklore “Russian Song” and others.

The article notes and briefly characterizes the factors influencing the state and development of the centers of folk artistic culture. In this case, both positive and negative factors are distinguished from them.

The author's proposals on the solution of the problem of preservation and revival of folk art culture are given in the final part of the article, formulated in separate paragraphs, stemming from the textual part of it.

Keywords: *tradition, traditional culture, factors, folk art culture.*

References

1. Chernova V. E. Aktual'nye zadachi sohraneniya i razvitiya traditsij narodnoj hudozhestvennoj kul'tury v sovremennykh usloviyah [Today's Key Aims of Preservation and Development of the Traditions of Folk Artistic Culture] // Narodnaya hudozhestvennaya kul'tura [Folk Artistic Culture]. Smolensk, 2009. P. 2. [In Russ.].

2. Gimnazija im. S. P. Djagileva (Perm') [Diaghilev High School (Perm)]: site, 2016. URL: <http://www.diaghilev.perm.ru> (15.12.2016). [In Russ.].

3. Gosudarstvennyj Rossijskij Dom narodnogo tvorchestva im. V. D. Polenova (Moskva) [Polenov State Russian House of Folk Art (Moscow)]: site, 2017. URL: <http://www.rusfolk.ru/> (22.01.2017 г.). [In Russ.].

4. Konceptii sohraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossijskoj Federacii na 2009–2015 gody // Ob utverzhdenii Konceptii sohraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossijskoj Federacii na 2009–2015 gody. Priказ Min. Kul'tury RF ot 17 dekabrya 2008 goda № 267. [In Russ.].

5. Ob utverzhdenii Konceptii sohraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossijskoj Federacii na 2009–2015 gody: priказ Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federacii ot 17 dek. 2008 g. № 267 [On the Approval of the Russian Federation's Peoples' Intangible Cultural Heritage Conservation and Development Concept for 2009–2015: Ministry of Culture of the Russian Federation Order No. 267, Dec. 17, 2008] // Kodeks [Codex], 2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902160920> (18.12.2016). [In Russ.].

6. Grigor'eva E. I. Opyt priobshcheniya studencheskij molodezhi k osnovam narodnoj hudozhestvennoj kul'tury

[The Experience of Familiarizing Young Students with the Basics of Folk Art Culture] // Social'no-ehkonomicheskie

yavleniya i processy [Social and Economic Phenomenon and Processes]. 2014. No. 12. Vol. 9. P. 5. [In Russ.].

УДК 069:06

Е. А. Полякова, доктор исторических наук, доцент,
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
elena2873@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ В МУЗЕЙНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ XXI СТОЛЕТИЯ

В статье рассматриваются перспективы формирования в современном музейном мире партнёрских организаций и создаваемых на их базе ресурсных центров для развития музейного мира современности. Основываясь на опыте педагогических музеев рубежа XIX-XX веков, ставших пионерами в реализации новых форм взаимодействия с различными учреждениями культуры и образования и выстроивших процесс музейной коммуникации на качественно новом уровне, автор оценивает возможность применения накопленного ими положительного и отрицательного опыта для использования в разработке и реализации стратегии развития музеев евразийского региона.

Ключевые слова: музей, партнёрские организации, ресурсные центры, музейная коммуникация, музейная стратегия.

Евразийская культура, сформированная многими народами этого региона, проявляется в разных культурных формах. Музей как образовательная форма культуры, «исторически выработанная человечеством для сохранения, актуализации и трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия» является «первоисточником знаний о развитии общества и природы» [1]. Это обуславливает востребованность и увеличение количества музеев различных типов, видов, профилей. Вместе с тем социальные реалии современности ставят перед музеями новые задачи, связанные с организацией новых форм межмузейной и внутримузейной коммуникации.

Стратегия развития музеев евразийского региона связана с созданием ряда музейных объединений и формированием на их основе ресурсных центров. В условиях современного общества перспективы любого музея зависят от возможности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию. Партнерские, взаимозависимые отношения в музейной сфере способны решить задачи, связанные с созданием, направлением и использованием материальных и нематериальных ресурсов.

Партнёрские организации могут быть однотипны (представлены только музеями), но для большей эффективности деятельности музея следует привлекать представителей иных сфер деятельности, таких как управленческие структуры, образовательные учреждения, общественные объединения, коммерческие фирмы, охватывая как можно более широкую территорию. Целью создания парт-

нёрских организаций является решение общих проблем, таких как расширение сферы коммуникации и состава аудитории, продвижение музейного продукта, повышение конкурентоспособности и пр. Принадлежность к партнёрской организации способствует формированию отношений взаимодополнения, обеспечивающих не только общность ресурсов, но и полученных от их использования результатов. Э. Зотова отмечает, что партнёрская организация – это «система горизонтальных связей с одним или несколькими центрами ресурсораспределения», состоящая из «одно- или разнотипных элементов, объединившихся для приобретения новых возможностей и решения общих проблем» [2, с. 11].

Эта стратегия не является абсолютно новой. Форма ресурсного центра была апробирована ещё педагогическими музеями второй половины XIX – первых десятилетий XX века, хотя и соответствовала уровню музейного знания того периода. Фонды многих педагогических музеев европейской части России, например, Внешкольного подвижного музея наглядных пособий, и Западной Сибири формировались за счёт объединения коллекций различных учебных заведений – приходских и городских училищ, частных гимназий, дирекций народных училищ, а также личных учительских собраний и пожертвований меценатов. Музеи выступали ресурсным центром для местного педагогического сообщества, предоставлявшего безвозмездно или за минимальную плату (на её средства осуществлялась аренда помещений) коллекции, приборы, модели, литературу и пр. местному педагогическому сообществу. Ограниченность членов

такого партнёрского объединения, ориентированность на узкую целевую аудиторию, отсутствие партнёрских отношений с аналогичными музеями региона вносили затруднения в их деятельность.

Теоретические изыскания современных авторов и накопленный музеями практический опыт работы свидетельствуют, что для создания условий формирования партнёрского объединения первоначально необходимо организовать площадку первичной коммуникации, построенной по типу музейного клуба, который должен предусматривать два уровня объединения: агентов региональной внешней среды, которыми могут стать иные музеи, общественные организации, фонды, и агентов местной внешней среды, представленных школами, вузами, учреждениями культуры и пр. Создание музейного клуба является стратегически необходимым, так как способствует решению ряда важных задач подготовительного этапа, таких как определение круга партнёров, выявление совместных проблем, требующих решения. В рамках клуба происходит структурирование мировоззренческих идеалов, определение общих ценностей и путей и способов их популяризации. Как отмечает Э. Зотова, музейное клубное общение в музее – «это коммуникация с целью мифотворчества. ... Участники отвечают на вопросы: «Кто мы?», «Чем отличаемся от других?», «Что мы делаем?», «Зачем мы это делаем?», «Какие у нас проблемы?» и таким образом формируют представление о себе» [2, с. 21].

Опыт Омского научно-педагогического музея в 20–30-е гг. XX в. свидетельствует об удачности данного приёма. Так, в период трансформации формы классического педагогического музея и его адаптации к условиям советского социума именно использование форм, методов и элементов клубной деятельности сделало этот музей не только жизнеспособным и востребованным среди местного сообщества, но и известным на региональном уровне. Тесное сотрудничество музея с такими агентами внешней местной среды, как органы образования, союз работников просвещения, школы и техникумы, сформировало площадку первичной коммуникации. Омский научно-педагогический музей фактически стал учреждением клубного типа, ориентированным на методическую и краеведческую деятельность. На его базе действовали различные научные и методические кружковые объединения, проводились семинары для педагогов всех ступеней обучения, конференции и курсы для педагогов. Все они были объединены общей тематикой: теория, методика и практика преподавания в современной школе. Эти формы способствовали формированию профессионального музейного сообщества, обмену накопленным опытом и развитию практики преподавания. Но достаточно узкий со-

став членов музейного клуба, их разобщённость по возрастному уровню (педагоги, студенты, учащиеся), ориентированность коммуникации преимущественно на потребности образовательных учреждений, отсутствие творческих и рекреационных форм работы, – всё это лишило музей возможности совершить очередную трансформацию и соответствовать новым потребностям общества, ориентированного, в том числе, и на культурный досуг [3, с. 38–42].

На этапе организации музейного клуба, с целью привлечения как агентов, так и посетителей, необходимо приступить к разработке стратегии брендинговой политики [4, с. 25–50], направленной на формирование положительного устойчивого образа будущего музейного объединения и музейного продукта, который будет реализовываться в форме проектов, выставок, совместных мероприятий, изданий и пр. Внешний коммуникационный процесс должен быть направлен на реальную и потенциальную музейную аудиторию средствами рекламы. Для достижения этих целей необходимо, чтобы музей был органично вписан в потребности местного социума и соответствовал его ожиданиям.

Помимо создания площадки коммуникации в форме музейного клуба, необходимо формирование единого информационного ресурсного центра, что возможно в результате структурирования существующих отношений [5, с. 50–67]. На первоначальном этапе ресурсный центр будет способствовать обмену между участниками опытом реализации новаторских форм и методик работы с аудиторией, а впоследствии и активной межрегиональной выставочной политике.

Структурирование подразумевает выделение инициативной группы, актива, который будет инициатором проведения совместных методических мероприятий и проектов. На этапе становления партнёрской организации наибольшую важность приобретают методические семинары, специализированные секции на научно-практических конференциях, чтениях. Их проведение повлечёт обмен накопленным опытом в организации и осуществления экспозиционной, научной, культурно-образовательной деятельности в рамках докладов и дискуссий. Тематами первых научно-практических и методических семинаров должны стать вопросы трансформации музейной коммуникации. В качестве коммуникационных ресурсов, обсуждаемых и выдвигаемых на первых конференциях, чтениях и семинарах, могут выступить сложившиеся формы работы музеев.

Обмен ресурсами, как главная цель создания ресурсного центра, стимулирует процесс воспроизводства посредством как персональных, так и совместных проектов. Обратимся к историческим

прецедентам. Так, в рамках деятельности Тюкалинского подвижного школьного музея учебных пособий, выполнявшего функции ресурсного центра, осуществлялись совместные проекты с Императорским техническим обществом [6]; тобольского и томского педагогических музеев – с губернскими дирекциями начальных губернских училищ по организации и проведению краткосрочных педагогических курсов и передвижных выставок для педагогов отдельных уездов [7]. Функции дирекции заключались в организации и предоставлении высококвалифицированных педагогов для проведения курсов, музеи выступали методической базой. Церковные педагогические музеи также имели аналогичный опыт работы. Тобольское церковное древлехранилище и архивная комиссия реализовывали совместно с духовной консисторией проекты научно-исследовательского характера. Результатом стали научные работы, опубликованные в специализированном продолжающемся издании «Тобольское церковное древлехранилище» [8], «Тобольских епархиальных ведомостей» и отдельных монографических изданиях – «Очерки из истории Тобольской Духовной семинарии» Н.А. Бирюкова [9]. Для комиссии по устройству юбилейной художественно-исторической выставки в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (1913 г.) древлехранилище выступило в качестве агента внешней среды [10]. Объединение ресурсов московского Кабинета церковно-школьных пособий и Синодального училищного совета создало методическую базу для проведения Всероссийской школьно-церковной выставки в 1909 г. [11]. Саратовский епархиальный церковно-школьный музей стал агентом внешней среды для выставки Приамурского края 1913 года [12].

На современном этапе воспроизводство может осуществляться через политику членства, образовательные программы и консалтинг. Так, Новосибирский областной краеведческий музей оказывал консультационные услуги и методическую помощь в создании Музея Новосибирского епархиального управления, а для проектирования долгосрочной выставки на базе Музея истории православия на земле Кузнецкой объединились представители Кемеровской и Новокузнецкой епархии, Фонда святого и всехвалного апостола Андрея Первозванного (г. Москва), специалисты по проектированию из Кемерово и Омска.

Существующие формы интеграции музеев представляют собой профессиональные союзы, направленные на выполнение социокультурных функций через обмен опытом и ресурсами в рамках конференций и семинаров. Так, в 2011 и 2014 гг. Музей истории Алтайской духовной миссии принимал международную конференцию-форум «Музеологическая школа» с участием российских и

германских учёных (агенты внешней региональной среды) [13]. Музей истории православия на земле Кузнецкой инициировал проведение «Православных рождественских чтений» и ежегодного семинара, приуроченного к празднованию Дня славянской письменности и культуры, Музей истории православия на Алтае – «Рождественских чтений» и семинаров по православной тематике, направленных на агентов внешней местной среды. Вместе с тем указанные проекты на данном этапе не предусматривают регулярного межмузейного сотрудничества, вероятно, по причине того, что их проведение приурочено к большим церковным праздникам, торжественно празднуемым каждой епархией и требующим присутствия сотрудников церковных музеев на местах.

Обобщая изложенное следует отметить, что усилия современных музеев, в рамках реализации стратегии развития, должны быть направлены на формирование партнёрских организаций и ресурсных центров, показавших свою эффективность ещё на рубеже XIX–XX вв. Предпринимаемые в рамках стратегии меры обусловят расширение географической и тематической сфер коммуникации, реализации комплексной проектной деятельности, что будет способствовать развитию музейного мира евразийского региона.

Литература

1. *Музей* // Российская музейная энциклопедия. 2009. URL: <http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?40> (12.02.2017 г.).
2. *Зотова Э.* Технологии информационного менеджмента партнерских организаций в сфере культуры // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. Москва, 2010. С. 7–25.
3. *Полякова Е. А.* Трансформация форм культурно-образовательной деятельности педагогических музеев в 20–30 гг. XX в. (на примере Омского научно-педагогического музея) // Вестник Томского государственного университета: бюллетень оперативной научной информации. Современные проблемы отечественной и всеобщей истории. 2006. № 90. С. 38–42.
4. *Трофимова А.* Бренд-культура как технология повышения конкурентоспособности музея // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. Москва, 2010. С. 25–50.
5. *Федянина Н.* Ресурсные центры в системе региональной культурной коммуникации // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики. Москва, 2010. С. 50–67.
6. *ГАТО.* Ф. 126. Оп. 2. Д. 1354. Л. 11–11 об.
7. *Отчёт по краткосрочным педагогическим курсам для учителей и учительниц сельских школ начальных училищ Тобольской губернии, бывшим в городе Тобольске с 14 июля по 10 августа 1910 года.* Тобольск, 1910. С. 1.
8. *Юрьевский А. И.* Об издании книжек церковно-исторического и церковно-археологического содержания под общим заглавием «Тобольское церковное древлехранилище // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 23. С. 426–433.

9. *Отчёт о состоянии Тобольского церковного древлехранилища с 26 окт. 1903 г. по 26 окт. 1904 г.* // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 77.

10. *Отчёт о деятельности Тобольского епархиального братства за 1912-1913 гг.* // Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 9. С. 181–182.

11. РГИА. Ф. 23. Оп. 17 (1895–1917). 1 стол. Д. 55. Л. 4–5.

12. *Отчёт по церковно-школьному отделу выставки Приамурского края 1913 года в городе Хабаровске,*

в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых (15 июля – 15 сентября 1913 г.). Хабаровск, 1913. С. 1–6.

13. *Бийское благочиние и музей Истории Алтайской духовной миссии принимают участников IX международной музеологической школы* // Бийск православный. 2011.

URL: http://www.bigpi.biysk.ru/hram/show_news.php?start=70 (24.01.2014 г.).

E. A. Polyakova, Dr. of Historical Sciences, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
elena2873@mail.ru

HISTORICAL ANALOGIES IN THE STRATEGY OF MUSEUM SECTOR DEVELOPMENT IN 20th CENTURY

The article outlines the author's assessment of the formation prospects the voluntary intrasectoral inter-institution associations in the system of the Russian museum sphere structures activities. The necessity of popularization of productive historical experience on creation of inter-museum resource centers for successful solving the key problems of museum communication is argued. The brief characteristic of the pedagogical museums activity at the turn of the 19th and the 20th centuries, which became pioneers in new forms of interaction with various cultural and educational institutions, is given; the author assesses the possibility of using the positive and negative experience of inter-institutions cooperation, that native museums have accumulated, for conceptualizing and implementing the strategy of the Eurasian museums development.

A museum as an educational form of culture aimed at solving the problems of preserving, familiarization and spreading the most valuable part of the cultural and natural heritage. The today's realities dictate to a museum the new tasks related to the organization of new forms of inter-museum and intra-museum communication.

The strategy of the Eurasian museum sphere development is touched with the creation of a museum associations and the formation of resource centers on its basis. Partner organizations are able to solve the problems of expanding the museum communication sphere, promoting a museum product, increasing a museum's competitiveness, etc.

The form of a resource center was firstly approved by native pedagogical museums acted in the second half of the 19th century, the first decades of the 20th century. The museums worked as a resource center for the local pedagogical community, which provided (gratuitously or for a small fee) to the local teachers the museum document collections, devices, models, literature, etc. But a limit of the partnerships members, its orientation toward a small target audience, as well as the lack of relations with other museums in the region obstructed its activity.

At the present time, in order to create the conditions for the partnership formation, it is necessary to organize a place for primary communication, built as a museum workers club, which should provide two levels of such association: agents of the regional external environment, which may be other museums, public organizations, funds; and agents of the local environment such as schools, universities, cultural institutions, etc. The work of the Tyukalinsk (Omsk oblast', Russia) mobile school museum of teaching aids, the Tobol'sk Church Repository of Antiquities (Tyumen' oblast', Russia), Saratov eparchial Church and school museum (Saratov oblast', Russia), Omsk scientific and pedagogical museum (Omsk oblast', Russia) says that within the framework of partner associations, there is a structuring of work ideals, searching of common values and ways of its popularization. The museums cooperation with named agents of the local environment – educational institutions, schools and technical colleges, scientific societies, etc. – had formed several places for primary communication, and, later, laid the foundation for the creation of resource centers.

The dynamic exchange of resources (such as some innovative work forms and methods, museum exhibition collections, etc.) inspires the museum communication process through both single and joint museum projects.

In general, today's museums efforts in the conceptualizing and implementation of the museum sphere development strategy, on author's opinion, should be aimed at the formation of partner organizations and resource centers that already have shown their effectiveness at the turn of the 19th and 20th centuries. The strategy measures will determine the expansion of the geographical areas of museum communication, its thematic assortment, also, will help to project activity fulfillment, which will contribute to the development of the Eurasian museum world.

Keywords: *museum, partners of museum, resources centers, museum communication, museum work strategy, museum workers meeting.*

References

1. *Muzej* [Museum] // Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija [Russian Museology Encyclopedia]. 2009. URL: <http://www.museum.ru/RME/dictionary.asp?40> (12.02.2017). [In Russ.].
2. *Zotova E.* Tehnologii informacionnogo menedzhmenta partnerskih organizacij v sfere kul'tury [Partner Organizations in Culture Sphere: Informational Management Technologies] // *Tehnologii informacionnogo menedzhmenta partnerskih organizacij v sfere kul'tury* [Museum Communication: Models, Technologies, Practice]. Moscow, 2010. Pp. 7–25. [In Russ.].
3. *Polyakova E. A.* Transformacija form kul'turno-obrazovatel'noj dejatel'nosti pedagogicheskikh muzeev v 20–30 gg. XX v. (na primere Omskogo nauchno-pedagogicheskogo muzeja) [Transformation of Forms of Cultural and Educational Activities of Pedagogical Museums in 1920s–1930s (on Example of Omsk Scientific and Pedagogical Museum)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: bjulleten' operativnoj nauchnoj informacii. Sovremennye problemy otechestvennoj i vseobshhej istorii* [Bulletin of Tomsk State University: Operative Scientific Information Messenger. Modern Problems of Native and World History]. 2006. No. 90. Pp. 38–42. [In Russ.].
4. *Trofimova A.* Brend-kul'tura kak tehnologija povyshenija konkurentosposobnosti muzeja [Culture of a Brand as a Technology of Increasing a Museum's Competitiveness] ренд-культура как технология повышения конкурентоспособности музея // *Tehnologii informacionnogo menedzhmenta partnerskih organizacij v sfere kul'tury* [Museum Communication: Models, Technologies, Practice]. Moscow, 2010. Pp. 25–50. [In Russ.].
5. *Fedyanina N.* Resursnye centry v sisteme regional'noj kul'turnoj kommunikacii [Resource Centers in System of Regional Cultural Communication] // *Tehnologii informacionnogo menedzhmenta partnerskih organizacij v sfere kul'tury* [Museum Communication: Models, Technologies, Practice]. Moscow, 2010. Pp. 50–67. [In Russ.].
6. *Tomsk Region State Archive.* F. 126. Inv. 2. Case 1354. Sh. 11–11 r. [In Russ.].
7. *Otchjot po kratkosrochnym pedagogicheskim kursam dlja uchitelej i uchitel'nic sel'skih shkol nachal'nyh uchilishh Tobol'skoj gubernii, byvshim v gorode Tobol'ske s 14 ijulja po 10 avgusta 1910 goda* [Report on Short-Term Pedagogical Courses for Rural Schools of Primary Schools Teachers in Tobol'sk Province, which took place in Tobol'sk from July 14th to August 10th, 1910]. Tobol'sk, 1910. P. 1. [In Russ.].
8. *Yur'evsky A. I.* Ob izdanii knizhek cerkovno-istoricheskogo i cerkovno-arheologicheskogo sodержaniya pod obshhim zaglavijem «Tobol'skoe cerkovnoe drevlehranilishhe» [About Publication Church and Historical, Church and Archeological Books under Common Head “Tobol'sk Church Repository of Antiquities”] // *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobol'sk Diocesan News]. 1902. No. 23. Pp. 426–433. [In Russ.].
9. *Otchjot o sostojanii Tobol'skogo cerkovnogo drevlehranilishha s 26 okt. 1903 g. po 26 okt. 1904 g.* [Tobol'sk Church Repository of Antiquities State Report (from 26th October, 1903 to 26th October, 1904)] // *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobol'sk Diocesan News]. 1905. No. 4. P. 77. [In Russ.].
10. *Otchjot o dejatel'nosti Tobol'skogo eparhial'nogo bratstva za 1912–1913 gg.* [The Report on the Tobol'sk Diocesan Brotherhood Activities for 1912–1913] // *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti* [Tobol'sk Diocesan News]. 1914. No. 9. Pp. 181–182. [In Russ.].
11. *Russian State Historical Archive.* F. 23. Inv. 17 (1895–1917). 1 стол. Case 55. Sh. 4–5. [In Russ.].
12. *Otchjot po cerkovno-shkol'nomu otdelu vystavki Priamurskogo kraja 1913 goda v gorode Habarovske, v oznamenovanie 300-letija carstvovaniya Doma Romanovyh (15 ijulja – 15 sentjabrja 1913 g.)* [Report on the Church and School Department of the of the Amur Region Exhibition (Khabarovsk, 1913) in Commemoration of the Romanovs Dynasty 300th Anniversary (July 15th – September 15th, 1913)]. Khabarovsk, 1913. Pp. 1–6. [In Russ.].
13. *Bijskoe blagochinie i muzej Istorii Altajskoj duhovnoj missii prinimajut uchastnikov IX mezhdunarodnoj muzeologicheskoy shkoly* [Biysk Deanery and the Museum of the History of the Altai Spiritual Mission is Accepting the Participants of the 9th International Museum School] // *Biysk pravoslavnyj* [Biysk Orthodoxal]. 2011. URL: http://www.bigpi.biysk.ru/hram/show_news.php?start=70 (24.01.2017). [In Russ.].

УДК 001.891.3:745/749

О. Л. Сергеева, преподаватель
Государственный университет г. Дэчжоу (Дэчжоу, Китай)
olga.basha12@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА И ИСКУССТВА

Декоративно-прикладное творчество и искусство автор предлагает рассматривать как единую предметную среду и обозначить единым термином ДПТИ. Найдено место ДПТИ в структуре материальной культуры. Предложена структура предметного поля ДПТИ и схема его развития в историческом времени.

Ключевые слова: декоративно-прикладное творчество и искусство, материальная культура, предметная среда.

Декоративно-прикладное творчество и искусство (ДПТИИ) сопровождает человека на протяжении

всей его жизни, а человечество – на протяжении всей его истории. Стремление человека

к красоте неистребимо. С помощью предметов ДПТИИ человек создает комфортную для себя материальную среду.

В русскоязычной литературе традиционно различимы два уровня мастерства и креативности изготовления бытовых утилитарных предметов и, соответственно, две группы изделий: декоративно-прикладного творчества (ДПТ) и декоративно-прикладного искусства (ДПИ). Термин «творчество» связан с такими областями как образование и натуральное хозяйство, а термин «искусство» применим в профессиональной деятельности. Производство современного массового производства, изготовленную промышленным, конвейерным способом, зачастую не относят ни к творчеству, ни к искусству, и применяют к ней термин «дизайн». Мы предлагаем рассматривать продукты творчества, искусства и дизайна в диалектическом единстве как единую предметную среду, создаваемую человеком и окружающую его. Невозможно отрицать творческую направленность деятельности человека при изготовлении или использовании тех и других изделий, но слово «творчество» созвучно со словом «творец», а «искусство» – однокоренное со словом «искус», «искушение», то есть стремление преодолеть Творца в мастерстве и красоте исполнения. С термином «искусство» в русском языке связаны такие слова как «произведение», «шедевр»; термину «творчество» более соответствуют «продукт», «результат», «поделки». Нами использован термин «изделие» как наиболее универсальный и одновременно нейтральный для обозначения вещного многообразия «второй природы», непосредственно окружающей человека. В изделиях ДПТ утилитарная функция доминирует. В изделиях ДПИ эстетическая функция становится ведущей, хотя утилитарная также присутствует, но минимизируется, обретает характер мнимой утилитарности, компенсируясь статусной, мемориальной, демонстрационной и другими. Поэтому изделия ДПТИИ обозначены единым термином – декоративно-прикладное творчество-искусство (ДПТИ). Практически все изделия ДПТИ несут образно-смысловую нагрузку, присущую как изделиям творчества, так и искусства.

ДПТИ – полноправная часть пространства культуры [1, с. 35]. В литературе предметное поле материальной культуры представлено как три взаимопересекающиеся множества: продуктов (потребления), орудий (труда), произведений (искусства) [2, с. 39], однако не указано место, занимаемое изделиями ДПТИ. По нашему мнению, оно расположено на пересечении трёх указанных множеств.

Структуру предметного поля ДПТИ в физическом пространстве можно представить в виде четырёх кругов досягаемости, располагаемых по мере

удалённости от человека: поверхность тела, одежда и аксессуары, вещи в интерьере и салоне транспортных средств, декор сооружений и соразмерные индивиду вещи в наружной пространственной среде. В предлагаемой структуризации был использован философский принцип антропосоразмерности, который заключается в досягаемости предметов вытянутой рукой и их соразмерности кисти руки, в отличие от соразмерности длине человеческого тела, как в архитектуре.

Рассматривая отдельно взятую локальную культуру, мы обнаруживаем, что её стилиобразующие элементы могут располагаться в любом из кругов досягаемости, но не во всех одинаково интенсивно. Так, для «больших стилей» Европы – готики, барокко, модерна – ведущей была архитектура, её декор, расположенные в четвертом круге досягаемости, тогда как предметы интерьера и одежда лишь следовали стилистике архитектурных элементов. Украшение тела (татуировка, раскраска кожи) более характерны для первобытной и современной культур – первый круг досягаемости. В средние века и Новое время насыщение первого круга досягаемости было более представлено причёсками и макияжем. Одежда и аксессуары, предметы интерьера (второй и третий круги досягаемости) являются оригинальными и репрезентативными для большинства традиционных народных культур [3, с. 162].

Изделия ДПТИ можно также систематизировать по основанию их рыночной стоимости на группы исключительного, среднего и «бросового» уровня, потребителями которых оказались привилегированные, среднеобеспеченные и малоимущие представители социума. Изделиями исключительного уровня изобилует быт знати, к нему применим термин «декоративная роскошь». Такие изделия несут повышенную нагрузку демонстрации и пониженную – утилитарности. Их задача – подчёркивать социальный и имущественный статус владельца.

Вещи среднего уровня были наиболее широко распространены во все исторические эпохи, поскольку были призваны обслуживать потребности основной массы населения.

Вещи бросового уровня всегда присутствовали в материальном окружении человека, но подлежали утилизации или выбрасыванию в первую очередь. С 60-х годов XX века – наступлением эпохи постмодерна – в круг внимания дизайнеров вошли эпатазирующие потребителя сломанные, сожжённые и выброшенные вещи, а также дешёвые новые материалы – синтетика, пластмассы.

Поднятый вопрос важен как для музеефикации изделий ДПТИ, так и для воссоздания исторически достоверной обстановки в сценографии, кинематографе и других видах искусства. На практике

оказывается, что реставрация, воспроизведение «текста» из изделий ДПТИ среднего и бросового уровня – гораздо более сложная задача, нежели из изделий ДПТИ исключительного уровня, поскольку аутентичных предметов определённой эпохи остаётся крайне мало ввиду их скорейшей утилизации из-за внешней непривлекательности, обыденности, дешевизны и непрочности. Зачастую в фильмах, спектаклях и музейных экспозициях приходится наблюдать неубедительно воссозданную обстановку быта малоимущих представителей общества, насыщенную дорогостоящими предметами только потому, что подобранный сценаристами предмет мебели или утвари «относится к тому времени». Так, приходится наблюдать, как интерьер студенческого общежития или съемной комнаты меблирован резными стульями и шкафами, место которым не иначе как в залах особняка графа Потockого, поскольку сценаристам слишком сложно разыскать «грошовую мебель», описанную в литературе.

Помимо критерия рыночной стоимости возможна оценка изделий ДПТИ по другим основаниям: исторической значимости, индивидуальной ценности (например, личных воспоминаний). Раритет может иметь ценность как для всего общества (например, изделие определённой эпохи; некогда собственность выдающейся личности), так и личную, приватную (памятный подарок, сувенир). Происходит насыщение изделия дополнительными смыслами: материальный предмет становится носителем духовной составляющей культуры. Элементы духовной культуры очень часто гипостазированы, материализуются в изделиях ДПТИ.

До настоящего времени сохранилась точка зрения, когда с изделиями ДПТИ связывают, прежде всего, предметы традиционного народного (крестьянского) быта, которые продолжают существовать наряду с новаторскими предметами в современном постиндустриальном, информационном обществе.

Пространственное расположение изделий ДПТИ дополнено временной координатой, что позволило построить схему их развития в историческом времени. В результате было выявлено три исторических слоя развития изделий ДПТИ: «архаика» – от палеолита до неолита, «традиционность» – от неолита до момента капитализации производства и «современность» – от капитализации производства до сегодняшнего дня.

Выделение временной оси в построении динамики предметного поля ДПТИ дало возможность расширить период бытования изделий ДПТИ от палеолита и до современности, тогда как в литературе устоялось мнение, что исследуемая группа объектов появилась лишь в неолите, а после капитализации производства настало время дизайна.

В эпоху неолита «приручение» огня вызвало к жизни использование целого ряда новых технологий, актуальных и используемых поныне: обжиг глины, плавку металлов, обработку волокон, ткачество, что существенно расширило ассортимент изделий ДПТИ. Вторым эпохальным переломом явилось ускорение НТП в середине XIX века, которое ознаменовало переход от использования мускульной силы человека и животных к использованию энергии пара, а затем электричества, что повлекло за собой механическое изготовление большинства вещей, конвейерное производство, массовое потребление, тотальную унификацию быта, необходимость разнообразия конструктивно одинаковых промышленных изделий за счёт их внешнего оформления [4, с. 89]. Бесспорно, слой «традиционности» преимущественно насыщают вещи, используемые в крестьянском быту, в котором они «законсервировались». Но было бы несправедливо отбрасывать их аналоги из предметного поля ДПТИ более раннего и более позднего периодов – «архаики» и «современности» (в частности, орудия труда палеолита и электроприборы современного быта). Внутри себя предметное поле не может быть однородно и стабильно, его насыщенность, сегментация по различным основаниям и коннотативная насыщенность меняются во времени.

Образование новых этнически-локальных культур (следовательно, формирование их вещного стилевого разнообразия) закончилось с переходом человечества во временной слой «современность». Многие стилистически-характерные изделия ДПТИ пока продолжают существовать по инерции, особенно в крестьянском быту или при ином способе традиционного хозяйствования, который отражает тенденции консервации, сохранения аутентичности в культуре. Изделия ДПТИ, возникшие во временном слое «архаики» и «традиционности», продолжают существовать, иногда в усовершенствованном, изменённом виде в силу идентичности потребностей человека в одежде, пище, крове на протяжении всей его истории. Сохранение элементов традиционного уклада, в том числе выраженных через ДПТИ, является культурной ценностью общепланетарного масштаба.

Литература

1. Каган М. С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996. 270 с.
2. Теоретическая культурология. Москва; Екатеринбург, 2005. 624 с. (Энциклопедия культурологии).
3. Сергеева О. Л. Дихотомия «творчество – искусство» в группе утилитарных предметов // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 14. С. 161–163.
4. Анухтина Н. Г. От истоков к основаниям глобально-экологической культуры мышления. Челябинск, 2006. 196 с.

O. L. Sergeeva, Lecturer
Dezhou State University (Dezhou, China)
olga.basha12@yandex.ru

METHODOLOGICAL ORGANIZATION OF RESEARCH IN DECORATIVE AND APPLIED ARTS SPHERE

The author proposes to look at the decorative/applied works and arts and design products as one. Its place in material culture scheme is founded in the middle (universal) of tools, works of art and consumer products.

The subject field of decorative art can be represented in the form of four concentric circles: human body surface, clothes and accessories, interior items, objects outside the house. The author applied the philosophical principle of anthropological proportionality as proportionality to the human hand, but not to the human body, as architects do.

Everyday things can be systematized in three levels: high, middle and waste ("trash"). High-level things are used by nobility. Middle-level things are used by most of the population. Waste-level things are recycling or throwing away. This systematization can be used by theater and film directors, museum workers, and others. Reconstruction of a poor room interior is more difficult than a rich one. Things that represent poverty are in short supply, while museums are full of things that represent wealth. Waste-level things have culture recycling our days only named postmodern.

The subject field of decorative art can be supplemented by a vector of time. Thereby decorative art can be considered in historical development. Its existence took place in the time of archaism, traditionalism and modernity. We are seeing the traditional decorative arts from Neolithic to the onset of industrial progress in the middle of the 19th century. Decorative arts have indestructibility and omnipresence during humanity history.

Keywords: *decorative and applied works and arts, material culture, subject environment.*

References

1. Kagan M. S. *Filosofija kul'tury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, 1996. 270 p. [In Russ.].
2. *Teoreticheskaja kul'turologija* [Theoretical Culturology]. Moscow; Yekaterinburg, 2005. 624 p. (Jenciklopedija kul'turologii) [Encyclopaedia of Culturology] [In Russ.].
3. Sergeeva O. L. Dihotomija «tvorchestvo – iskusstvo» v gruppe utilitarnyh predmetov [Dichotomy *creativity/art* in Utilitarian Things Area] // *Vestnic Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryatia State University]. 2011. Vol. 14. Pp. 161–163 [In Russ.].
4. Apuchina N. G. *Global Ecological Thinking Culture: From the Origins to the Basics*. Chelyabinsk, 2006. 196 p. [In Russ.].

УДК 902.2.3: 338.482.22(571.150)

С. В. Харламов, кандидат географических наук, доцент
Алтайский государственный институт культуры (Барнаул, Россия)
harlamovageo@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНОГО РЕГИОНА В СФЕРУ ТУРИЗМА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Памятники археологии Алтайского края представляют собой исключительную ценность в качестве туристских объектов. Внутриконтинентальное положение региона в пределах умеренного географического пояса определяет особенности археологического наследия. В условиях активного развития туристской отрасли актуальна задача выделения приоритетных археологических объектов для их интеграции в сферу туризма. Предложенный автором подход может быть рекомендован для других регионов, осуществляющих освоение культурно-исторических ресурсов в целях развития туристской деятельности.

Ключевые слова: *туризм, Алтайский край, археологическое наследие, памятники археологии.*

На территории Алтайского края, расположенной в центральной части Северной Азии и отдаленной тысячами километров суши от морей всех четырех океанов, открыто множество разнообразных памятников археологического наследия.

Человек разумы и его предшественники издавна проживали здесь, что было обусловлено

наличием благоприятной природно-ресурсной базы. Погодно-климатические условия, хотя и менее комфортные, чем в более южных широтах, способствовали круглогодичной активной жизнедеятельности. Множество рек и озер в горах и на предгорной равнине, обширные таежные массивы и плодородные степи являлись неисчерпаемым источни-

ком растительной и животной пищи. Исключительное разнообразие горных пород, в том числе, содержащих полиметаллические и железные руды, содействовало развитию и совершенствованию материально-технической базы различных социальных сообществ. И, тем не менее, здесь, в центре самого большого материка, не возникло такого развитого общества, как, например, в регионах Средиземноморья и Юго-Восточной Азии. По-видимому, одним из сдерживающих факторов явилась значительная удаленность территории от основных путей сообщения, каковыми в древности являлись моря.

Во всем мире в центрах активного развития туризма объекты археологического наследия представляют собой исключительную ценность в качестве туристских ресурсов, и в некоторых районах, например, в Египте, на Ближнем Востоке и др., являются первоосновой мотивации многочисленных туристских поездок.

В постсоветский период в Алтайском крае (в современных его границах) началось стремительное развитие туристской деятельности, результатом которого явилось признание туризма в качестве одной из приоритетных отраслей экономики [1]. Основу интереса быстрорастущего въездного туристского потока представляет во многом уникальный природный комплекс нашего края. Одновременно в последнее десятилетие наблюдается возрастающая интеграция культурно-исторического наследия в сферу туризма: осуществляется реконструкция действующих музеев и появляются новые; формируется ряд крупных событийных проектов, основанных на самобытной культуре региона; расширяется тематика разнообразных экскурсионных программ. Не остаются без внимания и памятники археологии: осуществлен первый этап музеефикации археологического комплекса «Царский курган» в долине р. Сентелек (Чарышский район); созданы парк «Перекресток миров» у Тавдинских пещер в долине р. Катунь на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» (Алтайский район) и экскурсионное бюро «У Денисовой пещеры» на р. Ануй (Солонешенский район). В крае разрабатываются разнообразные проекты, предполагающие использование памятников археологии в туристской деятельности, например, в рамках программы UNWTO «Великий Шелковый путь», природно-археологического парка «Колыбель человечества» в долине р. Ануй, музеефикации археологического комплекса в южном отроге горы Пикет около с. Сростки Бийского района, природно-археологического парка на Колыванском озере в Змеиногорском районе и др. Необходимо так же отметить опыт, с успехом воспринятый отдыхающими санатория «Рассветы над Бией» (Бийский район), где создана «Тропа тысячелетий»;

в долине Чарыша в устье р. Теплой (Чарышский район) посетители турбазы «Зазубра» с интересом знакомятся с каменными курганами тюркского времени, в первозданном виде восстановленными археологами после завершения раскопок; содержательные экскурсии по объектам археологического наследия в Солонешенском, Чарышском и Змеиногорском районах проводят сотрудники краеведческих музеев и ученые [2].

Все перечисленные начинания в области интеграции археологического наследия в сферу туризма, предпринятые в Алтайском крае за последние 10–15 лет, основаны на результатах профессионально выполненных археологических исследований представителей краевой вузовской науки и ученых Сибирского отделения Российской Академии наук. Это обстоятельство необходимо отметить особо, поскольку в целях популяризации археологического наследия должна использоваться исключительно достоверная информация. Во многих проектах в процессе подготовки и оказания экскурсионных услуг непосредственное участие принимают специалисты-археологи.

Особым проектом федерального уровня, потребовавшим осуществления анализа с определением перспектив использования археологического наследия в целях туризма, является создание на протяжении 2015–2017 гг. «Туристской энциклопедии Алтайского края». Инициаторами данного проекта предложено рассматривать том, посвященный Алтайскому краю, в качестве пилотного в единой серии для всех туристских регионов России. В рамках работы над проектом разрабатываются концептуальные подходы по формированию содержания Туристской энциклопедии, перечня структурных организационно-методических единиц и выбору объектов, которым будут посвящены статьи этого уникального издания [3].

Наряду с исключительным разнообразием и высокой плотностью распределения памятников археологии в Алтайском крае, их отличает невысокий уровень современных аттрактивных качеств. Археологические объекты аналогичных эпох, расположенные в более теплых южных широтах, выглядят более привлекательными. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение при организации использования памятников археологии в качестве туристских ресурсов (как объектов показа), поскольку для этих целей требуется привлечение значительных финансовых ресурсов.

Горная территория Алтайского края, занимающая около одной трети от его общей площади, отличается еще одной особенностью в археологическом плане. Здесь до сих пор не обнаружено ни одного наскального рисунка (петроглифа), за исключением небольшого рунического знака (тавро) в долине р. Устюбы (Алтайский район) [4]. В то же

время наскальная живопись древних людей пользуется у туристов исключительной популярностью, примером которой являются урочище Калбак-Таш на Чуйском тракте (Республика Алтай) или «Томская писаница» в Кемеровской области.

В пределах современной территории Алтайского края историю изучения археологических памятников можно проследить, начиная с середины XVIII в. В поисках новых полиметаллических и железорудных месторождений в предгорных и горных районах Алтая в те годы уже занимались отряды горнорудных экспедиций. Одним из методов поиска являлось обнаружение участков, так называемых, «чудских копей» (ям-закопушек), откуда древние люди брали руду для выплавки металла. Описания мест со следами деятельности древних рудокопов и металлургов этой части Алтая являются первыми достоверными свидетельствами исследования археологического наследия. Однако значительно ранее организованных отрядов в предгорьях Алтая орудовали те, кого сейчас именуют «черными археологами». В теплое время года ватаги (артели, бригады) этих лихих людей приходили с северных территорий Западной Сибири, к тому времени освоенных Российским государством, и раскапывали «бугры» (как тогда называли курганы). Это опасное дело было прибыльным, поскольку в некоторых «буграх» удавалось находить золотые, серебряные и бронзовые предметы, имевшие иногда изящный вид. Продажа находок состоятельным людям Тобольской губернии приносила хорошие заработки, а часть предметов, подаренных тобольским губернатором, вошла в знаменитую Сибирскую коллекцию Петра I. Варварский промысел, запрещенный впоследствии специальным указом Императора, конечно, не имел документального описания, современные ученые могут только предполагать, где были добыты бугровщиками отдельные предметы.

Впоследствии исследованием археологического наследия занимались как приезжие, так и местные ученые. В настоящее время в Алтайском крае создана известная археологическая школа, разрабатывавшая такие понятия как «сросткинская культура», «большереченская культура», «елунинская культура» и др.; появился новый термин «денисовец», вошедший в мировую археологию после находки в Денисовой пещере останков ранее неизвестного вида человека.

Объекты археологического наследия Алтайского края, несмотря на небольшой имеющийся опыт введения памятников археологии в оборот туристской деятельности, представляют собой исключительно ценный ресурс, на основе которого предстоит дальнейшее формирование и развитие уникального туристского продукта региона, не имеющего собственного Объекта Всемирного

наследия ЮНЕСКО. Именно поэтому блок статей в Туристской энциклопедии, касающийся археологии, посвящен краткой характеристике наиболее перспективных с точки зрения туристского интереса, объектов, на которые предлагается обратить первоочередное внимание в целях дальнейшего динамичного развития туристско-экскурсионного комплекса Алтайского края.

Общую картину археологического прошлого демонстрируют статьи, характеризующие эпохи камня, бронзы и железа, а также переходный от камня к бронзе (энеолиту) период, поскольку на территории имеется очень интересный материал, связанный с этим удивительным историческим временем. Помимо обобщенной характеристики содержание статей, авторами которых являются известные археологи края, акцентирует внимание на отдельных археологических памятниках или комплексах, представляющих наибольший интерес.

На территории края обнаружены и исследованы объекты палеолита (древнего каменного века), мезолита (среднего каменного века), неолита (нового каменного века). На протяжении эпохи камня происходил длительный процесс совершенствования обработки камня, и в неолите появились первые изделия из керамики. Исследование раннепалеолитических стоянок (100 тыс. – 33 тыс. лет назад), в частности, в долине р. Ануй в Солонешенском районе: нижние культурные слои Денисовой пещеры и стоянка Карама позволили сформировать новый взгляд на заселение Южной Сибири и Алтая [5, 6]. Памятники верхнего (33 тыс. – 23 тыс. лет назад) и позднего палеолита (20 тыс. – 15 тыс. лет назад) хорошо изучены в долине р. Ануй в районе границ Солонешенского района Алтайского края и Усть-Канского района Республики Алтай, а также в Красногорском районе (Ушлеп и др.). В памятниках ушлепской культуры помимо выразительных каменных орудий найдены замечательные образцы костяных и кожаных украшений. Памятники неолита (8 тыс. – 6 тыс. лет назад) известны в Красногорском районе в долинах р. Катунь (Усть-Иша) и р. Бии (Пильно).

Очень интересен на Алтае переходный период от эпохи камня к эпохе бронзы (4 тыс. – 3,5 тыс. лет назад), когда наряду с каменными появляются изделия из металла (меди). В это время люди начали заниматься скотоводством [6, 7]. Места проживания людей эпохи энеолита помимо территории Алтайского края исследованы в Хакасии, Республике Алтай, Северо-Западной Монголии и Северо-Западном Китае. Впервые в Сибири стали выплавлять медь из руд, добытых в горах, известен рудник Владимировка в вершинной части одного из отрогов Коргонского хребта (Чарышский район). В памятниках эпохи энеолита найдены изделия из меди, золота, серебра, камня, костей,

рогов и метеоритного железа. Находки сделаны при раскопках в Курьинском районе поселения Подсинюшка в окрестностях оз. Белого, Краснощевском районе курганного могильника около с. Чинета, Чарышском районе курганного могильника около с. Сентелек и др. В настоящее время считается, что население той эпохи (афанасьевцы) появилось в Южной Сибири в результате миграций из Восточной Европы. В то же время в Верхнем Приобье (оз. Иткуль, долина рек Оби и Бии в Зональном, Бийском и Быстроистокском районах) исследовано около 50 памятников археологии, принадлежащих другой культуре. Здесь среди распространенных изделий из камня, кости и керамики отсутствуют металлические предметы.

В эпоху бронзы население занималось добычей меди, свинца, серебра и золота, произошло освоение выплавки бронзы (сплав меди с оловом и меди с мышьяком) с изготовлением из нее различных изделий, в том числе, предметов искусства [7]. На территории Алтайского края известны несколько культур бронзовой эпохи, например, елуинская, относящаяся к эпохе ранней бронзы (4,3 тыс. – 3,8 тыс. лет назад), с археологическими памятниками в степной и лесостепной частях края: «Елунино» (Павловский район), «Березовая Лука» (Алейский район), «Колыванское» (Змеиногорский район), «Староалейское» (Третьяковский район) и др. Памятники уткульской культуры исследованы на правобережье Оби – комплекс в окрестностях оз. Уткуль (Иткуль) в Зональном районе. Памятники средней бронзы (3,7 тыс. – 3,4 тыс. лет назад), принадлежащие племенам, расселявшимся на огромной территории от Урала до Енисея, известны в Первомайском, Кытмановском и других районах края. В нескольких районах имеются памятники позднего бронзового периода (3,4 тыс. – 3,3 тыс. лет назад), когда бронзовое литье достигло наивысшего совершенства. Во время раскопок археологических объектов этого времени найдено много разнообразных украшений из золота и серебра. Обнаружено два типа поселений: временные (сезонные), очевидно для летнего проживания, и постоянные, с мощным культурным слоем, указывающим на то, что люди занимались одновременно скотоводством, охотой и рыболовством.

Во времена переходного от бронзы к железу периода (2850 – 2650 лет назад) юго-западная горная и предгорная территории становятся частью скифо-сибирской культурно-исторической общности [2]. Население остальной территории, занятой Алтайским краем в современных границах, не испытало на себе заметного влияния скифов. Археологические памятники этого периода в лесостепной части края рядом ученых принято относить к болшереченской культуре. Скифский период считается одним из самых ярких в истории Евразии.

Те времена отмечены грандиозными царскими курганами в долине р. Сентелека (Чарышский район), около с. Бугры (Рубцовский район), а также княжескими курганами у Колыванского озера (Змеиногорский район). В Локтевском районе обнаружено уникальное захоронение «Золотого человека», на одежде которого было нашито 1609 золотых фольговых бляшек, еще 119 украшений было на головном уборе и несколько золотых украшений находилось в самом погребении [8].

Эпоха железа представляет собой период времени с начала освоения железо-литейного производства до нового времени. В археологии принято подразделять ее на три этапа: раннего железа; переселения народов, или гунно-сарматское время и средневековье; в свою очередь средневековье разделяется на раннее, развитое и позднее. В разных регионах и у разных народов хронология и продолжительность отдельных периодов эпохи железа может быть разной [2]. В III–II вв. до н.э. южно-сибирские территории, в том числе и наш регион, были покорены племенами гуннов, произошло смешение культурных традиций и этнического состава населения. В этот исторический период прекратило свое существование скифо-сибирское общество. Почти целое тысячелетие с III–II вв. до н.э. и до середины VII в. н. э. длился период «великого переселения народов», который характеризуется небольшим количеством памятников археологии в крае. Самым известным из них является княжеское захоронение на берегу р. Чарыша недалеко от с. Тугозвонново (Шипуновский район). «Тугозвонновское» захоронение IV–V вв. н. э. (раскопано в 1959 г.) получило мировую известность благодаря золотым и серебряным украшениям с драгоценными и полудрагоценными камнями, цветными пастой и стеклом.

В период раннего средневековья с середины VI в. Алтай находился в составе Тюркского каганата, затем до середины VIII в. – в составе II Тюркского каганата, являясь его северной окраиной. Памятников тюркского времени в лесостепной части края и Рудном Алтае очень мало, однако они есть в долинах северных хребтов Алтая. В середине – второй половине IX в. часть алтайских территорий была завоевана енисейскими кыргызами; с IX – начала XI вв. входила в состав Кимакского каганата. Основная часть памятников этого времени соотносится со сроткинской археологической культурой. Восточная граница Кимакского и Кыргызского каганатов проходила по р. Оби. Кимакская знать владела рунической письменностью, исповедовала буддизм и шаманизм, получала предметы роскоши путем торгового обмена с Центральным Китаем (по так называемым северным ответвлениям Великого Шелкового пути) и в результате завоевательных походов. Основная же часть населения

не испытывала инокультурного влияния и сохраняла традиционную идеологию шаманизма и тотемизма, культа предков и животных. В первой трети XI в. после значительного оттока кимако-кыргызского населения на запад Кимакский каганат распался. Территория оставалась слабо заселенной и в начале XII в. была завоевана монголами. Вплоть до конца XVI в. территория края оставалась практически малоосвоенной. В конце XVI – начале XVII вв. из гор на равнину выкочевали телеуты. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. Алтай входил в состав государства Западных монголов (Джунгарское ханство). С конца 1710 г. начался новый этап, связанный с освоением территории русскими и вхождением ее в состав Российской Империи.

Немалое число объектов археологического наследия Алтайского края входит в сферу интересов туристических кластеров и проектов, реализуемых в рамках федеральных программ: ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», игровая зона «Сибирская монета»; кластеры «Белокуриха» с субкластером «Белокуриха-2», «Золотые ворота» в Бийске и «Барнаул – горнозаводской город». Еще большее количество памятников археологии является неотъемлемой составляющей туристско-рекреационного потенциала туристических кластеров, определенных государственной программой «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015-2020 годы [9]: «Алтайский» (Алтайский район), «Сибирь изначальная» (Смоленский район), «Солонешенский» (Солонешенский район), «Горный Чарыш» (Чарышский район), «Горная Колывань» (Змеиногорский и Курьинский р-ны, г. Змеиногорск), «Егорьевский» (Егорьевский район), «Яровое» (г. Яровое), «Завьялово-Гуселетово» (Завьяловский и Романовский р-ны), а также брендовых маршрутов «Малое золотое кольцо Алтая», «Большое Золотое кольцо Алтая» и «Казачья подкова Алтая».

Результаты комплексного анализа, опирающегося на материалы археологических исследований территории Алтайского края и учитывающего интересы туристической отрасли, позволили сформировать перечень статей археологического блока «Туристской энциклопедии Алтайского края», который выглядит следующим образом:

- Археологические памятники Барнаула;
- Березовая Лука (Алейский район);
- Ближние Елбаны (большереченская культура) (Топчихинский район);
- Бугровщики;
- Денисова пещера (Солонешенский район);
- Деревянка Анатолий Пантелеевич;
- Золотой человек скифской эпохи Алтая (Локтевский район);
- Карама (Солонешенский район);

- Княжеские курганы (Змеиногорский и Шипуновский р-ны);
- Музей археологии Алтайского государственного университета;
- «Перекресток миров» (Алтайский район);
- Поселение древних металлургов и скотоводов на оз. Колыванском (Змеиногорский район);
- Рудник древних металлургов «Владимировка» (Чарышский район);
- Святилище древних на горе Очаровательная (Курьинский район);
- Скифский меч (Тюменцевский район);
- Сросткинская культура. Кимакский каганат (Бийский район);
- Телеутская земля;
- Ханхаринский дол (Краснощековский район);
- Царский курган на р. Сентелек (Чарышский район);
- Чагырская пещера (Краснощековский район);
- Чудские копи;
- Шелковый путь;
- Эпоха камня;
- Эпоха энеолита;
- Эпоха бронзы;
- Эпоха железа.

Результаты новых археологических исследований на территории Алтайского края в последние десятилетия (Денисова пещера и др.) заставляют вносить изменения в устоявшееся представление об эволюции общества не только нашего региона, но и в глобальном масштабе. Подобные результаты являются одним из факторов возрастания туристического интереса, появления новых проектов и программ интеграции археологического наследия в сферу туризма типичной внутриконтинентальной территории.

Нарастающие темпы развития туризма заставляют определять и предлагать новые туристские ресурсы, в том числе, среди объектов археологического наследия. Предложенная методика позволяет выделить из множества памятников археологии и событий, связанных с эволюцией археологического наследия на территории Алтайского края, наиболее приоритетные.

Результаты выявления приоритетных археологических объектов и событий, предпринятого в связи с конкретной задачей формирования содержания блока статей по данной тематике в региональной Туристской энциклопедии, могут представлять интерес и с иной позиции – предложения новых объектов экскурсионных программ: отбора памятников археологии для непосредственного использования в качестве экскурсионного объекта.

Учитывая специфику подобных внутриконтинентальных регионов, в число которых входит и Алтайский край, следует принимать во внимание, что памятники археологии внешне выглядят невыразительно и поэтому требуют существенных вложений разнообразных сил и средств в целях придания им качеств, необходимых для использования в качестве привлекательных туристских ресурсов. В связи с этим свод объектов археологии, перечисленных выше в данной публикации, предлагается использовать в качестве первоочередных при определении приоритетов для практического освоения, а предложенная методика может быть использована для принятия решения вопросов интеграции археологического наследия в сферу туризма для территории любого муниципального образования, туристско-рекреационного или санаторно-курортного кластера (комплекса). Следующим этапом может быть создание в крае музея-заповедника археологической направленности.

Литература

1. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года: закон Алтайского края от 21 нояб. 2012 г. № 86-ЗС // Кодекс, 2014. URL:

<http://docs.cntd.ru/document/453123097> (12.02.2017 г.).

2. Алёхин Ю. П., Кунгуров А. Л., Шевская О. В. Достояние земли Змеиногорской (археологическое и историческое наследие). Змеиногорск; Барнаул, 2013. 184 с.

3. Харламов С. В. Туристская энциклопедия регионов России. Алтайский край // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. Барнаул, 2016. Ч. 1. С. 261–264.

4. Историко-культурное наследие Бирюзовой Катунь (опыт интеграции в сферу туризма) / К. Ю. Кирюшин [и др.]. Барнаул, 2013. 222 с.

5. Кунгуров А. Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул, 1993. 89 с.

6. Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д. и. н. Барнаул, 2013. 28 с.

7. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века / С. П. Грушин [и др.]. Барнаул, 2009. 160 с.

8. Шульга П. И. Могилиник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

9. Об утверждении государственной программы Алтайского края «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 годы: пост. Адм. Алтайского края от 29 декабря 2014 года № 589 // Кодекс, 2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423904756> (15.01.2017 г.).

S. V. Kharlamov, Ph. D. in Geography, Associate Professor
Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russia)
kharlamovageo@rambler.ru

FEATURES OF THE INTEGRATION OF INTRACONTINENTAL ARCHAEOLOGICAL OBJECTS IN THE TOURISM SPHERE (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI TERRITORY)

Worldwide, in the centers of active tourism development, archaeological heritage sites are of exceptional value as tourism resources and in some areas are the primary motivation for numerous tourist trips. A variety of monuments of the archaeological heritage are open on the territory of the Altai Territory. In the post-Soviet period, the rapid development of tourism activity began here, which resulted in the recognition of tourism as one of the priority branches of the economy. The basis for the interest of the rapidly growing inbound tourist flow (from 250 thousand tourists in 2003 to 2 million in 2016) is in many ways a unique natural complex of the region. At the same time, in the last decade there has been an increasing integration of the cultural and historical heritage in the sphere of tourism. Monuments of archeology are not left without attention: various regional projects are being developed, suggesting their use in tourist activities.

Along with the exceptional diversity and high density of distribution of archeological monuments in the Altai Territory, they are distinguished by a low

level of contemporary attractive qualities. Nevertheless, objects of archaeological heritage, in spite of a small experience in the introduction of archeological monuments in the turnover of tourism activities, represent an extremely valuable resource on the basis of which the further development and development of the unique tourist product of the region is to be continued.

A special project of the federal level, which required during 2015-2017 the implementation of the analysis of the archaeological heritage with the definition of the prospects for use for tourism, is the creation of the “Tourist Encyclopedia of the Altai Territory”. The initiators of this project proposed to consider the volume, dedicated to the Altai Territory, as a pilot in a single series for all tourist regions of Russia. As part of the work on the project, the author developed conceptual approaches to the formation of the contents of the Tourist Encyclopedia, a list of structural organizational and methodological units and the selection of objects to which the articles of this unique publication will be devoted.

Keywords: *tourism, Altai Krai, archaeological heritage, archeological monuments.*

References

1. *Ob utverzhdenii strategii social'no-jekonomicheskogo razvitiya Altajskogo kraja na period do 2025 goda: zakon Altajskogo kraja ot 21 nojab. 2012 g. № 86-ZS* [On Approval the Altai Krai Social and Economic Development Strategy till 2025: Altai Krai Law No. 86-LA, Nov. 21, 2012] // Kodeks [Codex], 2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/453123097> (12.02.2017). [In Russ.].
2. Alyokhin Ju. P., Kungurov A. L., Shevskaja O. V. Dostojanie zemli Zmeinogorskoj (arheologicheskoe i istoricheskoe nasledie) [The Heritage of Zmeinogorsk Land (Archaeological and Historical)]. Zmeinogorsk; Barnaul, 2013. 184 p. [In Russ.].
3. Kharlamov S. V. Turistskaja jenciklopedija regionov Rossii. Altajskij kraj [Touristic Encyclopaedia of the Russia's Regions. The Altai Krai] // Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii [Culture in the Eurasian Area: Traditions and Novations]. Barnaul, 2016. Vol. 1. С. 261–264. [In Russ.].
4. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Birjuzovoj Katuni (opyt integracii v sferu turizma Historical and cultural heritage of Turquoise Katun (experience of integration into the sphere of tourism* [Historical and Cultural Heritage of Turquoise

Katun / K. Yu. Kiriushin [and others]. Barnaul, 2013. 222 p. [In Russ.].

5. Kungurov A. L. Paleolit I mezolit Altaya [The Paleolithic and Mesolithic Altai]. Barnaul, 1993. 89 p. [In Russ.].

6. Grushin S. P. Kul'tura zhizneobespechenija i proizvodstva naselenija stepnogo i lesostepnogo Ob'-Irtysh'ja vo vtoroj polovine III – pervoj chetverti II tys. do n. je. [Culture of Life Support and Population Production in the Ob-Irtysh Steppe and Forest and Steppe Areas in the Second Half of the 3rd – First Quarter of the 2nd Millennium BC]. Barnaul, 2013. 28 p. [In Russ.].

7. *Altaj v sisteme metallurgicheskikh provincij jeneolita i bronzovogo veka* [The Altai in the Context of Metallurgical Provinces in the Eneolithic and Bronze Ages] / S. P. Grushin [and others]. Barnaul, 2009. 160 p. [In Russ.].

8. Shulga P. I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a [Lokot'-4a, the Burial Ground of Scythian Time]. Barnaul, 2003. 204 p. [In Russ.].

9. *Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Altajskogo kraja «Razvitie turizma v Altajskom krae» na 2015–2020 gody:* post. Adm. Altajskogo kraja ot 29 dekabrya 2014 goda № 589 [On Approval the Altai Krai State Program “The Tourism Development in the Altai Territory”: Decree of the Altai Territory Administration, Dec. 29, 2014, No. 589] // Kodeks [Codex], 2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423904756> (15.01.2017 г.). [In Russ.].

УДК [061.6::069.01(571.1/.5)Рос.АН]::008:(4/5)

О. Н. Шелегина, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)
oshelegina@yandex.ru

Г. М. Запороженко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)
galinakoop@yandex.ru

Н. Н. Покровский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
(Новосибирск, Россия)
pokrov.pokrov@li.ru

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТОРА «МУЗЕЙ СО РАН» ПО ОСВОЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

За 25 лет сектор «Музей Сибирского отделения Российской академии наук» Института истории Сибирского отделения Российской академии наук приобрел значительный опыт проектной деятельности. Проекты «Актуальные формы представления историко-культурного наследия Сибири», «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» и «Освоение наследия в социокультурном пространстве Сибири (вторая половина XX – XXI вв.)» позволили выявить перспективный тренд в освоении наследия в условиях глобализации – интеграция науки, образования, культуры.

Ключевые слова: *сектор «Музей Сибирского отделения Российской академии наук», проектная деятельность, освоение наследия, интеграция науки, образования, культуры.*

С 2015 г. сектор «Музей Сибирского отделения Российской академии наук» развивает новое для Института истории Сибирского отделения Россий-

ской академии наук направление междисциплинарных гуманитарных исследований, связанное с актуализацией (путем музеефикации) и освоением

(изучение, введение в научный оборот на основе новых технологий, популяризация) научного и историко-культурного наследия Сибирского региона в российском и международном социокультурном контексте. Историко-культурное и научное наследие Сибири, как самого крупного региона России, обладает огромным потенциалом в исследовательском, познавательном, воспитательном контексте. Эффективной реализации этого потенциала препятствуют несколько факторов. Во-первых, ограниченное использование средств формализации и систематизации результатов исследований, ресурсов источников и способов их трансляции в социокультурную практику. Во-вторых, слабая интеграция результатов региональной исторической науки в общероссийский и мировой научный и культурный контекст. В-третьих, отсутствуют адекватные развитию современного общества формы активизации потенциала наследия в формировании гуманистического и патриотического мировоззрения населения. Для масштабного отражения значимости исторического развития Сибири в составе Российского государства целесообразно с теоретических и научно-практических позиций изучить процессы, связанные с освоением наследия в региональном социокультурном пространстве и определить их потенциал для обеспечения дальнейшего поступательного развития Сибири. Актуальность изучения и совершенствования системы освоения наследия возрастает в силу утраты обществом традиционных форм трансляции культурно-исторического опыта. В условиях глобализации степень освоения наследия становится важнейшим показателем культурного уровня общества, стратегическим направлением государственной политики России.

За двадцатипятилетний период работы сектора «Музей СО РАН» успешно выполнен ряд актуальных проектов, направленных на комплексное исследование истории и деятельности Сибирского отделения РАН в современный период, разработку методологии и методов музеефикации и популяризации истории науки:

- «История сибирской науки в лицах»,
- «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации»,
- «Академические музеи СО РАН: история формирования и развития»,
- «Роль сибирских музеев в формировании и трансляции региональной идентичности».

С 1994 г. музей и сектор «Музей СО РАН» являлись базовыми для Научного совета по музеям СО РАН, своеобразной экспериментальной площадкой по реализации исследовательских проектов в области музееведения, апробации новых музейных методик и технологий, интеграции деятельности академических музеев.

Постоянно действующая экспозиция, посвященная жизни и деятельности первого председателя СО АН СССР академика М. А. Лаврентьева, открытая в 1991 г., постоянно совершенствовалась и расширялась посредством организации юбилейных, проблемно-тематических, монографических, персональных выставок, имевших широкий социокультурный резонанс:

- «От ЗСФАНа до СО РАН: историческое путешествие», «СО РАН-45!»,
- «Пять десятилетий в истории Сибирского отделения РАН»,
- «Новосибирский научный центр (ННЦ): живем, работаем, отдыхаем»,
- «Науки о жизни в ННЦ СО РАН»,
- «Науки о Земле в СО РАН»,
- «Институт теоретической и прикладной механики СО РАН»,
- «Объединенный Институт катализа имени Г. К. Борескова»,
- «Вклад сибирских ученых в Великое дело Победы»,
- «Назавтра и навсегда (к 110-летию со дня рождения академика М.А. Лаврентьева)»,
- «Памяти академика В.А. Коптюга»,
- «Золотая плеяда сибирских геологов»,
- «Главный геолог – академик А. А. Трофимук».
- Музей неоднократно являлся экспонентом Международной выставки «Сибирская ярмарка».

В результате плодотворного сотрудничества с Комитетом музеологии Сибири, стран Азии и Тихоокеанского региона сектор стал инициатором и соорганизатором международных и всероссийских научно-практических конференций: «Музеи, музеология в меняющемся мире», (Барнаул, Новосибирск, Китайская Народная Республика, 2008), «Интеграция сибирских музеев в региональное социокультурное пространство» (Улан-Удэ, 2009), регулярно принимает участие в международных научно-практических форумах «Культура евразийского региона», проводимых Алтайским государственным институтом культуры и направленных на развитие музейного дела и этнокультурного туризма [1] в нашей стране и за рубежом.

В 2011–2014 гг. в секторе «Музей СО РАН» получены и введены в научный оборот новационные разработки историко-культурного и музеологического характера:

- концепт и исследовательская модель «музейный мир Сибири»,
- адаптационный подход к изучению истории и современного развития музеев [2].

Новацией, определяющей конфигурацию современного музейного мира России, признана инициаторованная и проводимая Институтом истории

СО РАН на базе сектора «Музей СО РАН» Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (2011, 2014 гг.) [3, 4, 5].

Научно-исследовательский и социокультурный потенциал сектора «Музей СО РАН» в этот период прирастал и реализовывался путем участия его сотрудников в проектах:

- «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» (ФЦП «Культура России») [6],

- «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия» (Интеграционный проект Президиума СО РАН),

- «Актуализация культурного наследия в странах Азии», международный трансграничный научно-образовательный и социокультурный проект (Научный совет по музеям СО РАН, Комитет музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона ИКОМ ЮНЕСКО),

- «Культурное и научное наследие в странах Азии: результаты и перспективы актуализации» – международный научный, постоянно действующий российско-монгольский семинар» (проект РГНФ14-21-03501).

Целенаправленная работа по бюджетному проекту (программа 104. № 0326-2014-0006) «Сибирь в контексте становления и развития индустриального общества в XX столетии» и реализация проекта «Актуальные формы представления историко-культурного наследия Сибири» (проект программы Президиума РАН № 0326-2015-0013) позволили выявить перспективный тренд в освоении наследия в условиях глобализации – интеграция науки, образования, культуры. Научная новизна и практическая значимость тренда связана с созданием эффективной системы международного научного сотрудничества, обеспечивающей на базе актуализированного и осваиваемого наследия развитие музейного мира Евразии.

В соответствии с этим исследовательским и социокультурным трендом сотрудники Института истории СО РАН, сектора «Музей СО РАН» представили свои новационные разработки в коллективной монографии «Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice»: («Культурное наследие в странах Азии от теории к практике») [7].

Сотрудниками сектора «Музей СО РАН» совместно с Академией наук Монголии, Министерством образования и Ассоциацией музеев Тайваня, Алтайским государственным педагогическим университетом, Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона был издан сборник научных статей, отражающий результаты исследований в области современных форм освоения наследия 40 известных и молодых музеологов из Германии,

Канады, Китая, Монголии, России, Франции [1].

В 2016-2017 гг. научно-исследовательская деятельность сектора «Музей СО РАН» проводится в соответствии с бюджетным проектом «Освоение наследия в социокультурном пространстве Сибири (вторая половина XX – XXI вв.)» (программа XII.190.2. Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций) и проектом «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе» (№ 0326-2015-0019 Комплексная программа фундаментальных научных исследований СО РАН № II. 2П). В процессе реализации проектов идет разработка системных моделей и новых технологий эффективной реализации социокультурного и научно-образовательного потенциала наследия как основы дальнейшего развития региональной и мировой культуры.

Целью проекта «Освоение наследия в социокультурном пространстве Сибири (вторая половина XX – XXI вв.)» является создание адекватной условиям глобализации пространственной модели освоения наследия, учитывающей региональную специфику, традиции и инновации в общественном развитии, современный характер взаимодействия власти и общества.

Достижение цели проекта связано с решением следующих теоретических и научно-практических задач: анализом историографического ресурса по наследиеведческой проблематике в России, регионе и за рубежом; характеристикой традиций и новаций в процессах формирования социокультурного пространства Сибири во второй половине XX – XXI вв.; реконструкцией системы государственных и общественных органов, занимающихся наследием; выявлением социокультурного потенциала объектов наследия в регионе; определением состояния и перспектив освоения наследия в музеях Сибирского региона, научных центрах СО РАН; оценкой эффективности форм интеграции науки, культуры, образования в освоении наследия; определением возможностей кооперации в сфере освоения регионального наследия; соотнесением результатов исследования проекта с общероссийским и мировым уровнем наследиеведческой теории и практики; разработкой и апробацией универсальной пространственной модели освоения наследия в условиях глобализации; созданием социально-ориентированной, базирующейся на принципах гражданского общества и кооперации системы освоения регионального наследия.

В основе реализации проекта находятся востребованные в современной мировой, российской и региональной исследовательской практике цивилизационный, адаптационный и коммуникационный подходы. В проекте предполагается выделение

дифференцированных и диффузных блоков, связанных: с изучением наследия как основы формирования и развития музейного мира Сибири, интеграцией учреждений науки, культуры, образования в сфере наследия в социокультурном пространстве региона; освоением научно-технического наследия Сибирского региона. В ходе исследования будут применены типологический, сравнительно-исторический (во всех его разновидностях), музеологические методы. В рамках проекта планируется апробировать форсайт-технологии (технологии проектирования будущего) для проведения межведомственных семинаров, посвященных интеграции и кооперации учреждений науки, культуры, образования в сфере освоения наследия, создания научно-образовательных продуктов. Совокупность проведенных исследований позволит создать интегрированный результат – универсальную пространственную модель освоения наследия в условиях глобализации с учетом региональной специфики и ее практическую реализацию в форме Музея регионального наследия, синтезирующего достижения науки, образования, культуры в области геобрендинга.

В настоящее время сотрудниками сектора формируется на новых площадях Института истории СО РАН (первый этаж) музейно-выставочное коммуникативное пространство для апробации новых форм освоения историко-культурного и научного наследия, популяризации истории сибирской академической науки, формирования исторического сознания молодежи.

В рамках данного подхода в Институте истории СО РАН проводится междисциплинарное исследование по разработке и апробации пространственной модели освоения наследия научного топоса на примере Новосибирского научного центра с 60-летней историей и самого крупного Научного центра РФ – г. Бийска, также насчитывающего около 60 лет деятельности. На основе результатов междисциплинарного проекта «Интеграция российских музеев в региональное социокультурное пространство» были выделены перспективные направления соединения музейной теории и практики: 1. «Музей Сибири» как креативная форма актуализации наследия региона, 2. Выделение территорий с регионально-локальной идентичностью: Новосибирский Академгородок [8] и микрорайон ФНПЦ «Алтай» г. Бийска. В топосе Академгородка выделены пять социокультурных комплексов, маркирующих включенность в дискурс научного городка: мемориально-монументальный, топонимический, интеллектуально-досуговый, экологический. Развитие музейной инфраструктуры рассматривается как один из важных факторов соответствия Академгородка своему официальному статусу исторической достопримечательности регионального значе-

ния. Музей науки и техники – победитель первого Всероссийского грантового конкурса «Научный музей в XXI веке» – представляет историю вычислительной техники, достижения сибирских ученых в области информационных технологий и робототехники, ведет просветительскую работу, направленную на формирование научного мировоззрения и профориентацию молодежи. На основе партисипаторных технологий создается экспозиция по приборам и техники научного эксперимента, которые в экспозиции демонстрируют непосредственные участники научного процесса – ученые, работающие в соответствующих институтах.

На данный момент существует ряд социокультурных объектов, отражающих специфику данного научного топоса (памятники монументального искусства, Дом технического творчества, Планетарий, экологическая зона «Городской лес», музей космонавтики, Культурный и спортивные центры). В настоящее время проводится мониторинг мнения жителей о необходимости и формах учреждения музейного типа, интегрирующего локацию историко-научного топоса. Фонды музея постоянно пополняются предметами музейного значения, донаторами которых являются жители научного городка. В ходе заседания клуба «Юных» техников – легенд сибирской науки, ровесников Новосибирского Академгородка, осуществляется транспоколенная передача ментальности научного поиска.

По партисипаторному принципу создается музейное пространство «Музея СО РАН». Доминантой является экспозиция, построенная по топонимическому принципу с учетом расположения реальных объектов на местности. Доминантой является экспозиция «Проспект Лаврентьева – самая улица мира» (по версии книги рекордов Гиннеса). Отдельные экспозиционные модули институтов располагаются в экспозиционных помещениях в соответствии с их геолокацией и наполняются экспонатами при непосредственном участии сотрудников институтов в период разных социокультурных акций в День Знаний, Дни Российской и городской науки и т. п. В процессе проведения конференций и семинаров действует площадка, являющаяся стержнем пространства свободной интерпретации, где посетителям предоставляется возможность создания креативных инсталляций.

Как перспективная проектная форма разрабатывается концепция «Музея Сибири» с учетом апробации опыта внедрения партисипаторных технологий, представленных выше. Музей Сибири – многоуровневый интеграционно-сетевой, высокотехнологичный музей новационного типа, может в процессе его организации и функционирования войти в число влиятельных музеев мира XXI в.

Позиция сектора «Музей СО РАН» как активного и актуального подразделения Института исто-

рии СО РАН формируется и развивается благодаря широким партнерским связям с АНО «Новый институт культурологии», Государственным литературным музеем, Новосибирским государственным университетом, Алтайским государственным институтом культуры, Алтайским государственным педагогическим университетом (кафедра историко-культурного наследия и туризма), Бийским технологическим институтом (филиал Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова), Ассамблеей народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан, Музеем Новосибирска и его филиалом Музеем «Заельцовка», Историко-культурным и мемориальным музеем-заповедником «Киммерия Волошина» (Республика Крым), а также сотрудничеству с общественными организациями – Научным советом по музеям СО РАН, Комитетом музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона Международного совета музеев (ИКОМ) при ЮНЕСКО, Российским национальным комитетом ИКОМ, Общественным советом по культуре при Министерстве культуры Новосибирской области.

Сектор «Музей СО РАН» и в дальнейшем будет развивать проектную деятельность по освоению историко-культурного наследия Евразии, выполнять социально-значимую миссию – исследовать, демонстрировать и пропагандировать ведущую роль сибирской науки в обеспечении стабильного развития рос-

сийского общества, укреплении международного авторитета и влияния России, формировании регионального социокультурного пространства, интегрирующего достижения науки, образования для повышения уровня культуры всех слоев населения, воспитания гуманизма и патриотизма.

Литература

1. *Музеи и этнокультурный туризм*. Новосибирск, 2010. 156 с.
2. *Шелегина О. Н.* Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск, 2014. 396 с.
3. *Новації в розвитку музейного мира Росії в перше десятиліття ХХІ століття*. Новосибірськ, 2011. 248 с.
4. *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения*. Новосибирск, 2011. 398 с.
5. *Современные тенденции в развитии музеев и музееведения*. Новосибирск, 2014. 224 с.
6. *Новації в музейному світі. Музей як комунікаційний протокол*. Новосибірськ, 2013. 262 с.
7. *Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice*. Pavlodar, 2015. 227 p.
8. *Шелегина О. Н., Куперштох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н.* Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки Сибири. 2016. Т. 25. № 3. С. 117–122.
9. *Наука, образование, музеи: формы освоения наследия*. Барнаул, Новосибирск, 2016. 204 с.

O. N. Shelegina, Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
oshelegina@yandex.ru

G. M. Zaporozhchenko, Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher,
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
galinakoop@yandex.ru

N. N. Pokrovsky, Ph. D. in History, Senior Researcher,
Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)
pokrov.pokrov@li.ru

PROJECT ACTIVITIES OF SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES MUSEUM FOR THE ACQUAINTANCE WITH HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE EURASIA

For 25 years the Institute of history of Siberian branch of Russian Academy of Sciences has gained considerable experience in museum projective activities. The projects “Current forms of presentation of historical and cultural heritage of Siberia”, “Modern trends in the actualization of the historical experience of the formation of identities in the Siberian region” and “Development of heritage in socio-cultural space of Siberia (second half of the XX – XXI centuries)” has allowed to identify promising trend in the development of heritage in the context of globalization – the integration of science, education and culture. On the basis of the Museum

all-Russian scientific-practical conference “Modern tendencies in development of museums and museology” (2011, 2014) worked. Currently employees of the Museum formed at the new Institute of history SB RAS (the first floor) exhibition communicative space for testing new forms of development of historical-cultural and scientific heritage, popularization of the history of Siberian academic science, the formation of the historical consciousness of young people. The Institute of history SB RAS carried out also a multidisciplinary study on spatial models of the development of the scientific heritage in a topos by the example of Novosibirsk scientific

center with 60-year history and the largest science-city of the Russian Federation – Biysk.

Keywords: *museum of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, projective activity, development of heritage, integration of science, education and culture.*

References

1. *Muzei i etnokulturnyy turizm* [Museums and Ethnical and Cultural Tourism]. Novosibirsk, 2010. 156 p. [In Russ.].
2. *Shelegina O. N. Muzeynyiy mir Sibiri: istoriya i sovremennyy tendentsii razvitiya* [The Siberian Museum World: History and Current Trends]. Novosibirsk, 2014. 396 p. [In Russ.].
3. *Novatsii v razvitii muzeynogo mira Rossii v pervoe desyatiletie XXI veka* [Development Innovations in the Russian Museums World in the First Decade of the 21st century]. Novosibirsk, 2011. 248 p. [In Russ.].
4. *Sovremennyye tendentsii v razvitii muzeev i muzevedeniya* [Today's Tendencies of Museums and Museology Development]. Novosibirsk, 2011. 398 p. [In Russ.].
5. *Sovremennyye tendentsii v razvitii muzeev i mu-*

zeevedeniya [Today's Tendencies of Museums and Museology Development]. Novosibirsk, 2014. 224 p. [In Russ.].

6. *Novatsii v muzeynom mire. Muzei kak kommunikatsionnyy protokol* [Innovations in the Museum World. The Museum as a Communication Protocol]. Novosibirsk, 2013. 262 p. [In Russ.].

7. *Cultural heritage in Asian countries: from theory to practice*. Pavlodar, 2015. 227 p. [In Eng.].

8. *Shelegina O. N., Kupershtokh N. A. Zaporozhchenko G. M., Pokrovsky N. N. Identichnost lokalnykh nauchnykh soobshchestv: opyt formirovaniya i translyatsii (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra SO RAN)* [The Local Scientific Communities Identity: An Experience of Formation and Transfer (on working materials of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk Scientific Center)] // *Gumanitarnye nauki Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2016. Vol. 25. No. 3. Pp. 117–122. [In Russ.].

9. *Nauka, obrazovanie, muzei: formy osvoeniya naslediya* [Science, Education, Museums: Forms of Heritage Familiarization]. Barnaul, Novosibirsk, 2016. 204 p. [In Russ.].

УДК 364.446:379.8(575.1)

М. Б. Юлдашева, доцент
Государственный институт искусств и культуры Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)
manzura15@yandex.ru

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье говорится, о совершенствовании деятельности учреждений культуры. О процессе реформирования и оптимизации сети и структуры учреждений культуры в Узбекистане.

Ключевые слова: *культура, искусство, отдых, рекреация, зрелище, организация массового отдыха, организация игр и развлечений, культурные потребности.*

Государственная политика Узбекистана в сфере культуры направлена на сохранение самобытности культуры узбекского народа и национальных традиций, возрождение, сохранение и развитие культурного наследия, обеспечение доступности культурных ценностей для всего населения, интеграцию в систему всемирной культуры на правах равноправного участника.

Состояние узбекской культуры характеризуется наличием позитивных тенденций её развития. К позитивным можно отнести принятие ряда законодательных актов по вопросам культуры, последовательную поддержку сферы культуры и искусства руководством республики: сохранение сети учреждений культуры, постепенное улучшение материально-технической базы, успешное участие представителей Узбекистана в международных конкурсах, активная поддержка государством детей и молодёжи, региональные культурные контакты с дру-

гими странами. К таким законодательным актам можно отнести: Постановление кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по формированию в 2013-2018 годах современных центров культуры и досуга населения», Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах, Указ Президента от 15 февраля 2017 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления в области культуры и спорта».

Культура – это живой организм, который развивается вместе с обществом, требует новых подходов в решении возникающих проблем, нуждается в совершенствовании. Изменения, которые происходят в мире и Республике Узбекистан, влекут за собой пересмотр представлений о роли культуры в государстве и обществе. Сегодня культура воспринимается не только как совокупность общенациональных ценностей и не связывается исключительно с культурным наследием и народным творче-

ством, а воздействует на всестороннее развитие человека. В связи с этим возрастает роль учреждений культуры в современном обществе Узбекистана. В сложной ситуации оказались в последнее время досуговые учреждения Узбекистана. Сегодняшняя ориентация на рыночную экономику, приоритетное развитие платных услуг, многие другие проблемы заставили изменить прежние стереотипы. В досуговой деятельности были подвергнуты забвению такие важные и ведущие функции, как просветительная и воспитательная; утратились понятия: патриотизм, гражданское достоинство, общественный долг и многое другое. В связи с этим возникла необходимость создания в Узбекистане условий для удовлетворения возрастающих потребностей населения в организации продуктивного и содержательного проведения ими свободного времени. 25 июня 2013 год^Г было принято Постановление кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по формированию в 2013–2018 годах современных центров культуры и досуга населения» [1, с. 1].

Согласно принятому Положению о центрах культуры и досуга населения их деятельность заключается не просто в изучении культурных потребностей населения, а в возможности предоставления разнообразных услуг культурно-просветительского и развлекательного характера и создания условий для любителей занятий самодеятельным, художественным творчеством и прикладным искусством. Среди задач центров можно назвать такие наиболее важные, как создание интернет-студий, курсов по изучению информационно-коммуникационных технологий и иностранных языков посредством электронных ресурсов. Организация проведения увлекательных представлений, свадебных и иных торжественных мероприятий, проведение постоянных и временных выставок фото- и прикладного искусства, создание и организация студий и кружков по интересам и т. д. А так же выявление талантливой молодежи Узбекистана посредством проведения постоянных и временных выставок прикладного искусства, конкурсов, мини-фестивалей народного творчества и зрелищного искусства, а также их моральную поддержку и пропаганду достижений творческой молодежи.

Современные учреждения культуры (центры культуры и досуга населения, парки, музеи, театры, библиотеки, школы искусств и др.) – это социально-культурные институты, где реализуется профессиональная деятельность специалистов в области организации досуга. Их задача заключается в создании необходимых условий для удовлетворения общественных потребностей в отдыхе, общении, развитии культуры, творчества, многообразных форм досуговой активности людей.

Основные функции государственных учреждений культуры как социально-культурных институтов состоят в том, чтобы:

- сохранять и развивать достижения национальной культуры, традиционные формы культурной деятельности;

- совершенствовать художественное творчество, раскрывать и поддерживать творческие индивидуальности и таланты;

- содействовать развитию познавательной активности самообразования в сфере литературы, искусства, истории, науки, экономики, производства, культуры быта;

- поддерживать социально значимые творческие инициативы любителей объединений, клубов, общественных объединений, в том числе тех, которые содействуют развитию национальных культур в Узбекистане;

- формировать у разных категорий населения и у отдельных граждан умения и навыки стабильной и гуманной организации и самоорганизации свободного времени и отдыха.

Приоритетными направлениями деятельности государственных учреждений культуры определены:

- национальная культура, традиционные виды искусств и ремёсел, обычаи и обряды узбекского и других народов, проживающих в стране;

- социально-культурные программы для социально уязвимых групп населения;

- детское творчество во всех его видах и формах;

- рекреационно-развлекательная деятельность разных категорий граждан и содержательный цивилизованный отдых;

- самодеятельное художественное творчество и движение любителейских и общественных объединений;

- празднично-зрелищная деятельность в различных региональных условиях.

Для совершенствования деятельности учреждений культуры Узбекистана существует целый комплекс мероприятий. Он включает направления по сохранению и качественному изменению сети учреждений культуры, организации смешанных государственно-частных предприятий и объединений культурно-досугового типа, активизации культурно-просветительной деятельности, развитию традиционной культуры регионов, обеспечению доступности учреждений культуры для различных групп сельского населения, поддержке общественной инициативы в сфере духовной жизни сельских жителей. Эти процессы диктует и направляет повседневная практика – здесь не может быть застывших форм и методов работы.

Современные учреждения культуры призваны решать важные социальные задачи, интернируясь в их решении и реализации с органами образования, социальной защиты, комитетами по делам молодёжи, общественными организациями, творческими

союзами. Сохранение национально-культурных традиций, художественно-эстетическое воспитание, инициативы, направленные на борьбу с асоциальными явлениями, новые информационные и досуговые технологии становятся главным содержанием деятельности современного учреждения культуры в Узбекистане.

Всё это определяет поиск оптимальных форм и моделей учреждений культуры, как интегрированных многофункциональных, так и профильных специализированных, совершенствование их нормативно-правовой, экономической и материально-технической базы. Последние 25 лет в социокультурной жизни Республики Узбекистан были временем активного реформирования и профилизации учреждений культуры, поиска новых моделей, попыток укоренения оптимальной инфраструктуры на уровне регионов.

Сегодня процесс реформирования и оптимизации сети и структуры учреждений культуры Узбекистана идет по двум направлениям:

- реорганизации и объединения там, где это необходимо и обусловлено,
- перепрофилирования, формирования новых типов учреждений.

Таким образом, одновременно решаются две практические задачи: наиболее эффективно реализуется государственная политика в области национально-культурного возрождения и действующая сеть активно пополняется учреждениями культуры нового типа.

Для улучшения деятельности учреждений культуры Узбекистана необходимо, в первую очередь, определить место и социальную роль функционирующих сегодня структур в системе регулирования и координации социокультурных процессов (центров культуры и досуга населения, театров, парков, музеев, библиотек, музыкальных школ, центров эстетического воспитания и др.). Это позволит более точно определить специфические функции разных социальных институтов культуры, даст возможность выявить оптимальные организационно-структурные подходы к созданию новых моделей, востребованных в данных условиях в Узбекистане, определить их соответствие социальному заказу.

Государство обеспечивает развитие культуры, так как оно несёт ответственность за духовное, моральное и эстетическое воспитание граждан. Государство создает необходимые условия для приобщения граждан к национальному и мировому культурному наследию; формирует систему организаций и учреждений искусства и культуры; выделяет необходимые материальные и финансовые средства; обеспечивает проведение научных исследований и разработку научных проектов в области культуры, готовит квалифицированные кадры; со-

здаёт гарантии и стимулы художественного творчества, сохраняет традиционную культуру (фольклор, народные промыслы, ремёсла), обеспечивает формирование среды обитания человека, защиту интересов народа Узбекистана в области культуры.

Учреждения культуры являются тем социальным институтом, который выступает одновременно в качестве:

- демократического и общедоступного, гуманистически сориентированного социального института, культурно-образовательного пространства, духовного и физического становления и развития личности человека, его самореализации и самоопределения;
- центра формирования рекреационной культуры разных социальных групп и слоёв общества;
- творческой лаборатории самодеятельного искусства во всех видах и формах его бытования;
- аккумулятора культурной активности и инициативы населения в сфере свободного времени;
- организатора празднично-зрелищных программ на основе как традиционных, так и инновационных технологий;
- координатора культурной жизни и разных социокультурных процессов в сельских регионах страны.

Таким образом, в культурной жизни Узбекистана учреждения культуры всегда были и сейчас остаются одним из тех социокультурных институтов, которые призваны выступать в качестве организованного пространства личности человека, его самореализации и самовыражения. Поэтому подходы по модернизации и внедрению в действующую сеть учреждений культуры нового типа должны проводиться рационально, с учётом конкретной обстановки.

Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О мерах по формированию в 2013–2018 годах современных центров культуры и досуга населения», Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах, [2, с. 3]. Указ Президента от 15 февраля 2017 года «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления в области культуры и спорта», Государственные программы предусматривают целый комплекс мероприятий. Таких как: по сохранению и качественному совершенствованию сети учреждений культуры, активизации культурно-просветительной деятельности, развитию традиционной культуры регионов, обеспечению доступности учреждений культуры для различных групп населения, поддержке общественной инициативы в сфере духовной жизни сельских жителей. В настоящее время в стране функционируют 39 театров, 175 музеев, более 1 тысячи

центров и парков культуры и досуга населения, 301 детская школа музыки и искусства [3, с. 2].

Процесс совершенствования социально-культурной деятельности учреждений культуры, как показывает практика, целесообразно проводить путём внедрения целевых региональных программ культурного развития, что позволяет сформировать открытую систему взаимосвязи разных социальных институтов с общественными структурами на уровне региона как единого социокультурного пространства.

Литература

1. *О мерах по формированию в 2013–2018 годах современных центров культуры и досуга населения:*

пост. Кабинета министров Республики Узбекистан от 25 июня 2013 № 178 // Lex.uz, 2013. URL: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2193248 (18.02.2017 г.).

2. *Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах:* указ Президента Республики Узбекистана № 4947 от 7 февр. 2017 г. // Lex.uz, 2017. URL: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3107042 (15.02.2017 г.).

3. *О мерах по дальнейшему совершенствованию системы управления в области культуры и спорта:* указ Президента Республики Узбекистана № 4956 от 15 февр. 2017 г. // Lex.uz, 2017. URL: <http://www.lex.uz/mobileact/3115565> (18.02.2017 г.).

M. B. Yuldasheva, Associate Professor
Uzbekistan State Institute of Arts and Culture (Tashkent, Uzbekistan)
manzura15@yandex.ru

WAYS OF IMPROVING THE UZBEKISTAN CULTURE INSTITUTIONS ACTIVITIES AT THE PRESENT DAY

The article describes the main directions of the state policy of Uzbekistan in the sphere of culture. The author notes the positive trends in its development. The representations of the role of culture in the state and society are being revised. The interest to the institutions of culture by the state is growing, which was reflected in the appearance of a number of legislative decrees in the recent decades.

The author defines tasks, functions, and priority directions of cultural institutions activity. It is noted that the period of their reforming, optimization of the network and structure proceeds in two directions: reorganization and consolidation where necessary, and conditioned and re-profiling, and the creation of new types of institutions. In this manner two practical tasks are simultaneously solved: the state policy in the field of national and cultural revival is effectively realized and the existing network is actively replenished with cultural institutions of a new type.

Keywords: *culture, art, rest, amusement, entertainment, play, cultural work among the masses.*

References

1. *O merah po formirovaniyu v 2013–2018 godah sovremennykh centrov kul'tury i dosuga naseleniya:* postanovlenie Kabineta ministrov Respubliki Uzbekistan ot 25 iyunja 2013 № 178 [On Measures for Formation of Modern Cultural and Leisure Institutions Since 2013 Till 2018: Decree of the Republic of Uzbekistan Cabinet of Ministers No. 178, June 25, 2013] // Lex.uz, 2013. URL: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=2193248 (18.02.2017). [In Russ., in Uzb.].

2. *Strategiya dejstvij po pjati prioritetnym napravlenijam razvitija Respubliki Uzbekistan v 2017–2021 godah:* ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistana ot 7 fevr. 2017 g. [Five Priority Directions of the Republic of Uzbekistan Development Strategy in 2017–2021: President of the Republic of Uzbekistan's Decree No. 4947, Feb. 7, 2017] // Lex.uz, 2017. URL: http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3107042 (15.02.2017 г.).

3. *O merah po dal'nejshemu sovershenstvovaniju sistemy upravlenija v oblasti kul'tury i sporta:* ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistana № 4956 ot 15 fevr. 2017 g. [On Measures of Further Optimisation the Culture and Sport State Administration System: President of the Republic of Uzbekistan's Decree No. 4956 Feb. 15, 2017] // Lex.uz, 2017. URL: <http://www.lex.uz/mobileact/3115565> (18.02.2017).

Научное издание

**КУЛЬТУРА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ**

Научный журнал

№ 1 (1) 2017 г.

Ответственный за выпуск: А. С. Фролова, Л. Ю. Егле

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений,
а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна

Редакторы: В. Г. Кузнецова, Н. А. Филина

Отпечатано в издательстве Алтайского государственного института культуры

Подписано в печать 22.09.2017 г. Формат 60x84¹/₈. Усл. п. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ 239

Алтайский государственный институт культуры
656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277